

АНТОН
ДЕМЧЕНКО

БОЯРИЧ

БОЯРИЧ
УЧИТЕЛЬ
ГРАНД

БФ-коллекция

Антон Демченко

Боярич: Боярич. Учитель. Гранд

«Издательство АСТ»

2015, 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Демченко А. В.

Боярич: Боярич. Учитель. Гранд / А. В. Демченко —
«Издательство АСТ», 2015, 2016 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-115993-1

Шаг за Грань не всегда уводит в забвенье. В этом прирождённый учитель и отставной военный инструктор по прозвищу Росомаха убедился на собственном опыте... и надо сказать, весьма обрадовался такому повороту. Неудивительно! Волей древнего божества этот шаг привёл его к новой жизни в ином странном, удивительном мире и другом теле, молодом и пышущем здоровьем. Пожалуй, даже слишком молодом. Впрочем, дарёному коню в зубы не смотрят, да и четырнадцать лет, как оказалось, не самый неудачный возраст. Ещё бы было поменьше проблем с новыми родственниками... Как бы то ни было, переиграть уже ничего нельзя, а значит, Росомахе придётся приложить все усилия, чтобы доказать свою силу, выжить в круговерти боярских интриг и при этом постараться не забыть о своём призвании учителя, как и наказал старый сереброусый бог, забросивший его в этот мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-17-115993-1

© Демченко А. В., 2015, 2016
© Издательство АСТ, 2015, 2016

Содержание

Боярич	6
Пролог	6
Часть первая. Стертые лица	10
Глава 1. Тренировки – залог долгой жизни... за редким исключением	10
Глава 2. Господи, избавь меня от союзников...	15
Глава 3. Думки-задумки и побег из курятника	20
Глава 4. Торговаться всегда, торговаться везде...	26
Глава 5. Беседы в Беседах	31
Часть вторая. Приглашение в балаган	38
Глава 1. Закопанный трамвай – еще не метро	38
Глава 2. Кому мифы, а кому головная боль	43
Глава 3. Определенное место жительства	48
Глава 4. Уют – такая зыбкая штука	53
Глава 5. Особенности воспитания	58
Часть третья. Когда бы я был большим	64
Глава 1. Четвертый раз в первый класс	64
Глава 2. Не ошибается только тот, кто ничего не делает	69
Глава 3. Злой, язвительный и мстительный... одним словом, настоящий учитель	74
Глава 4. «Пора-пора-порадуемся на своем веку...»	79
Глава 5. Во имя пафоса	85
Часть четвертая. По пыльному шлему	91
Глава 1. Память-то девичья...	91
Глава 2. Чистописание и угольки	96
Глава 3. Ходячие мертвецы, неходячие мертвецы	101
Глава 4. Ловкость рук, и никакого мошенства	107
Глава 5. Есть время разбрасывать камни – и время собирать камни	112
Часть пятая. Вот и пришел архангел с трубой	118
Глава 1. Иногда смерть – это только начало	118
Глава 2. Личная жизнь? А что это?	123
Глава 3. Работа не волк, но если догонит, мало не покажется	128
Глава 4. Если гора не идет... значит, было мало травы	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Антон Демченко
Боярич: Боярич. Учитель. Гранд

© Антон Демченко, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Боярич

Пролог

Выстрел, еще один... Сухо клацнул затвор, и последняя гильза тихо звякнула о плитку пола. Аллес. А теперь вон из кухни.

Осторожно выкатившись в открытую дверь, ухажу в тень, под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь люк в подвал, но туда мне нельзя. Обнаружат и закидают гранатами: деться из подвала некуда и спрятаться не за чем. Пустой он, последнюю бочку пятилетнего меда я вывез в город еще неделю назад...

Покрутив в руках старого доброго «Яру»¹, вздыхаю. Патронов нет. Из другого оружия – лишь не менее старый охотничий нож на поясе, без которого я даже по собственному дому не хожу. А значит, остается надеяться только на собственное тело, верный клинок... и разум, конечно. Впрочем, в отличие от того же ножа, последний стал частенько отказывать, отправляя меня в забытие в самые неожиданные моменты... Ладно, главное – чтобы сейчас обошлось...

Я глубоко вдохнул, на мгновение расслабляя тело, и постарался «раствориться». Воспаленный предатель-мозг тут же ответил судорожным уколом боли, но обращать на нее внимание мне нельзя... а значит, побоку. Сосредотачиваюсь и медленно выдыхаю... стараясь абстрагироваться от нарастающей головной боли. Получилось... ощутив, что «отвод» заработал в полную силу, я медленно, шаг за шагом двигаюсь в тени лестницы, туда, где ясно чувствуется биение чужой жизни. Кажется, я отчетливо могу услышать азартный, напоенный адреналином стук сердца одного из тех уродов, что сегодня пришли ко мне в гости, без приглашения и с громко стреляющими подарками наперевес. Мы с «Ярой» изрядно проредили состав визитеров, гостеприимно угостив их свинцовыми конфетами, но... Восемнадцать патронов – это немного даже в тире, а уж при «живой работе» и вовсе слезки. Тем более когда по ту сторону прицела не лихоимцы с распальцовкой, а вполне резвые и шепутные наемники, только... несработавшиеся какие-то, что ли? И вялые... то есть слишком уж осторожные. Им бы по дому частой гребенкой пройти, с закатыванием гранат в каждую комнату... да и с планированием явные проблемы, и... Ладно, хватит нудеть. Чай, не на полигоне молодняк натаскиваю. Да они меня и так прижали, если честно. Что называется, ни вздохнуть, ни пискнуть... Ну ничего, мне сейчас только дорожку расчистить, а в лесу мы еще поборемся... Вперед, к летнику, там выход на балкон и гульбище. Но последнее мне ни к чему, из него только во двор можно попасть, а он насквозь простреливается. А вот балкон – самое то. Аккурат над обрывом. Плохо, что именно в летнике-то как раз и засел один из «гостей». Вот он. Я аккуратно погладил ладонью по тонкой перегородке, кожей ощущая прислонившегося к ней с той стороны человека, чье внимание было направлено на расположенный рядом дверной проем. Ну, здравствуй, гость молодой-задорный... И чего тебя понесло в гости к старому больному отшельнику, а?

Двадцатисантиметровый клинок легко преодолел перегородку, а раздавшийся следом легкий вздох отозвался продравшим нутро холодом чужой смерти и очередным уколом головной боли, как наказанием за разгон, который, собственно, и позволил мне пробить насквозь пять сантиметров дубовой доски. А вот следующий приступ был настолько неожиданным и скорым, что я просто рухнул на пол. Но не оставлять же было единственное оружие в стене? А без того же разгона мне его оттуда было никак не вырвать. Зато упал я, как оказалось, очень

¹ «Яра» – здесь пистолет системы Ярыгина.

вовремя. За стенкой раздался чей-то сдавленный мат, а затем целая очередь хлопков-плевков, и дерево перегородки надо мной вспучилось щепками. Точно садит, паскуда.

Плохо. Нет, не то плохо, что приступ меня свалил, хотя и это не лучшая новость. Еще утром от пары-тройки таких ускорений-усиления я и усталости не почувствовал бы... А то плохо, что в летнике не один «веселый сорванец» был, а как минимум двое, и этого второго я не почуял... Или это был тот, что с кухни меня выдавил? С гульбища вошел? Черт, как не вовремя...

Кое-как справившись с накатившей слабостью, я вновь ушел в тень, пока не сполз отвод глаз и сидящий где-то снаружи снайпер не высмотрел меня в окне... Огромном, черт его дери, панорамном окне. И дернуло же меня поставить это... буржуйство! Виды, понимаете ли, из него красивые открываются. Ну, вот теперь и шхерся от снайперов, идиот старый!

Стоп! Если этот второй, что сейчас настороженно держит на прицеле дверь из летника в холл, в доме, то на гульбище должно быть пусто, так? Посчитаем. Было две пятерки. Часть я... оприходовал еще в самом начале штурма, заодно нарушив их план атаки и «вскрыв» двух снайперов. Хех, были бы они поопытнее, хрен бы обнаружили, но эти явно желторотики. Ни терпения, ни выдержки. Вот и раскрылись, пока я у них на глазах первых двух штурмовиков снимал. Затем еще двое, уже в доме, вон один в холле, прямо перед лестницей лежит, другой на кухне, и последний из первой пятерки только что, в летнике. Осталась еще одна группа. Трое идут с левого крыла дома, еще двое были на гульбище. Теперь один из них сторожит меня все в том же летнике и... бубнит, дятел такой, в гарнитуру. Прибарахленные ребята, но... аматоры, чтоб их! Кто же так дом штурмует?! Ла-адно, повоюем. Я вам покажу, как по шерсть ходить, к старым больным отшельникам...

Так, определимся, кто есть где и ху из кто... Заранее морщась от неминуемой расплаты за следующий шаг, я тихохонько убрался под лестницу и, до предела накрутив чуйку, принялся «осматриваться». Точно, трое лезут по второму этажу с левого крыла, один в летнике, а пятый, пятый-то где?... Нашел. Он, оказывается, занял прежнее место чуть не уконтрапутившего меня мстителя за резьбу по горлу. На кухне засел, сволочь. А значит, к гульбищу и соответственно закладке с оружием мне отсюда ходу нет. Ла-адно. Мы пойдем другим путем. Сгибаясь от боли, раскаленными шурупами вворачивающейся в мозг, я пополз под лестницу. Нет, спуск в подвал мне по-прежнему был ни к чему, а вот двери, ведущие в левое крыло, точнее, пустующий первый этаж этого крыла – то, что надо. Там имеется дверь на второй балкон, выходящий на реку.

Жаль, к тому орлу, что «разлегся» на полу холла, не подобраться. Никакой отвод глаз не спасет. А как бы мне сейчас его машинка пригодилась... Эх, ладно.

Шаг, другой – и вот я уже в гостиной-библиотеке. Да-да... знаю, старомодно. Но вот люблю я бумажные, «живые» книги... Причем давно. И коллекцию свою начал собирать лет эдак двадцать назад, с лейтенантских погон. Жаль оставлять всю эту роскошь, но чую, что больше я своей библиотеки не увижу. Как пить дать, сожгут, твари, вместе с домом. А потом и счет будет некому выставить... уж я постараюсь.

Окинул взглядом строгие линии массивных книжных полок, за которыми и стен-то не видно, и, не спускаясь вниз, прошел по галерее к выходу на балкон.

Осторожный взгляд в окно, на противоположный берег, опушку и возвышающийся за ней гигантским частоколом сосновый бор. Светлый, радостный... м-да. Хорошее место для дома я выбрал.

Раздавшийся у дверей в холл шорох заставил меня поторопиться. Опустившись на четвереньки, колобком выкатываюсь на балкон и, бросив короткий взгляд вниз через фигурную прорезь ограды, одним движением взметнув свое тело над перилами, солдатиком ухожу под воду, еще успев услышать звон бьющегося стекла над головой. Почти успели, паскуды... ну да ничего, на той стороне потягаемся.

Не торопясь выныривать на поверхность, я погреб вниз по реке. Казалось бы, вода прозрачная, глубина небольшая, бей – не хочу. Да черта с два! День солнечный, и река сейчас вся в бликах, переливается, словно рыба чешуя, ни хрена под водой не рассмотреть. А значит, ходу. Подталкиваемый течением, я вскоре оказался довольно далеко от дома и, добравшись до небольшой заводи, где любил порыбачить время от времени, вынырнул и с шумом вдохнул такой сладкий воздух. Но не успел выбраться на берег, как левое плечо резко дернуло назад, а по рубахе тут же начало расплываться красное пятно. Еще один толчок, на этот раз в грудь, на месте удара расцветает еще один алый цветок, и я, еще не понимая толком, что произошло, заваливаюсь на спину.

Боли нет... даже той, давно ставшей привычной, хоть и нежеланной соседкой, что последние пять лет ежесекундно нудила у меня в голове. А надо мной чистое, без единого облачка, голубое-голубое небо. Ветер несет от леса тепло и запах хвои, а под руками шуршит пересыпающийся песок. И так легко...

Понимаю, что на этом все... и губы расплываются в улыбке. А все-таки я ее наколол. Оставил Безносую с носом, ха! И сдох не от болезни, грозившей превратить сильного сорокалетнего мужчину в безумную развалину, не способную самостоятельно добраться до «очка», а в бою, как и положено воину с незапамятных времен, с клинком в руке. Рука сжимает шершавую роговую рукоять старого охотничьего ножа, небо заполняет все вокруг меня... и я тону в его необъятной глубине.

* * *

– Росомаха?! Ты? Но... – Голос появившегося словно из ниоткуда человека в лесном камуфляже раздался совсем рядом, но лежащий на песчаном берегу, раскинув руки, мертвец его не слышит. А тот несколько секунд постоял над убитым, катнул желваки и, прижав к горлу передатчик ларингофона, заговорил резко и зло: – Цель поражена. Группам – отход... Первый – Десятому...

– Все вопросы на базе, Десятый, – тут же откликнулся Первый. – Выдвигайтесь к точке.

– Есть все вопросы на базе. Отбой, – снайпер отключил гарнитуру и, сгорбившись, скрылся в лесу.

* * *

Росомаха... Это я. Помню... Еще лет десять назад на это прозвище я откликался чаще, чем на имя-отчество или даже на звание. Звание? У меня было звание? А... да, было. Капитан. Майора я получил уже «под занавес», так сказать. «Смежники» из ГРУ постарались, без их помощи, скорее всего, меня так и отправили бы в отставку капитаном. Да... Хорошие были ребята. Вот уж кто учился с полной отдачей...

Вон хоть того же Яблочкина взять... снайпер от бога, а с моими тренировками вообще цель чуть ли не с закрытыми глазами вести мог. Вот и довел, да...

– Сердишься на него? – Я и не заметил, как голубое небо вокруг меня потемнело, заклоунилось серой хмарью... А уж то, что я оказался здесь не один, и вовсе стало сюрпризом. С другой стороны, а не все ли равно?

– С чего бы? – я пожал плечами... и не почувствовал их. Хм... странное ощущение. Точнее, неощущение. Ну и черт с ним. – Он выполнял приказ. Значит, наши заклятые друзья узнали то, чего знать им было совсем не нужно...

– И ты так легко об этом говоришь? – поинтересовался все тот же незримый собеседник.

– Хм. А чего мне огорчаться? Жить и так оставалось хрен да нисколько... если это, конечно, можно назвать жизнью. Обидно только, что не увидел, как зачистили ту сволочь, что

сдала мою школу... Это да, огорчает. А смерть? Пока мы есть, ее еще нет, когда мы умираем, ее уже нет... Так что она всего лишь миг...

– М-да, забавное мироощущение. Или это последствие твоей болезни? – в голосе моего собеседника послышался явный интерес.

– Скорее, результат жизненного опыта, – хмыкнул я в ответ. – А болезнь... да. Знаешь, чего я больше всего боялся в последние годы? После того как узнал о раке мозга и остальных плюшках Дара? Стать овощем или загнуться от боли на больничной койке. Десятка подарил мне лучшую смерть, о какой я мог мечтать. Это тот самый снайпер... Яблочкин. Ему поначалу совсем другой позывной дали, но... командованию пришлось не по нраву мат в эфире, пришлось придумывать что-то другое... – Меня пробило на болтовню... интересно, с чего бы это?

– Да-да. С оружием в руке, в бою... – перебил меня собеседник и задумчиво добавил: – Заделался, понимаешь, попечителем богоугодных заведений на старости лет. Богоугодных... Ха!

Серую хмарь вокруг прорезали ослепительные росчерки молний, под безумный хохот моего невидимого собеседника, и пространство сотряслось от громовых раскатов, эхом покачившихся вслед его смеху.

– Кхм.

– А, да... Ладно, герой-викинг модернизированный. Где один, там и другой... правильно? – отхохотавшись, проговорил мой собеседник. – Живи. Заодно и мозги местным идиотам вправишь, а то они что-то явно недопоняли... а второй раз Илью выдергивать я не стану. Обещал.

– Ч-чего? – не понял я.

– Чего-чего. Катись, говорю, инструктор Росомаха. Считай, у тебя теперь новое задание... и пополнение. Учи на совесть, – рявкнул голос.

Серая хмарь вокруг потемнела еще больше, сгустилась... А потом... я его все-таки увидел. Удаляющийся силуэт, подсвеченный всполохами мерцающих где-то за моей отсутствующей спиной зарниц.

Вот он замер на мгновение, повернул голову... Блеснули серебром в отсвете близкой молнии длинные вислые усы... и тьма растеклась передо мной, поглотив все и вся... Вот это глюк... Предсмертный, да.

Часть первая. Стертые лица

Глава 1. Тренировки – залог долгой жизни... за редким исключением

Утро раннее, летнее... но прохладное. Когда лежишь на лапнике посреди небольшого и редкого, насквозь продуваемого леска, последнее обстоятельство особенно неприятно, а уж вкупе с выпавшей росой – так и вовсе становится грустно. Хлопок! Над лесом взметнулся ослепительно-белый огненный шар, хорошо заметный даже днем. Этаким вариантом сигнальной ракеты, не требующий наличия ракетницы и зарядов к ней. Вместо нее – боец-стихийник... уровнем не ниже воя.

– Эй, малахольный! Время вышло, урок окончен, – звонкий девчоночий голос разнесся по перелеску.

Ага-ага. Так я и повелся. Можно подумать, что это не вам вчера утром тренер зачитывал условия «игры». Урок будет окончен только в тот момент, когда я коснусь ворот поместья... или когда меня спеленают противники. Вот если бы этот огнешар запустил Владимир Александрович... Эх, но выбираться все одно надо. Время прятков почти вышло, и я ни на секунду не сомневаюсь, что скоро в ход пойдут объемные поисковые техники, что в исполнении таких пироманов, как обе мои кузины и кузен, означает одно: искать и пеленать они меня будут огненным же «неводом». Все никак не наиграются с поддавшейся им наконец стихией... А значит, легкие ожоги, как и быстрое обнаружение, гарантированы.

Осторожно выкапываюсь из кучи лапника, в которой устроился всего пару часов назад для короткого отдыха, прислушиваясь, чуть тронув Эфир, и, убедившись, что в радиусе сотни метров нет ни одного человека, ме-эдленно начинаю отползать в сторону небольшого оврага. По его дну протекает мелкий, но очень звонкий ручей, и он замечательно скроет мое передвижение, когда я окажусь на открытой местности.

Полчаса ползком на пузе по дну ручья, и... я оказываюсь у самых ворот поместья. Аккуратно выглядываю из той небольшой канавы, в которую превратилось русло ручья, и замечаю мнущегося у ворот братца. Можно было бы воспользоваться кое-чем из моего «эфирного» арсенала, но... Лешка расположился аккуратно под артефактами системы наблюдения, а отец в своих «записях» настоятельно не советовал «светить» технику... до совершеннолетия. Что ж, придется действовать более, хм, естественно.

Не дожидаясь, пока стороживший подходы к воротам брат обернется, накидываю ему на шею воздушную удавку. Вот так, опыта у Алексея маловато, да и одновременно держать защиту и «ощупывать» пространство вокруг он пока не может. А ручей очень неплохо укрыл меня от внимания этого любителя огня. Говорил же Владимир Александрович, не надо сосредотачиваться только на одной стихии. Так ведь нет, «мы, Громы, прирожденные огневики...». Выпендрейники... ну да-да, завидую. Мне-то ни Пламени, ни Тверди не видать, способностей «не хватат». А, чего уж теперь...

Ха, вот и результат. Лешка прожигает меня взглядом, но не дергается. Знает братик, что такое воздушная удавка... подношу руку к створке ворот... на миг чувства взывают от близкой опасности... поздно. Обжигающий жар развернувшегося полотнища огня отшвыривает меня в сторону. Боль ожогов, сначала вроде бы несильная, уже через секунду превращается в нечто совершенно нестерпимое... Зубы скрежещут, стирая и обкалывая эмаль, а чудом не пострадавшие от жара глаза начинают слезиться. Сквозь отдающую алым муть все-таки замечаю довольную ухмылку брата...

Артефакт. Грязно играют р-родственнички. Ну ничего, потягаемся еще. Бросаю на Алексея короткий взгляд, и так и не сброшенная, но изрядно ослабленная воздушная удавка вновь наливается силой. Брат шатается. Отлипаю от асфальта и поднимаюсь на ноги, под потрескивание обугленной ткани и... кажется, кожи. Старательно не глядя на собственное дрожащее от боли тело, медленно подхожу к Алексею. Губы раздвигаются с явно ощутимым треском, и рот наполняется кровью. Кажется, все еще хуже, чем я думал...

– Снимай защиту с ворот. – Брат отшатывается от моего сипа и бледнеет. Продолжаю наступать, сильнее сжимая удавку и чувствуя, что еще немного – и сознание окончательно меня покинет. Слишком сильная боль... слишком. – Быстро... бр-рат.

Не успеваю. Сзади раздается топот. Это сестренки бегут на помощь. К сожалению, не мне. В этом я успеваю увериться, когда спину перечеркивает-обжигает удар огненного хлыста.

– А ну прекрати, кретин мелкий! – Доносится до меня крик одной из близняшек, и это последнее, что я успеваю. А потом вокруг становится темно... и я падаю в блаженное беспмятство.

* * *

– Вы что, совсем оборзели?! – Моложавый, подтянутый мужчина в легком тренировочном костюме окинул яростным взглядом мнущуюся в центре комнаты компанию из юноши и двух девушек лет шестнадцати-семнадцати на вид. – Кто вам, соплякам, позволил лезть в оружейку, и самое главное, как вы додумались использовать на тренировке боевой артефакт класса «крепость»? И против кого? Собственного брата!

– Может, не стоит так насаждать на молодежь, Владимир? – Возникший на пороге, импозантный в своем темно-бордовом костюме-тройке худощавый седовласый старик замысловато крутанул в воздухе тростью красного дерева. – В конце концов, ничего непоправимого не произошло, не так ли? Парень жив, лекари гарантируют, что все ожоги будут сведены за неделю... да и ребятки наверняка уже поняли, что перестарались... Ведь поняли же?

Ответом остро глянувшему на «ребятку» старику были энергичные кивки и полные такого раскаяния взгляды, что, заметив их, Владимир скривился. Как же... поняли они. Впрочем, старик, казалось, был удовлетворен этим показным осознанием вины, так что тему можно считать закрытой.

Спустя два часа, после доклада владельцу имения и присутствия на коротком «официально-домашнем» обеде, тренер стоял в медицинском блоке у окна небольшого бокса, где в просторной ванне, заполненной даже на вид противной жижей, плавало опутанное многочисленными датчиками тело находящегося без сознания паренька. А вокруг мерно пикали на разные голоса с полдюжины медартефактов.

– Бежать тебе отсюда надо, Кирилл. Долго ты таким «тренажером» не проработаешь. Если сестры с братом не дождут, так старшие сожрут, – тихо, почти неслышно вздохнул тренер, отворачиваясь от окна.

Отвернувшись и не увидев, как по болтающемуся в жиже телу прошла судорога, взбаламутив ленивую субстанцию. Медартефакты в боксе словно взбесились и умолкли... чтобы через секунду вновь начать мерно попискивать и перемигиваться многочисленными рунами, словно ничего не произошло. Метнувшийся от стола целитель метеором пролетел мимо моментально похолодевшего тренера и, распахнув дверь в бокс, замер на пороге.

– Что? – Владимир тряхнул медика за плечо, но тот ловко сбросил ладонь и устремился к пациенту. Короткий осмотр артефактов, легкое возмущение в Эфире от скользнувшей по телу мальчишки диагностической сетки... и недоуменное лицо медика, повернувшегося к тренеру.

– Очевидно, сбой в оборудовании... может, энергетический скачок? – проямлил целитель. – Но... сейчас все в порядке.

– А если не скачок? – прищурился тренер. В ответ медик скривился.

– Тогда наш пациент на секундочку умер и воскрес... – фыркнул он. – А это, как мы знаем, совершенно невозможно.

– Ну да, ну да... – покивал Владимир. – Невозможно, конечно.

Вот только тренер, а по совместительству начальник службы безопасности рода Громовых, точно знал, что невозможным являются как раз скачки энергии в медблоке. Тройная система защиты, бессчетное количество стабилизирующих элементов... все-таки питание медицинской части висит на той же ветке, что и системы безопасности поместья, а значит... Демоны его знает, что это значит, но точно не всплеск энергии.

– Владимир Александрович, вас Ирина Михайловна искала. Просила зайти, – возникший рядом боец протянул командиру записку, прочитав которую, тот невозмутимо кивнул и, жестом отпустив подчиненного, направился к выходу из медблока. Когда приказывает хозяйка дома, а по совместительству супруга наследника рода, тянуть не стоит. Чревато, знаете ли...

– Володя, что произошло сегодня утром, и почему Кирилл не был на обеде? – Холеная женщина с властным взглядом и совершенными формами мягко повела рукой, указывая вошедшему в ее кабинет начальнику охраны на кресло. Сама она расположилась на диване, по другую сторону от низкого столика.

– Утром... произошел непредвиденный инцидент, – устроившись в предложенном кресле, проговорил Владимир. – Дети решили обойти условия поставленной им на тренировке задачи несколько... хм-м... рискованным способом. Для чего ими была взломана оружейная, кстати, неизвестным нам пока способом, поскольку нарушения рунных цепей, как и несанкционированного допуска вообще, зафиксировано не было...

Тут Владимир заметил, как его собеседница вдруг стрельнула глазами куда-то в сторону и почти незаметно облизала губы... Вот так. Не было взлома. Добрая мамочка дала детишкам доступ ко взрослым игрушкам. Начальник службы безопасности вздрогнул, вспомнив, какие еще боевые артефакты хранились в оружейке. Хорошо, что дети взяли только защитный комплекс. Выбери они что-нибудь иное, скажем, штурмовой «Центавр», – и от поместья могли бы остаться одни обугленные руины...

Справившись с собой, Владимир продолжил доклад, а заметив, как облегченно вздохнула Ирина Михайловна, выслушав всю историю до конца, не поленился тронуть Эфир... И вынужден был в очередной раз признать, что боярские роды, бывшие опорой страны, вырождаются точно по примеру княжеских фамилий... Противно. Особенно когда понимаешь, что в душе этой красивой и умной женщины и в помине нет беспокойства о жизни родного племянника, едва не убитого ее детьми. Только облегчение от того, что глава рода закрыл глаза на случившееся... в очередной раз. И где же знаменитая поддержка рода, о которой так пафосно говорится в присяге? Где это «единым кулаком», и где эта «всемерная поддержка»? Грустно...

* * *

Открыть глаза... и быстро их закрыть, защищая от режущего и слепящего света. Хм. Кажется, я не так уж и мертв? Однако. Даже не знаю, как к этому относиться... зажрался? Да нет. С моим диагнозом мне жить оставалось хрен да нисколько. Каждый день мог стать последним. Так какой смысл в том, чтобы пережить тот идиотский бой и браво загнуться по давнему «приговору» врачей? Хотя, конечно, вляпался я с Десяткой знатно. Ну, должен же был понять, что меня специально отжимают на балкон под выстрел. Ан нет, возомнил себя самым умным – вот и поплатился... А потом... Да, еще этот идиотский разговор, что привиделся мне после... хм, после смерти? Задание... учеба... Перун этот среброусый... Мрак. Хотя учеба – это неплохо, да... Совсем неплохо...

– Кирилл, ты меня слышишь? – Раздавшийся рядом глубокий баритон отчего-то заставил мое тело дернуться, и я тут же почувствовал, как зазудела кожа... Что-то подобное было со мной, когда я валялся в госпитале с ожогами. Оч-чень похожее ощущение. Только непонятно, с чего это я так отреагировал на имя какого-то Кирилла, если меня при рождении Романом назвали?

Вот опять... Ладно, посмотрим, что это тут такое творится. Открываю глаза... очень осторожно открываю: все-таки недавний опыт сказывается.

– Гх-хде я... – сиплый голос, почти хрип. Но не такой, как бывает от слабости или долгого молчания... Странно. Вроде бы с горлом у меня было все в порядке. Меня били? Зачем?

– Ты в медблоке поместья Беседы. Кирилл, посмотри на меня. – Человек, стоящий у изголовья моей кровати, водит растопыренными пальцами перед моим лицом. Хочу поправить его, но... в этот момент по телу проходит волна тепла, и желание говорить пропадает. Уж больно знакомое ощущение. Бывало у меня такое в присутствии людей, обладающих способностями, схожими с моими. И как правило, они относились к госструктурам... что в принципе неудивительно, учитывая, что большую их часть я сам и учил. А значит, значит, лучше пока промолчать... и осмотреться. Может быть, даже к лучшему, если меня принимают за другого.

Я присмотрелся к человеку, что продолжал совершать какие-то пассы над моим телом.

– Ну вот, другое дело... – Круглое лицо, украшенное седыми распушенными усами, почему-то тут же отозвавшимся в памяти определением: «кошачьи», – умные темные глаза за стеклами... пенсне? Однако. Характерная сеточка морщин, разбегающихся от внешних уголков глаз... Про таких людей обычно говорят, что они много улыбаются. Может быть, может быть. Лицо у моего визитера весьма располагающее, как у многих докторов, кстати сказать. Почему я решил, что мой собеседник – врач? А кем еще он может быть, в своем белоснежном халате и со стетоскопом на шее. Причем стетоскоп из древненьких. Я таких, пожалуй, уж лет двадцать не видел. Хромированная вещица, сразу видно, надежно сделанная, на века, можно сказать.

– Что со мной? – еле слышно прохрипел я.

– Несчастный случай, молодой человек, – чуть помявшись и нахмурившись, проговорил врач.

О как. Интересно, доктор, и почему я вам не верю?

– Я не о том... Что со мной сейчас? – переспрашиваю, избавляя собеседника от дальнейшего вранья.

– А, вот ты о чем! – совсем другим тоном восклицает доктор, и морщинки на его лице разглаживаются. – Тут нам есть чем похвастаться. Уже почти все в порядке. Хотя справиться с твоими ожогами и повреждением позвоночника было еще той задачкой, уж можешь мне поверить, Кирюша. Хорошо еще, что глаза не пострадали. Это вообще чудо. Что же до голоса... скоро он к тебе вернется. Видишь ли, нам пришлось немного повозиться с твоими дыхательными путями. Носоглотка оказалась сильно обожжена, так что пришлось проводить оперативное вмешательство, чтобы ты смог дышать, не тревожа поврежденной слизистой. Через три-четыре дня горло придет в порядок окончательно. Возможны небольшие изменения в тембре, но... думаю, ты не будешь против, если твой голос станет чуть-чуть ниже, а?

Машинально качаю головой, а в висках долбится один-единственный вопрос: откуда? Откуда у меня взялись ожоги, и когда я успел повредить позвоночник? Ну ладно, последнее еще как-никак объяснимо. Вторая пуля попала прямо в грудину. Если сила ее была достаточно велика, могла и позвоночный столб задеть... но ожоги?! Нет, тут явно что-то не так... Пытаюсь собрать из немногочисленных разрозненных кусочков хоть какое-то подобие картинки, но... все напрасно. Мысли разбегаются, веки смыкаются, и я проваливаюсь в сон...

Мне снилось что-то странное. Детство... но не мое. Мальчишка со странными, хотя и частично знакомыми мне способностями, растущий в семье с не менее странными, но куда

более мощными, а порой и «горячими», в прямом смысле этого слова, умениями. И относились к нему, скажем прямо, не самым лучшим образом, судя по тому что я видел во сне... А звали паренька, кстати говоря, Кириллом.

Проснувшись, я по старой привычке попытался вспомнить сон во всех подробностях. Своеобразная тренировка, позволяющая сохранить мой стремительно дряхлеющий разум в более или менее рабочем состоянии... Обычная, привычная процедура, только сегодня в ней явно что-то пошло не так.

Стоило мне сосредоточиться на уплывающих в небытие картинках своего бессвязного и, скажем прямо, не очень-то приятного сна, завершившегося почему-то огненной стеной, – как я едва не утонул в сумасшедшем потоке образов. И все равно не справился. Но не «захлебнулся», а просто вырубился.

Сон? Не смешите мои тапочки! Ни одно сновидение не оборачивается целой жизнью, пусть даже такой короткой, какой она оказалась у четырнадцатилетнего мальчишки по имени Кирилл Громов.

Единственное, что наводило на мысли о сне, – был факт наличия в моих видениях магии, в остальном же... все очень подробно и правдоподобно. А уж когда в гости ко мне в бокс начали шастать люди, которых я помнил по тому самому видению, и все они именовали меня исключительно Кириллом... В общем, пришлось принять как данность, что я теперь он самый и есть. Слабый стихийник, родившийся в семье, славящейся своей силой и предпочтением, отдаваемым «огненным» техникам, отпрыск младшего сына главы боярского рода Громовых, не наследующий ничего и могущий рассчитывать лишь на место в так называемых боярских детях или же на службу у государя, чтобы в дальнейшем своим горбом выслужить имение, а значит, и собственное боярское звание...

Только судя по тому, что я видел «во сне», долгая жизнь парню явно не светит. Его скорее добьют двоюродный братец с сестрами-близняшками, тренировки с которыми часто, я бы даже сказал, слишком часто оборачиваются для Кирилла отдыхом в больничной палате. Не то чтобы это было уж очень страшно, учитывая, что переломы здесь лечат за пару дней, а поврежденные внутренние органы приводят в порядок за неделю, но периодичность, с которой Кирилл попадал в лапы медиков, удручает и наводит на мысли об очень неприятных перспективах. А уж учитывая последний раз, на котором, собственно, и оборвалась впитанная мною память мальчишки, тенденция вырисовывается просто отвратительная.

Самое же удивительное, что после смерти родителей никто из старших родственников не пожелал взять на себя обязанность по заботе о пареньке. Ни родной дядька-наследник рода с супругой, ни дед, глава того самого рода. Кирилла, словно ненужного щенка, спихнули на прислугу, из свидетельств родства оставив ему лишь обязанность присутствовать на семейных сборищах да учебу и тренировки вместе со старшими сестрами и братом. И если на семейных собраниях Кирилл послушно исполнял роль этакого пажа при супруге наследника рода, выполняя ее просьбы-требования с вышколенностью хорошего слуги, то терпеть подобного пренебрежительного отношения от ее детей он явно не желал и доказывал это на каждом занятии, каждой тренировке. Стремясь обогнать в учебе, на грубую силу противников, способных размазать своего кузена тонким слоем по всему полигону, отвечал хитростью и тщательно скрываемыми «эфирными» техниками, почерпнутыми из так называемых «записей» погибшего отца. И ведь у него получалось, черт возьми... Если бы не подстава с боевым артефактом, отправившая Кирилла на неделю в реанимацию, то и в последний раз он вполне мог выйти победителем из нелепого соревнования, где трое воев забавлялись, а один новик просто не мог отступить, прогнуться... сдаться, в конце концов. Уважаю.

Только если я не схожу с ума и в зеркале, повешенном аккуратно напротив моей кровати «заботливыми» руками «заглянувших провести дорогого братика» кузин, действительно

отражается покореженная физиономия Кирилла Громова, значит, сам бывший владелец тела куда-то... ушел?

Стоило задать себе этот вопрос, спустя мгновение пришло понимание: действительно ушел. Куда? Черт его знает, но среброусый обещал, что там будет лучше. И зная историю Кирилла, я не могу его винить. Остается только удивляться, как у мальчишки вообще хватило сил провести пять лет в борьбе с людьми, которые должны были стать ему опорой и подмогой...

Нет, это не пустые слова и не идеализация родственных уз, все куда проще. Каждый член боярского рода, будь он родственником по крови или принятым в боярские дети, присягает на верность роду, а тот дает новообращенному родственнику свою защиту и поддержку. Эдакий вассалитет с освященными веками условиями и обязательствами сторон... Остается удивляться, почему в отношении кровного родственника, да еще несовершеннолетнего, род отказывается исполнять те самые взятые на себя обязательства. А ведь в памяти Кирилла имеется пусть и размытое, но яркое воспоминание о том, как глава рода Громовых принимал под опеку восьмилетнего мальчика... буквально на следующий день после смерти его родителей в аварии... Дерьмо какое-то.

Я покосился на зеркало, тут же послушно отразившее мое новое, украшенное рубцами и стяжками лицо, лоснящееся и блестящее... последствия ожогов, однако. Хорошо еще, что здешний доктор клятвенно заверил меня в скором исправлении этого кошмара. Но до тех пор смотреть в зеркало откровенно страшно. Спасибо, дорогие мои кузины с кузничком... Ишь, разрезвились... кобылы с жеребцом. Нет, Кирюха, так дальше жить нельзя. Что было, то прошло, но! Вздумают лезть опять – будем учить... жестко, больно, но доходчиво, и главное, качественно! Как и завещал... ну да, ну да, он самый, среброусый такой. Иначе подумать страшно, что они с обычными людьми творить будут, раз уже сейчас родную кровь не пожалели...

Глава 2. Господи, избавь меня от союзников...

Наверное, услышь я такие рассуждения Там, фыркнул бы недовольно – дескать, что за дурь так реагировать на сон, пусть он и был в своем роде вещим? Вот лишь одно «но»... Этот сон... воспоминания... они стали моими. Не знаю, как объяснить точнее, но... это меня гоняли по полигону две злорадно ухмыляющиеся девицы, и это моим телом, опутанным водяным «неводом», они же вместе с братом играли в футбол, пока я из последних сил держал трещащий от напряжения воздушный щит, не давая шипящим нитям воды коснуться кожи... Таких воспоминаний у меня ой как немало. И среди них есть не только эпизоды поражений и побед, но и откровенных подстав со стороны любезных кузин с кузничком. Не могу сказать, что Кирилл всегда был образцом благородства, нет, в такой обстановке ангелы не выживают, но до откровенной подлости он никогда не опускался. В остальном же действия младшего Громова можно охарактеризовать как вполне оправданные тактические приемы в борьбе с превосходящими силами противника. И уж точно парень никогда бы не позволил себе издеваться над проигравшими. Для него это было противоестественно и абсолютно неприемлемо. И от того, что двоюродные сестры и брат не гнушаются такой низости, ему было еще больнее.

Странно, но память Кирилла, встроившись в мою собственную без остатка, став ее неотъемлемой частью, изрядно сместила акценты в моем мировоззрении, в частности изрядно пошатнув давно ставший привычным цинизм стоящего у черты умирающего вояки, уже принявшего грядущий уход как должное. С другой стороны, иные черты моего характера... Так я толком и не смог принять умения Кирилла прощать и доверять... я никогда не прощал своих обидчиков и всегда отдавал долги. Будь то услуга или пуля в лоб, рано или поздно «награда» находила своего «героя». За что и получил Там свое прозвище. Правда, всегда предпочитал

его прямой перевод с латыни, благо такой вариант² подходит мне не меньше. Люблю вкусно и много поесть. А вот комиксов не люблю, очень. Потому записным острякам, интересующимся наличием у меня алмазных когтей, я без лишних разговоров устанавливаю личную портативную светотехнику... бесплатно.

Сегодня был первый день, когда здешние эскулапы разрешили мне наконец выбраться из постели и отправиться на небольшую прогулку... не дальше веранды перед медблоком. Замечательно. А то я уже устал лежать в боксе, наслаждаясь процессом выздоровления. Хотя... честно говоря, за выздоровлением своего нового тела я следил с большим интересом, поскольку такого темпа регенерации не видал даже у ящериц. Если бы Там у нас были такие врачи и такие возможности... сколько хороших ребят можно было спасти от смерти или инвалидности... М-да уж.

Поплотнее запахнувшись в халат, я нашарил под койкой пушистые и мягкие, совсем не больничные тапочки и, радостно распахнув дверь бокса, не менее весело поковылял по коридору к выходу из медблока, не забывая держаться стенки.

Оказавшись на веранде, я остановился и, отдышавшись, устроился на небольшой лавочке. Ноги дрожат, в голове муть... в общем, полный набор удовольствий выздоравливающего.

– А, Кирилл, вижу, ты уже выбрался на свежий воздух, – неслышно возникший рядом подтянутый дядька весьма неопределенного возраста присел рядом, не спрашивая разрешения... Впрочем, пришлось напомнить себе, что единственный человек здесь, у которого Владимир Александрович Гдовицкой, будучи начальником охраны, действительно обязан спрашивать разрешения сделать что-либо, это глава рода боярин Громов, мой номинальный дед, так сказать.

– Да вот устал лежать, Владимир Александрович. Скучно. Даже шрамы на морде считать и то надоело, – вздохнул я, закрывая глаза и подставляя лицо жаркому летнему солнцу. У юношеского тела, пусть даже и в таком вот покоцанном состоянии, есть один несомненный плюс. Окружающая реальность воспринимается куда ярче и... полнее. Словно в детство верну... м-да уж.

– Эскулап наш Иннокентий Львович говорил, что через пару дней от них и следов не останется, – осторожно заметил мой собеседник.

– Знаю. Мне он то же самое говорил. Но в боксе все равно больше заняться нечем. Вот и любуюсь на свое отражение. Спасибо сестричкам, позаботились о развлечении, – кивнул я, не открывая глаз.

– Да уж... – кажется, сосед совсем не рад такому повороту нашей беседы. – Ирина Михайловна сегодня за обедом опять о тебе спрашивалась.

– Какая трогательная забота. Передайте ей мое почтение и благодарность, Владимир Александрович... – Хм, не любил Кирилл тетку, ох не любил. Да только с чего это меня так передергивает, а? Мне-то она никто, и звать ее никак. Дела-а...

– Еж, ну натуральный еж. Только что иголок нет, – со вздохом заметил мой собеседник.

– Ничего, тренер, дайте срок, вырастут... а там и за когтями-клыками дело не заржавеет, – откликнулся я и почувствовал, как напрягся сидящий рядом человек.

– А ты изменился, Кирилл, – доверительным тоном заметил Владимир Александрович, мгновенно пряча сущность эсбэшника за маской тренера и учителя. – Вырос, наверное?

– Вряд ли, скорее, просто устал. – Я открыл глаза и, повернув голову к собеседнику, спросил: – А что, это плохо?

² Росомаха славится своей злопамятностью, агрессивностью и хитростью, способна преследовать свою жертву десятки, а то и сотни километров. Порой этот хищник может оказаться опаснее медведя, хотя по размерам сильно ему уступает. На латыни название этого животного Gulo-Gulo. В свою очередь, gulo переводится на русский язык как обжора. Отсюда и упомянутый главным героем русско-латинский «вариант» прозвища.

– Хм... Вырос-вырос, Кирилл Николаевич. Впору об эмансипации задуматься, – старательно натягивая беззаботную улыбку на лицо, проговорил тренер. Только глаза у него остались слишком уж серьезными.

И я рискнул. Кирилл называл это «тронуть Эфир», я же всегда говорил: «напрячь чуйку». Но смысл один, и действие это мне знакомо давно и очень хорошо... Вообще все эти их «эфирные» техники до боли напоминают то, чему я учился Там, в Центре. Правда, здесь выбор приемов куда разнообразнее, а сами они... формальнее, что ли. Надо будет обязательно разобраться с этим делом. Непременно.

Как бы то ни было, «принюхавшись» к моему визави, я учуял только легкое одобрение в его эмоциях, что уже радовало. Но еще лучше было другое... боль, та самая жуткая головная боль, что в последнее время терзала мое тело Там, едва мне стоило воспользоваться своими умениями, здесь отсутствовала напрочь. А само действие, требовавшее раньше довольно серьезного усилия, теперь казалось естественным и простым... словно кружку воды выпить. Нет, ну правда... я чуть ногами не засучил от нетерпения, когда представил, во что тут может превратиться мой разгон. Как ребенок, честное слово.

Стоп. Ки... да черт возьми! Ромка, соберись, возьми себя в руки. Потом эмоциями фонтанировать будем.

– И куда мне с этой самой эмансипацией потом деваться? Из родного-то дома, да без образования, профессии... на паперть идти? – А в Эфире толкнул я своему собеседнику... хм-м... эмоцию не эмоцию... скорее образ, окрашенный пониманием и согласием. Возможность свалить подальше от таких родственничков мне пришлось по душе.

– Да, правильно, правильно. Дом есть дом. Это я так, на тему твоей взрослости высказался, – тут же хмыкнул Владимир Александрович и, словно спохватившись, вытянул из кармана брюк широкий мужской браслет. – Вот! Я же чего пришел. Сам не раз у медиков гостевал, помню, как тут скучно бывает. А Иннокентий Львович сказал, что тебе уже читать можно. Держи, уж извини, в твоей комнате взял. Хорошая библиотека у тебя там, кстати, подобрана, – постучав по краю протянутого мне «украшения», заметил тренер.

– Ох, вот за это спасибо, Владимир Александрович! – искренне благодарю собеседника, прилаживая обновку на запястье и судорожно пытаюсь вспомнить принципы управления здешним аналогом планшета и мобильного в одном флаконе.

– Да не за что, Кирилл. Я, кстати говоря, скинул тебе на браслет восстановительную программу. Пока окончательно не придешь в норму, будешь заниматься по ней, – поднимаясь с лавочки, улыбнулся тренер. – Не скучай. Иннокентий Львович обещал выписать тебя уже через пару дней... А мне, извини, пора. Дела-дела, заботы.

Разобраться с управлением браслетом оказалось не сложнее, чем с обычным мобильником. Несколько рун, выгравированных на внешней его стороне, при касании активируют полупрозрачный экран, размер и расположение которого в воздухе можно менять одним движением руки. Для окружающих, кстати, экран невидим – по желанию, так сказать. Меню и пиктограммы также реагируют на прикосновение. Есть и возможность вызова клавиатуры... Да только с ней придется повозиться. Это не знакомая и понятная QWERTY, а нечто другое. Совершенно иное расположение знаков, тройная раскладка: кириллица, латиница и... рунная, больше всего похожая на сильно модернизированный Футарк, если я не ошибаюсь, конечно. Ну да ладно, с этим можно разобраться и позже, а вот то, что интересует меня сейчас... Бегло пробежавшись по каталогу, нахожу последнюю созданную папку. «Российское законодательство». Ничего примечательного в названии нет, но... я-то знаю, что Кирилл никогда не интересовался юриспруденцией, так что... открываем.

Углубившись в чтение, я и не заметил, как подкрался вечер, и лишь ступившиеся сумерки и возникший рядом со мной хозяин медблока заставили меня отвлечься от вороха документов.

– Кирилл, сколько можно тебя ждать? – Доктор попытался изобразить негодование, но... с его-то добрейшей круглой физиономией попытка заранее была обречена на провал.

– Прошу прощения, Иннокентий Львович, зачитался, – покаялся я, поднимаясь с лавочки. Доктор внимательно следил за моими движениями, готовый подхватить падающее тело в любой момент, и когда я утвердился на ногах, удовлетворенно кивнул.

– Ну что ж, чтение дело хорошее, но не в такой же темноте, Кирилл, – заметил целитель, когда мы входили в медблок. – Можно же было хоть свет на веранде включить... Ладно. Давай-ка в процедурную. Потом ужин... и в койку.

Двух дней мне вполне хватило, чтобы разобраться с подсунутыми начальником СБ документами. Там было на удивление много интересных вещей, и некоторые из них вызвали у меня целый ворох вопросов. Например, если пакет документов об эмансипации был понятен, то выдержки из законодательства, касающиеся наследственного права, заставили меня хорошенько задуматься. Почему-то я следом за Кириллом решил, что раз отец не наследует главенство в роду Громовых, то у него и собственности никакой нет. Жили... мы... всегда в домах, принадлежащих роду, по крайней мере, частных квартир в памяти Кирилла не было, ездили на автомобилях с родовым гербом, хоть я и помню его весьма смутно, но... флажки были, это точно. В общем, логично было предположить, что собственного имущества, кроме разве что личных вещей, у моей семьи не было. По крайней мере, это было логично для четырнадцатилетнего паренька. Но подборка копий кое-каких частных документов, статей и комментариев к ним, сделанная Гдовицким, намекала на совершенно иное положение дел. И это... напрягало.

Казалось бы, с какой вообще стати я пусть и частично, но доверился начальнику службы безопасности имения Беседы, боярскому сыну рода Громовых, второму человеку в иерархии, если не брать в расчет кровных родовичей? Да только... я помню слова, сказанные им у окна медбокса, где в противоожоговой ванне плавало тело Кирилла Громова. Точнее, помнил их сам Кирилл, а мне его знание вроде как по наследству досталось. Ума не приложу, как парень мог их услышать, находясь в коме, за звуконепроницаемым стеклом бокса. Но факт – услышал и... воспользовался советом, данным ему тренером. А может, это сереброусый подсутился... В общем, если прежний Кирилл кому-то и доверял хоть чуть-чуть среди своего окружения, это, несомненно, был Владимир Александрович Гдовицкой. Конечно, не лучшая рекомендация, но за неимением гербовой, как говорится... Да и не собираюсь я верить каждому слову начальника службы безопасности. Своя голова, как-никак, на плечах имеется.

Из медблока я выходил вполне выздоровевшим, хотя легкая слабость все еще давала о себе знать. Нет, все-таки здешние медицинские техники – это что-то...

Комната Кир... В общем, комната встретила меня жарой и спертым воздухом. Впрочем, чего еще следовало ожидать после недели-то отсутствия и запертых в разгар лета окон. Пришлось отложить планы по началу тренировок согласно выданной Гдовицким программе и приступить за уборку.

Вот за этим немудреным занятием меня и застал посыльный от Ирины свет Михайловны, с приглашением к обеду. Вовремя, надо сказать. Утром в медблоке меня не кормили, а время уже далеко за полдень. Поэтому, поблагодарив посыльного, удивленно взирающего на мокрую тряпку в моих руках, я заверил его, что буду вовремя, и, не дожидаясь, пока тот удалится на поиски остальных членов семьи, захлопнул дверь, которую посыльный, между прочим, отворил, даже не постучавшись.

Кстати, вот интересный момент. Обслуги в имении немерено. Но свои комнаты все дети, вне зависимости от статуса и положения в семейной иерархии, прибирают самостоятельно и не реже чем раз в неделю. Иначе можно схлопотать на орехи от главы местного женсовета, которым, понятно, является все та же Ирина Михайловна, как старшая женщина в семье. Супруга-то главы рода почил задолго до рождения внуков... вот и пришлось штатной красавице и жене наследника принять на себя тяжкое бремя руководства женской частью рода и домом. Ну а с

таким, с позволения сказать, правлением я не вижу ничего удивительного в том, что из когда-то вполне вменяемых девчонок, какими еще помнил своих двоюродных сестер-близняшек прежний Кирилл, выросли такие отмороженные на всю голову стервы. Сила кружит головы не хуже власти, а уж дури-то у них до хрена и больше. Это даже штатные боевики рода признают...

Черт, как же сложно с этими новоявленными воспоминаниями. Порой они мне кажутся полным бредом, а иногда... настолько органичны, что я даже не сразу определяю их происхождение. Не-не-не... стоп. Так и до шизофрении докатиться можно. Все. С этого момента прекращаю даже мысленно разделять себя и прежнего Кирилла. Отныне есть только один человек – Кирилл Николаевич Громов... по прозвищу Обжора.

Кстати, об обжорстве... Пора бы выдвигаться в сторону столовой. До обеда осталось чуть больше десяти минут. А ни дед, ни тетка терпеть не могут опозданий на такие вот «официальные» семейные посиделки. Дядьке, правда, все равно, но... Думаю, это только от того, что он сам редко бывает в имении. Все больше в столице время проводит, присматривая за экономической составляющей рода... Ну и черт бы с ним.

За столом, как и ожидалось, собралось лишь шесть человек. Боярин Громов, Георгий Дмитриевич, как ему и положено по статусу, во главе стола. С торца, слева от него, с видом королевы на троне, демонстрируя шикарное декольте и частично его оч-чень аппетитное содержимое, восседает Ирина Михайловна, невозмутимая, словно каменное изваяние. Рядышком с ней устроились мои двоюродные сестренки, блондинистые длинноногие существа, обещающие в скором времени стать достойным по красоте продолжением линии своей великолепной матушки. Правда, для этого им нужно чуток подрасти и еще немного округлиться в... нужных местах, в изяществе же и плавности движений они и сейчас могут дать фору Ирине Михайловне, особенно если будут выступать вдвоем. Убойнейшая штабелеукладка для пылких юношей всех возрастов... жаль только, характером подкачали. Впрочем, это им тоже досталось по наследству. А по другую сторону стола и соответственно по правую руку от деда устроился мой братец Леша. Тоже двоюродный... Да только ни ума сестер, ни отцовской харизмы в нем нет вообще. Он – грубая сила, давно и прочно оседланная близняшками, как казалось Кириллу, и я склонен с ним согласиться. Пока, по крайней мере. Коренастый, ширококостный, русский, эдакий шкафчик... дубовый, ага.

Ну и я, стало быть, шестой в этой дружной компании.

– Добрый день, – отвечаю сидящим за столом короткий полупоклон...

– Здравствуй, здравствуй, внук. – Дед – единственный, кто ответил на мое приветствие вслух, остальные отделались короткими небрежными кивками. А старый даже улыбнулся так слегка... и смотрит вроде как благожелательно, но... черт его знает, что он на самом деле думает. – Садись за стол, не заставляй ждать.

Обед прошел в молчании. Даже банального «передайте соль/хлеб/парабеллум...» и то не было. А вот за чаем начались разговоры. Правда, все мимо меня. Вроде как и нет здесь некоего Кирилла Громова. Только дед посасывает трубку да посматривает сквозь дымные облачка с эдаким любопытством... Надоело.

Поднимаюсь из-за стола, коротко киваю и, пока никто не возмутился – ну как же! вперед старших лезет! – молча покидаю «высокое собрание». Выхожу из столовой, аккуратно прикрыв за собой дверь, и краем глаза замечаю за окном расхаживающего по веранде охранника с сигаретой в зубах. Наверное, только что со смены.

Кирилл не курит, а вот я... мозг тут же начинает сучить лапками и требует «соску». Да черт с тобой! Решительно открываю высокое «французское» окно.

– Коля, сигареткой угости, а?

Охранник удивленно хлопает глазами и на автомате протягивает початую разноцветную пачку фабрики неких братьев Румянцевых.

– Спасибо. Я всю возьму?

Николай явно собирается что-то возразить, но пачка уже скрывается в кармане брюк, а одна из сигарет оказывается во рту.

А теперь попробую повторить тот фокус, что тренировал Кирилл незадолго до своей последней и такой неудачной для него полевой практики с родственниками. Коротким энергичным усилием разогреваю воздух у кончика сигареты, секунда, другая – и папиросная бумага вспыхивает, а следом за ней начинает тлеть и табак. Получилось... Брови Николая ползут вверх. Ну да, слабосильный новик, оперирующий Огнем, по определению доступным стихийникам лишь с уровня воя, вне зависимости от наследной склонности к стихиям, это ведь нонсенс, не так ли? А вот хрен вам. Физика – она везде физика... Хотя, конечно, это не работа с огненной стихией, так, легкая профанация, но полезная, этого не отнимешь. А при должном упорстве такой подход может дать немало, очень немало. Особенно такому слабаку, как я...

Подмигиваю ошеломленному охраннику, но радость от успеха моментально перебивается жутким кашлем, неминуемо последовавшим за первой затяжкой. Несколько новых попыток, и... м-да... а стоит ли начинать новую жизнь со старых привычек?

Накатывает легкая эйфория, и я, вспомнив кое-какой опыт работы Кирилла с дыхательной системой, успокоенно вздыхаю. Очистить легкие проблемой не будет, а если подналечь на Эфир с изучением целительских техник, все как одна на нем основанных, то и о прочих негативных последствиях курения для организма можно забыть.

– Э-э... Кирилл? – ошеломленно взиравший на меня боец качает головой, но я его перебиваю:

– Им все равно по фиг, а мне нервы успокоить в самый раз.

– Ладно. Твое дело, – охранник машет рукой, и я, благодарно кивнув, спускаюсь с веранды, чтобы дойти до своей комнаты по двору. Благо окно открыто для проветривания, так что забраться внутрь труда не составит. У нужного окна аккуратно затаптываю окурки и, перебравшись через подоконник, выбрасываю «бычок» в мусорное ведро, уже забитое всяким хламом. Вот так. Осталось закончить уборку – и вперед, на полигон... Надо же полноценно опробовать свои невеликие, по мнению окружающих, возможности...

Глава 3. Думки-задумки и побег из курятника

Итак, посмотрим, что я умею и как это соотносится со здешними... хм-м... представлениями о человеческих возможностях и умениях.

Два часа я отрабатывал на пустом полигоне свои стихийные техники, как самую интересную для меня «прежнего» часть умений. И ведь умом понимаю, что все это теперь в моей памяти отложено – и как, и что, и «зачем» с «почему», – но проверить каждый вспоминаемый элемент все равно тянет со страшной силой. А когда почувствовал, что окончательно выдохся, присел на бревнышко под небольшим навесом, в уголке полигона, и принялся прикидывать, как эти самые стихийные техники – если быть точным, воздушные и чуть-чуть водных – вписываются в здешнюю «табель о рангах»... Да, есть здесь такая. Состоит всего из четырех ступеней, по возрастающей. Новик – ему доступны лишь вода и воздух, как самые «легкие» стихии, да и то в очень небольших пределах. Вой способен по чуть-чуть оперировать всеми четырьмя стихиями и очень неплохо владеет «наследственной» стихией, то есть той, к которой имеют склонность представители его рода. Гридень – ему доступны энергозатратные техники всех четырех стихий, а также он может выкинуть очень неприятный фокус, а то и не один, в своей «родной» стихии. Иногда неприятный даже для стихийников высшего ранга, ярых. А ярый... это вообще черт знает что и сбоку бантик. Всяческие «огненные штормы», «ледяные бури» и «длани неба» с «дрожью земли», это техники уровня ковровой бомбардировки, или удара полка «градов». А трое ярых, объединившись, могут жахнуть как тактический ядерный заряд весом в пять-шесть килотонн. Вот такая вот арифметика. На что способен так называемый

«полный круг» из дюжины ярых, или по европейской классификации экселенц, я даже думать не хочу. Дурно становится, честное слово.

Деления эти, правда, довольно условные. Поскольку, например, начинающий вой и в подметки не годится вою-среднячку, а старший вой раскидает обоих и не поморщится. Правда, официально всех этих «младших», «средних» и «старших-высоких» не существует. Но все всё понимают, и только что сдавший экзамен на воя стихийник не будет даже рассчитывать на победу в столкновении с воем, уже пять-шесть лет оттачивающим техники этой ступени. Хотя бывают и исключения, конечно, но чаще всего они связаны со стихийниками, достигшими своего потолка. Такой вой, например, может изрядно удивить даже гридня-среднячка просто за счет виртуозной техники владения доступными ему силами. Но все это лирика...

А для меня важно другое. Если следовать этому делению на ранги, то мои умения сейчас находятся на уровне новика-среднячка... причем если с воздухом дела обстоят еще более или менее нормально для низшего ранга, то с водой... хм, в общем, можно считать, что ее у меня нет. Пара оказавшихся доступными мне простейших техник, годных разве что для того, чтобы не сдохнуть в пустыне от жажды, и в расчет ее можно и не брать. Не сказать, что от результата я приуныл, но пришлось признать, что стихийник из меня действительно очень слабый. По уровню знаний, спасибо обучению в роду, вполне могу претендовать на воя, а вот по силе – полный облом. И прогресс если и будет, то невеликий. То есть максимум вой, да и то младший, и без всякой надежды на «открытие» остальных стихий. А то и вовсе старший новик. И становится понятным то пренебрежение, с которым ко мне относятся в доме. Слабак... прямой укор могуществу рода, где члены семьи, даже женщины, при всей здешней патриархальности (довольно кривобокой и неоднозначной, смею заметить), должны быть сильными стихийниками. Традиция... И я ее нарушаю одним своим существованием. Неудивительно, что сестренки с теткой то и дело о грядущем изгнании намекают... Ну, как намекают? Прямым текстом, в глаза говорят. А дед, который боярин Громов, глава рода и прочая, и прочая, молчит... И мне это не нравится. Что такое это самое изгнание – ни мне, ни Кириллу толком неизвестно. Точнее, Кирилл считал его чем-то вроде той самой эмансипации и не особо по этому поводу напрягался. А вот меня терзают смутные сомнения. Эмансипация в моем положении штука неплохая... но, зная близняшек и тетку так, как знал их Кирилл, сложно предположить, что они стали бы радоваться такому приятному для меня сюрпризу, как полное освобождение из-под опеки рода. А значит, изгнание – это что-то другое...

Я вздохнул и, вытряхнув из головы неуместные мысли, вернулся к своим опытам в новой для меня, но привычной и обидной для Кирилла области. Его можно было понять. Если бы ранг зависел только от знаний, сейчас Кирилл запросто мог претендовать на воя, но... в том-то и дело, что одними знаниями ступени не взять. Нужна сила... точнее, большая пропускная способность тела. А вот с этим у меня швах. Так что, даже зная теоретически, как воплотить, допустим, ту же «длань неба» или «дрожь земли» – приемы, входящие в экзамен на ярого, – у меня просто не хватит дури, чтобы их воспроизвести. В лучшем случае подобная техника у меня просто схлопнется, обернувшись порывом ветра, а в худшем, если вдруг вздумаю ее поддерживать дольше возможного, превращусь в мумию, которую можно будет выставить в какой-нибудь боевой школе в качестве назидания слишком много мнящим о себе ученикам. Так что о высоких ступенях и изображении ОМП³ можно забыть. Ну, собственно, память сей вывод подтверждает, так что ничего удивительного.

Теперь идем дальше. Эфирные техники. М-да, это штука куда более универсальная, нежели стихийные школы, но и у нее есть свои ограничения. Эфирные техники позволяют воздействовать и на живое, и на неживое... примером тому может послужить засилье рунных артефактов – от средств связи до средств передвижения. Да-да, здешние автомобили, точнее,

³ ОМП – оружие массового поражения.

их движители, по сути своей, есть не что иное, как большие артефакты... Но и это еще не все. Эфирные техники, помимо артефакторики, используются в целительстве... и, скажем так, в ментальных искусствах. Нет, ни о каком чтении мыслей и речи нет. Зато считать эмоции с помощью Эфира – дело несложное. Мороки и иллюзии туда же. Подслушать кого-то на расстоянии, что-то подсмотреть – тоже не проблема, если, конечно, объект не озаботился защитой, эфирной или стихийной. Кстати, многие кинетические щиты младших ступеней также строятся на эфирных техниках, но бойцы предпочитают защищаться доступными стихийными приемами, ввиду их большей эффективности. А уж вои, которым становятся доступными сложные техники «наследной» стихии, – те и вовсе забывают об эфирных щитах как о страшном сне...

В общем, Эфир штука весьма разносторонняя. Но есть и минус. От любой, даже самой изощренной, его техники можно защититься намного более простыми стихийными щитами или вовсе разрушить ее с помощью энергоемкой, но опять же куда более простой стихийной атаки. В общем, не панацея... Но тут у меня есть козырь, о котором местные, кажется, даже не задумываются. Почему я в этом уверен? Потому что Кирилл не знал о такой штуке, как мой разгон... а уж он-то искал все, что связано с возможным увеличением собственных возможностей. Искал иступленно, можно сказать, был одержим этой идеей. И в воспоминаниях об учебе у отца, которые мой предшественник ввиду их яркости и нереальной точности величал «записями», тоже ничего подобного не упоминалось и не демонстрировалось. И раз он не нашел ничего подходящего, значит, по крайней мере, подавляющее большинство здешних мастеров даже не пытается накачивать Эфиром собственное тело, напивая им нервные ткани, мышцы и связки, укрепляя кости. А для меня это так же естественно, как дыхание. Ну, вспоминая, какой болью сопровождались подобные экзерсисы в последние годы моей жизни Там... скажу честнее: почти так же естественно.

Я тронул Эфир, «ощупывая» пространство вокруг, и одновременно окинул взглядом полигон. Вроде бы пусто. Замечательно. Ну-ка попробуем мой разгон... Вот и камешек подходящий. Рука потяжелела, наливаясь теплом. Короткий удар... и в стороны шрапнелью брызнул щебень. Ха! Сработало.

Я гений? Ой, вряд ли. Наверняка и до меня были попытки использовать усиление и ускорение тела Эфиром, но... Здесь как раз случай, когда сила – это еще не все. В отличие от стихий, для эфирных техник нужен, прежде всего, контроль, точный и взвешенный, причем такой, какого на начальных ступенях мастерства ни одному бойцу-стихийнику не видать, как своих ушей. А на более высоких ступенях, когда уровень контроля становится достаточным, такие вещи, как разгон, проще заменить хорошим стихийным щитом или дистанционной атакой. Вот и получается: низы еще не могут, а верхам это уже на болт не нужно... поскольку чем бегать от чужой атаки под ускорением, проще принять ее на щит, а атаке по площади вообще плевать на то самое ускорение. Накрыл такого вот «бегунка» дистанционной техникой, с пятном воздействия метров в пятьсот-шестьсот квадратных, – и амба. По-моему, так... по крайней мере, это предположение логичнее, чем «страшная тайна великих мастеров». Да и забывать о том, что стихийники предпочитают вести бои на дальних и средних дистанциях, тоже не стоит. Нет, они в обязательном порядке занимаются руконогомашеством, но... большого прикладного значения эти занятия не несут. Ведь зачем бить противника пяткой в лоб, если можно засветить огнешаром в ту же часть тела? Но... БИ⁴ полезны для развития контроля и потому присутствуют в программах тренировок всех одаренных.

Следующая весьма интересная фишка, показанная Ки... мне Владимиром Александровичем незадолго до той самой полевой практики и так небрежно продемонстрированная мною охраннику Коле... А именно – свободное оперирование стихией... Тут все сложно, но очень интересно. Любой одаренный в своем развитии, начиная с первых ступеней, использует извест-

⁴ БИ – боевые искусства.

ные распространенные техники, и лишь достигнув своего «потолка» в контроле пропускаемой через тело силы, мастера начинают экспериментировать с прямым управлением стихиями, изобретая собственные приемы и техники. Почему так? А дело все в том же контроле. Например, имеется потенциальный гридень, который, только-только сдав экзамен на новика, решил «поиграть» с одной из доступных ему на этом уровне стихий. Результат будет... короче, в лучшем случае отделается закупоркой Дара с очень долгим периодом восстановления, а в худшем – его разорвет на кусочки из-за неспособности контролировать весь поток проходящей через него энергии. Грустно? Да не так уж... Техник для каждой ступени хоть и конечное число, но оно очень-очень большое. Одних боевых атакующих приемов уровня воя в мире известно больше сорока тысяч, и это только для школ Огня и Земли. А ведь есть еще и защитные, в чуть меньшем количестве, и небоевые, число которых вовсе неизвестно, поскольку то и дело появляется что-то новое...

Что же до Эфира, то и тут у меня все не как у людей. Если в стихии я откровенно слаб, то здесь могу дать фору многим одаренным. Так, например, я могу «ощутить» пространство в радиусе пятисот метров на открытой местности, тогда как у деда предел – сотня, а он старший или, как здесь чаще принято говорить, «высокий» гридень. Впрочем, неудивительно. Отец сам был слабым стихийником и Кирилл натаскивал именно в контроле Эфира. Да и мои тридцать лет учебы со счета захочешь – не сбросишь.

Еще один момент, отличающий меня от здешних мастеров, – незашоренность. Я не заучивал каких-то специальных техник и приемов, развивая контроль именно на их исполнении, как привыкли это делать стихийники, и перенося тот же тип обучения на работу с Эфиром. И, кстати, не помню, чтобы отец учил Кирилл подобным методом. Нет, концентрация и контроль отдельно, а приемы отдельно. Правда, надо отдать должное местным мастерам, особенно тем, что пытаются освоить Эфир, одновременно развиваясь как стихийники, – для них наш с Кириллом способ был бы самоубийством. Стоит хоть чуть-чуть ослабить концентрацию – и, не имея полного контроля над всей доступной телу мощностью Эфира, такой экспериментатор просто сгорит или лопнет от неуправляемого потока Эфира, захлестнувшего его тело. Мне проще. Потолок – вот он, что называется, рукой подать. Контроль над доступными телу потоками Эфира – на максимуме, так что можно не опасаться проблем со срывом концентрации... я уж молчу о том, что даже если я полностью сниму контроль, меня не ждет ничего хуже, чем пара дней в медблоке. Потолок моих способностей слишком низок, так что совершить такое вот оригинальное самоубийство у меня не получится. Разве что сутки-другие мучительных судорог в результате... есть у меня и такое воспоминание. Но ведь живой...

– О, мелкий здесь. – Звонкий голос вывел меня из задумчивости, и, подняв голову, я чуть не поморщился. Ну конечно! Других девчонок, кроме Милы и Лины, моих дражайших двоюродных сестричек, в имении нет и быть не может.

Вон как выступают. Походочкой повышенной сексуальности... Чего это они? А! Вспомнил. Последние года два вот эти их женские штучки, вкупе с ультракороткими шортиками и полупрозрачными маечками, на Кирилл действовали как «тяжелая» игра на старый процессор... Короче, тормозил и глючил Кирюша от открывающихся видов, разве что не дымился... Ну, кто бы сомневался, что лучшие ученицы первой в недалеком прошлом сердцедаки столицы не заметят того несомненно любопытного воздействия, что оказывает вид их юных тел на гормональный баланс двоюродного братца. Ну-ну. Хотя-а... Стоит признать, у барышень уже есть чем похвастать.

– Извиняться пришли? – вытряхивая из головы несвоевременные мысли, смотрю на приближающихся сестер. – Так это не по адресу. Вы лучше у Гдовицкого прощения попросите. Ему ведь наверняка нехило влетело за ваши чудачества с оружейкой.

– Санычу дед по этому поводу ни слова не сказал. А тебе, братик, давно пора понять: за твои залеты в медблок нам ни у кого прощения просить не приходится... – мило улыбунов-

шись, проворковала Лина. А вот Мила насторожилась. Ну да, она всегда соображала чуть быстрее сестры, и нынешнее мое поведение ее беспокоило. Оно и к лучшему. После прочтения документов, оставленных Саньчем в моем браслете, желание оставаться в имении пропало напрочь. Там ведь не только выдержки из законодательства были, но и копии кое-каких бумаг моей семьи, отца, матери... немного, но чтобы понять, насколько холодными были отношения моей семьи с родом, их вполне хватило.

Да и... память памятью, а мое поведение в корне отличается от прежнего. Да что там! У меня даже моторика постепенно меняется, про манеру речи и вовсе молчу. В общем, валить отсюда надо. А для этого идеально подойдет конфликт, который мне сейчас и устроят мои «обожаемые» сестренки... Надо будет только раздуть его хорошенько, перевести, так сказать, из разряда тайного противостояния в открытые и продолжительные боевые действия. Чтобы уж точно никто не мог обозвать их детскими шалостями.

– Да-да... я заметил, что Георгий Дмитриевич окончательно разочаровался в вашем воспитании и бросил его на самотек. Ну, право, не пороть же этаких дылд? Поздновато как-то... да и предосудительно. Как бы окружающие не сочли это сексуальным извращением, а не воспитательным приемом... – Есть контакт! К концу фразы глазки близняшек опасно загорелись, а через секунду они бросились в атаку.

О да! Огонь, батарея, огонь, батальон! Попрыгаем, красивые!

Главное – не дать им времени развернуться со столь любимыми сестрами огненными техниками... И это мне удалось, благо у Кирилла была неплохо наработанная тактика, сводившаяся к простому как топор решению. Выйти на короткую дистанцию с одной из сестриц и крутиться вокруг, используя ее как щит от атак второй, одновременно нанося короткие уколы ударами водой и воздухом.

Знакомый огненный хлыст оставил на земле длинную выжженную полосу, а следом еще одну, и еще... Вывернувшись из-под удара разъяренной Лины, ухожу в сторону и, спиной почувствовав нарастающее напряжение, рву на разгон. В том месте, где я только что находился, вспучивается огненное облако, которого моя слабая защита просто не выдержала бы. Вот теперь шутки точно кончились. Срываюсь с места...

* * *

Момент, когда привычная, но так выбешивающая сестер «карусель» превратилась в нечто совершенно дикое, Мила могла назвать совершенно точно. Это случилось через секунду после того, как Кирилл каким-то неуловимым для глаза движением сумел уйти от «мухомора», который сестры только-только выучили специально, чтобы глушить этого придурка, когда он опять начнет «липнуть» к одной из них во время боя. И ведь хорошая же идея была. Их щиты спокойно выдержат и три таких удара подряд, а вот мелкому не поздоровится... Должно было nepоздоровиться. Кто же мог подумать, что этот... сможет уклониться от дистанционной техники?! Сумел... и словно растворился в воздухе. А потом... Вот развернувшая свой огненный хлыст Лина взлетает в воздух и, уже явно без сознания, плашмя падает наземь, а следующее, что запомнила Мила, – был чудовищный удар, сметающий ее в сторону, и... мир померк.

В себя она пришла спустя несколько минут. Точнее, Милу привел в чувство поток воды, вылитой на голову. Отфыркавшись, она кое-как открыла глаза, но рассмотрела только удаляющийся силуэт. Через секунду чуть в стороне раздался какой-то странный свист, потом звук выплеснутой воды... и визг сестры.

Кое-как усевшись, Мила обвела мутным взглядом полигон и, наткнувшись на такой же недоуменно-расфокусированный взгляд Лины, тихонько хмыкнула. Нет, Кирилл, бывало, выигрывал поединки один на один, но вот раскидать обеих сестер, уже вышедших на ступень боев и начавших осваивать родовые огненные техники, ему удавалось очень редко, и то с

огромнейшим трудом и обязательным для победителя последующим визитом в медблок. Сейчас же...

Переглянувшись, близняшки покачали головами и, поднявшись наконец на ноги, с интересом уставились на брата, который к этому моменту спокойно дошел до недавно оставленного им бревнышка и, усевшись на него, невозмутимо затянулся дымом неизвестно откуда взявшейся сигареты.

– Не рановато ли ты курить начал? – зло прищурившись, проговорила пышущая гневом Лина, когда обе сестры, поднявшись с утоптанной земли, отряхнулись и подошли к безмятежно взирающему на них брату.

– С вами не то что курить... пить начнешь и не заметишь, – пожал плечами Кирилл, явно не впечатлившись нависающими над ним фигурами. Впрочем, нет... Взгляд, которым он прошелся по все еще тяжело дышащим сестрам и, самое главное, их мокрым, облепившим тела футболкам, говорил о том, что кое-какое впечатление сестры на него произвели... только вряд ли это было именно то, на что они сейчас рассчитывали. Да и не стал он тормозить, как обычно. Так, оценил вид, полюбовался и отвел взгляд.

– Борзеешь, мелкий, – ласково улыбнулась Мила, на миг опередив еле сдерживающую злость сестру. – Думаешь, один раз застал нас врасплох и стал кум королю?

– Вот ведь дуры, прости боже, – вздохнул Кирилл и покачал головой. – Да и я, кажется, не лучше... Надо было раньше прекращать эту игру в поддавки. Так ведь нет, все берег идиотов... ну как же, сестренки ведь идут на гридней как минимум, без уверенности в себе им никуда. Надо подсобить. Допомогался, чтоб вас. Совсем берега потеряли...

– Ты... ты чего плетешь, а?! Придурок! Какие, к бесам, поддавки?! Я же тебя сейчас дымом пушу. С-сучонок! – окончательно взбеленившись, прорычала Лина, поднимая руки... Но ударить, по всей видимости, тем же «мухомором» не успела. Стоящую рядом Милу только обдало ветерком, когда мелкий вдруг странно дернулся и разъяренная сестра упала наземь, словно подрубленная.

– Хм... – покосившись на ворочающуюся в пыли сестренку, безуспешно пытающуюся встать на четвереньки, Мила отступила на шаг от Кирилла, оценивающе поглядывающего на нее снизу вверх, и, прочистив горло, спросила: – Братец, тебя разве не учили, что девушек бить нельзя?

– Девушек? – в деланом удивлении приподнял бровь мелкий и демонстративно огляделся. – Я, знаешь ли, такой консерватор, всегда считал, что девушки – это такие существа в платицах. Добрые, отзывчивые, нежные... Их нужно защищать, да... А здесь я таких объектов не наблюдаю. Зато вижу двух совершенно охреневших от собственной крутизны и безнаказанности воев, напрочь забывших о главном принципе одаренных: «На всякую силу найдется бо́льшая сила»...

– Не поняла... это ты сейчас на что намекаешь? Что мы уже не девушки?! – Щеки Милы моментально полыхнули алым, а глаза зло прищурились. Хотя она и отличалась от сестры большей выдержкой, но и ее терпение имело свой предел, и мелкий, кажется, только что его перешел.

– Я же говорю: дуры и есть. Никого кроме себя не слышите, ничего понимать не желаете... Ох, и наплачутся же с вами мужья... – не обращая никакого внимания на окруживший Милу кокон силы, блистающий огненными сполохами, вздохнул Кирилл. Покрутил в руке потухший бычок, спрятал его в карман и, выудив другую сигарету, естественным, словно бы уже многократно проделанным жестом прикурил ее от огненных разводов, скользящих вокруг Милы.

От такой неопишуемой наглости девушка совершенно растерялась, и кокон рассеялся в воздухе, словно его и не было.

– По-моему, пребывание в медбоксе разрушающе подействовало на твои мозги, – прикусив губу, сделала вывод Мила и, коротко глянув на застонавшую сестру, бросилась помогать ей подняться на ноги...

Поведение мелкого было совершенно неожиданным и непонятным, оно вызывало недоумение, так что Миле требовалась хотя бы минутка, чтобы привести мысли в порядок и придумать, как быть дальше. Поскольку, как бы она ни гнала эту мысль от себя, лезть в драку с *таким* Кириллом у девушки желания не было совершенно. В общем, надо потянуть время. Заодно и сумбур в мыслях развеется... хоть чуть-чуть.

Не тут-то было. Стоило Миле помочь сестре подняться на ноги, как мелкий вскочил с бревна и, неожиданно быстро сформировав эфирную технику, прошелся по Лине «диагностом». После чего удовлетворенно кивнул и... споро усадил обеих близняшек на только что освобожденное им место.

– Знаешь, мелочь, не тебе судить о наших будущих мужьях, – неожиданно спокойно заметила Лина, с трудом устроившись так, чтобы не тревожить ушибленных ребер.

– Что совершенно не мешает мне им сочувствовать. Можешь считать это пресловутой мужской солидарностью, – фыркнул Кирилл.

– Не думаю, что род устроят зятя-слабаки или тряпки, – тихо проговорила в ответ Мила.

– Тогда я буду сочувствовать вам, – растянул мелкий губы в совершенно идиотской улыбке.

– Ч-чего?! – вскинулась было Лина, но тут же зашипела от боли.

– Того. Если все будет так, как вы говорите, то мужьями вам будут московские бояричи, и уж они-то вас быстренько обломают, а чтобы не вздумали бунтовать, запрут на женской половине и устроят сладкую жизнь по старым московским же традициям... И никакая сила вам не поможет. Будете рожать и есть медовые пряники, раз в год показываясь гостям мужей на годовщинах свадьбы. А если вдруг все же взбрыкнете, мигом плетей получите... и ведь никто не заступится. Классно, а?

– Ты с дуба рухнул?! Какие к бесам плети, какие московские традиции?! – Лина даже пальцем у виска покрутила для достоверности.

– Ну, отчего же сразу с дуба-то... – Кирилл пожал плечами. – Вон хоть род матушки вашей возьмите. Часто вы своих теток видите? А когда в гости к Томилиным приезжали, вас хоть раз за общий стол пускали? Да ни хрена. Только поздоровались-почеломкались – и вперед, мальчики налево, девочки направо. Образцовый московский род, патриархальный, все в лучших традициях государя Иоанна Четвертого. По сравнению с Корнеем Платонычем, их главой, наш дедушка просто образец прогресса.

Глава 4. Торговаться всегда, торговаться везде...

– Ну спасибо, внучок. Приласкал... – Раздавшийся рядом насмешливый голос, заставил нас троих дернуться от неожиданности. Черт, а я ведь даже не почуял, как старший Громов к нам подобрался.

Впрочем, оглянувшись на голос, я понимающе вздохнул. Земля полигона спеклась вокруг деда идеальным кругом. Техника ярых. Захотел и переместился. Телепортировался, ага. М-да, этого умения мне не видать, как своих ушей... а жаль. Стоп... а чего же он гриднем-то прикидывается?

– Значит, полагаешь, нужно их за московских выдать, да? Чтобы там с них спесь сбили? – покосившись на сигарету в моей руке, задумчиво проговорил дед. А глаза добрые-добрые...

– Спесь и дома сбить можно, – пожал я плечами, уходя от ответа. Матримонии – это явно не мое. Тут и без желторотых обойдутся.

А старший Громов неожиданно хохотнул:

– Дома, говоришь? Ну-ну. Вот ты этим и займись... Воспитатель, – ткнув в мою сторону тростью, вдруг заключил боярин и, удовлетворенно кивнув при виде наших изумленных физиономий, поспешил уйти.

То, что дед был абсолютно серьезен, я понял по реакции сестер. Они ведь даже не попытались возразить, хотя подобный поворот для них должен быть дик и... да просто невообразим. И тем не менее они промолчали. М-да, если память Кирилла мне не изменяет, здесь нет ничего удивительного. Когда Георгий Дмитриевич врубает режим главы рода, спорить с ним – дело абсолютно бесполезное и опасное.

Но сейчас... Он что, в самом деле уверен, что я буду рулить этим детским садом? Уточню: бунтующим детским садом. Ну, уж не... Хотя-а-а... хм-м, кто сказал, что месть всегда должна оборачиваться большой кровью?

Не знаю, чем я себя выдал, но под моим взглядом близняшки поежились. Ну-ну... Ладно. Разберемся.

А в следующий миг меня, что называется, торкнуло. Боясь ошибиться, я в пару движений вывел на экран браслета недавно полученный мною пакет документов и, отыскав нужный текст, впился в него глазами. Мать... Громов, старая сволочь! Я просчитался... Так просчитался!

– Прошу прощения, дамы, но вынужден вас оставить. У меня неожиданно образовалось небольшое дело, требующее неотложного решения. – Коротко кивнув сестрам, я «потушил» экран браслета, развернулся и двинулся к дому, лелея надежду, что ошибся и дед вовсе не решил сменить «кожаный поводок» моей кровной привязки к роду на «суровый ошейник с цепью» младшего вассалитета...

– Если ты думаешь, что слова деда что-то меняют, ты сильно ошибаешься... братец, – тихонько промурлыкала вслед Лина, вынудив меня резко затормозить и вернуться к кузинам. Вот о чем я и говорил. Спорить с дедом они не станут, но это вовсе не значит, что сестры вдруг превратятся в послушных овечек.

Я окинул взглядом близняшек и резко выдохнул. Упрямство у них только что из ушей не льется. Аргх.

– А теперь серьезно. Слушаете меня внимательно и молчите... просто молчите. Обсудите все потом, наедине, – остановившись в метре от сидящих на бревне Милы и Лины, заговорил я. – У меня сейчас совершенно нет времени на всю эту возню в песочнице. Как только что выяснилось, кое-кто решил устроить мне проблемы, по сравнению с которыми ваши выходки – просто детские шалости. Смертельно опасные, чего вы все никак не можете осознать, но тем не менее. А чтобы вы вообще поняли, в чем здесь дело, советую почитать кое-что. – Я поднял руку и, активировав браслет, сбросил на почтовые ящики сестер только что прочитанную мною информацию.

– Что это? – тут же потянулась к своему мелодично звякнувшему артефакту Мила.

– Прочитаете – поймете. Разберетесь – найдите меня. Поговорим... – Сухо кивнув, я оставил девчонок знакомиться с текстом, а сам ринулся на поиски деда. У меня было о чем поговорить со старым хрычом, и сделать это надо было побыстрее. Нужно срочно его переубедить. Такое начало карьеры учителя меня совсем не прельщает. Вообще!

* * *

То, что Георгий Дмитриевич увидел на записях наблюдательной сети, немало удивило и... порадовало старого боярина. Странная, неудобная для одаренных техника, продемонстрированная младшим отпрыском семьи Громовых, четырнадцатилетним мальчишкой, которому о ступени не то что гридня, но даже воя мечтать не приходится, заставила патриарха рода сначала неопределенно хмыкнуть, а потом...

– Ах, ты! Вот стервец! – Старик восторженно хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и гулко, зло расхохотался. – Освоил все же батькину задумку... ну, постреленок. И ведь ни слова никому не сказал. Будет, будет толк... Вова!

– Да, Георгий Дмитриевич, – возникший за плечом боярина Гдовицкой настороженно глянул на экран, где в повторе крутилась короткая запись боя Кирилла с двоюродными сестрами, и, вздрогнув, перевел взгляд на хозяина поместья.

– Да не дергайся ты так. Ничего ему не будет. Глянь, эка... что творит, что творит. Раз, два – и по кучкам... новик воев по кучкам, ха! Знал, что он так может?

– Никто не знал, – покачал головой Владимир Александрович.

– Добро. Верю. Хорошо скрывался... мелкий, – довольно усмехнулся боярин. – А теперь, значит, открылся. С чего бы вдруг? Задумал что-то... Ничего необычного за ним не замечали после медблока?

– Есть информация, что младший Громов активно штудировал юридическую литературу. Больше всего времени было уделено разделу об эмансипации, – тут же подал голос сидящий за вычислителем охранник... Ну, если это глистообразное нечто в очках-иллюминаторах, чудно сочетающихся с мешковатой формой, можно назвать охранником...

Гдовицкой зло зыркнул на влезшего не в свои дела подчиненного, чего тот не заметил, а потом Владимиру Александровичу пришлось уделить внимание вновь заговорившему хозяину поместья.

– Во-от оно что... Так это, значит, надо понимать так, что Кирюша решил начать доказывать свою самостоятельность. М-да. И ведь наверняка браслет все для Герольдии пишет.

– Никак нет, – опять вылез поперед начальства все тот же «охранник», так и брызжа желанием услужить. – Фиксаторы артефакта не активны...

– О как... Стало быть, полюбовно договориться хочет. Умно, – промурлыкал себе под нос Георгий Дмитриевич. – И приятно, не скрою. Ладно, поторгуемся... в его стиле. Ха-ха...

Старик поднялся с кресла, подхватил прислоненную к нему трость и, оглядевшись, направился к выходу из операторской, куда его позвал очкастый наблюдатель, когда младшие Громовы сцепились на полигоне. Но на полпути Громов вдруг остановился и, демонстративно хлопнув себя рукой по лбу, обернулся к начальнику охраны, сверлящему своего подчиненного недовольным взглядом.

– Забыл. Вова, ты бы сделал своим мальчишкам внушение. Негоже лезть в разговоры старших... без приглашения. – Если от взгляда начальника наблюдатель был готов забраться под стол, то слова хозяина поместья вогнали его в полный ступор.

– Обязательно, Георгий Дмитриевич. Не сомневайтесь, – кивнул начальник службы безопасности.

– Вот и замечательно. Ну, не буду мешать. У меня еще дела-дела... вон, с младшеньким торговаться пойду. Ох, чую, разденет меня Кирюша, без портянок оставит. Такой ушлый мальчонка оказался. И в кого только удался? – исчезая в огненной вспышке, продолжал бормотать Громов.

* * *

Старый говорун... Слов нет. Он все же меня дожал. И ведь все с улыбочками-ухмылочками, и под ревушим на грани «огненного шторма» Эфиром. Добренький дедушка оценил старания внука, называется. Ну, кто же знал, что он примет мой прокол как предложение к переговорам? И ведь сговорились же... все-таки. Но, черт, как же мне это не нравится! Да и договор этот... уж чего лукавить-то перед самим собой? Иначе как ультиматумом его не назовешь. Удовлетворил дедушка мое желание, объяснил суть отличия эмансипации от изгнания. Кратко, емко и доходчиво...

С другой стороны, перспектива быть изгнанным или эмансипироваться с боем, который старик наверняка мне устроил бы просто за то, что поставил его перед фактом, не пытаясь договориться, выглядит не так уж радужно. Нервов такой выход из рода забрал бы у меня немало. Да и времени тоже. А сейчас...

Хм, поменял шило на мыло, называется. Нет, теперь препятствий для моего отъезда из имения со стороны родичей не будет, зато добавится головной боли от девочек и... деньги. Родительские активы будут недоступны еще о-очень долго, даже несмотря на предстоящие события. Срок вступления в наследство по ним оговорен строго: восемнадцать лет. А расходы предстоят немалые, даже за вычетом предложенных дедом сумм. Значит, надо искать подработку... учитывая мой возраст и предстоящую занятость в гимназии, задача непростая...

Да-да, добрый дедушка не только обеспечил мне свободу на о-очень коротком поводке, но и обрадовал перспективой грядущего перевода в гимназию, где сейчас как раз учатся сестрички... Ар-р... Мой личный детский сад. Вот, кстати, интересно. А в этой самой гимназии они ведут себя так же, как дома? Или это только мне такое безудержное счастье привалило?

Ладно. Буду разбираться с проблемами по порядку. И начну, пожалуй, с самой главной...

Кабинет деда я покинул лишь спустя добрых два часа, в течение которых мы вели торг по условиям моей дальнейшей жизни, торг, который я бездарно проиграл, по сути... хм. Я добрался до своей комнаты и, не обнаружив сестер ни в коридоре около двери, ни в самом помещении, пожав плечами, взялся за браслет. Но не успел я залезть в настройки этого чуда артефакторики, чтобы избавиться от слежения со стороны системы наблюдения СБ, как браслет вздрогнул и тихо тирлинькнул, оповещая о пришедшем на мой почтовый ящик письме... от Владимира Александровича.

Короткое сообщение: «Жду в девять на полигоне». И все. Никаких объяснений, пояснений и прочих экивоков. Ладно. Схожу, взгляну в глаза его суровые. Может, признается, гад, зачем деду сдал... Черт, да если бы не моя вежливость, не позволившая с ходу начать качать права в кабинете старика, кто его знает, к чему бы привел наш разговор. Счастье, что Громов сразу сам выдал версию моих действий, а то ведь я и опростоволоситься мог... запросто. Можно сказать, повезло.

Но вот то, как Гдовицкой меня подставил с этой чертовой записью и сброшенными на браслет документами... Ну, глупость же! Или... Хм, а что? Не зря же господин Гдовицкой свой хлеб жует? Сильно сомневаюсь, что начальник службы безопасности мог так лихо проколоться со вверенной ему же системой контроля. Но тогда возникает другой вопрос. Зачем ему понадобилось так все усложнять? Или у Владимира свет Александровича есть какие-то свои интересы в моем деле?

– Мелкий, ты здесь? – раздавшийся стук в дверь отвлек меня от размышлений. Легким воздушным воздействием открываю дверь и внимательно смотрю на стоящих на пороге близняшек, так до сих пор и не удосужившихся переодеться.

– У меня вообще-то имя имеется. Вы же не хотите, чтобы я звал вас по аналогии. Дылдами, например, или кобылками? – водружая браслет на руку, вздохнул я. Сестры переглянулись...

– Знаешь, Кирилл, мы тут подумали и нашли способ избавиться от грядущих неприятностей, – неожиданно мирным тоном проговорила Лина, а вот сестра явно была чем-то недовольна.

– Вот как? Интересно. И что это за способ? – Я подобрался, почуяв напряжение Эфира. И не прогадал. Нырок в окно под разгоном прошел штатно. Прорвав тонкий заслон водяного щита и приземлившись на клумбу, я покосился на потянувшийся из окна моей комнаты дым и вздохнул. Дуры...

Правда, долго распинаться об идиотизме сестер мне не пришлось. Только я вспахал ногами землю под окном моей комнаты, как чувство опасности взвыло сиреной, заставив мет-

нуться в сторону и окончательно превращая симпатичную клумбу в совершеннейшее неприятие. А на том месте, где я приземлился, вспухло непроницаемо-черное пыльное облако. В ход пошла школа Тверди...

На небосклоне уже начали зажигаться первые звезды, и теней в наступающих сумерках вполне хватило. Так что, не выходя из разгона, я рванул к ближайшей из них, отбрасываемой небольшой купой деревьев, чуть в стороне от корпуса, где и скрылся. Мне ведь всего-то и надо, что исчезнуть на миг из поля зрения преследователей. А там – отвод глаз, и... пусть ищут хоть до посинения.

Пара хоть и раскидистых, но невысоких кустов черемухи – не ахти какое убежище. Но на сколько-то секунд этого хватит, как раз чтобы отвести глаза моим «охотничкам» и разобраться, кто же такой тот третий, что чуть не поджарил мою задницу там, на клумбе. Впрочем, долго гадать не пришлось. Алексей, будущий наследник рода... если переживет сегодняшний день, конечно. Умный, с-скотина. Не стал ломиться в двери вместе с сестрами, а встал на единственном возможном пути отхода. И не прогадал. Ну, почти.

– Кирилл, выходи. Я знаю, что ты здесь... – Алексей, стоящий на небольшой, мощенной брусчатым камнем площадке между двумя корпусами, покрутил головой и, не увидев меня, пожал плечами. – Я же все равно тебя найду!

Легкое марево, окутывавшее ладони кузнечика, опало, и Алексей, закрыв глаза, вытянул руки вперед. Вот и замечательно. Поиск в Эфире – штука, конечно, хорошая, да только требует серьезной концентрации, а у моего братца и так затык с поддержанием нескольких техник одновременно.

Глядя, как Алексей поворачивается вокруг своей оси, я дождался, пока его руки, словно стрелка, покажут в мою сторону, и сделал «бу». Палиться так палиться.

Этим приемом я пользовался еще Там, чтобы отпугнуть слишком близко подобравшего зверя или вырубить достаточно чувствительного человека. А сейчас... ну, что может быть чувствительнее, чем полностью открывшийся противник, целенаправленно ищущий любые мало-мальски заметные возмущения в Эфире?

Сенсорный шок. Мощная эфирная волна перегрузила восприятие Алексея и, вышибив ему сознание, словно «автомат» при скачке энергии, отправила в беспамятство. Вот и замечательно. Спеленав двоюродного братца, я кое-как дотащил его довольно тяжелое тело до подвала в хозяйственном корпусе. Немного поколебавшись в выборе, все-таки плюнул на валяющуюся в углу цепь и, зафиксировав Лешку его собственной курткой, отправился на охоту за близняшками. Ну да, а кто сказал, что я собираюсь от них бегать?

Надо сказать, что охранники, видевшие, как я тащил на своем горбу бессознательного Алексея, даже виду не подали, что их это как-то касается. А Николай так и вовсе с превеликим удовольствием помог мне справиться с тяжелой подвальной дверью. За что и был отблагодарен тотальным «расстрелом» очередной пачки сигарет.

Сестер я обнаружил на том же месте, где меня подловил Алексей. Кузины крутились на площадке и что-то вынюхивали... А, ну да. Заметили оставленный мною на клумбе след и теперь пытались понять, что здесь произошло.

Эфир гудел от их манипуляций, и мне оставалось только завистливо вздыхать, ощущая мощь, которой эти дурные девчонки так легко разбрасывались. Поисковые сети летели во все стороны, потрескивая от вложенных в них сил, а по брусчатке змеилась багрово-пепельная поземка. Хм, такого я у них еще не видел. Что-то новенькое?

Заметив, как край поземки изогнулся в том месте, где я приземлился после своего прыжка в окно, присмотрелся внимательнее. Вот оно что... Поземка, шурша выдранными из земли цветами, вспыхивающими и опадающими пеплом на ее пути, вытянулась, образуя эту дорожку, указывая маршрут, по которому я двигался, уходя от Алексея. Интересно.

Ага, вот она дотянулась до черемухи – и стрелой помчалась к тому месту, где стоял Алексей. Смерчем крутанулась на месте и, вновь вытянувшись поземкой, полетела дальше, точно по моему маршруту. Сестренки, внимательно следившие за движением своего «следопыта», переглянулись и, явно что-то для себя решив, двинулись следом.

Как всегда торопливая, Линка уже скрылась за углом дома, а вот Мила завозилась: шнурок развязался. Удачненько. Уже совсем привычно влив энергию в конечности и одним прыжком преодолев разделяющее нас расстояние, аккуратно бью сестренку по голове. Нежно, можно сказать.

Подхватить обмякшее тело. Прыжок обратно на крышу одноэтажного корпуса медблока – и бегом-бегом. Нужно успеть добраться до места быстрее, чем «следопыт» приведет к нему Лину.

Успел. Спрыгиваю с крыши прямо перед Николаем.

– Коля, ты подвальную дверь еще раз не придержишь? – Охранник в ответ переводит взгляд на устроившееся на моем плече тело Милы, фыркает и, кивнув, спускается по ведущим в подвал ступенькам.

– Ну у вас и развлечения, Кирилл.

– Не развлечения, а тренировка... В условиях, приближенных к боевым. Ничего-ничего. Все правильно. Все как надо. Тяжело в учении – легко в бою, – поудобнее устраивая на плече сестренку, пыхчу я. Спеленать Милу так же, как я проделал это с Алексеем, не проблема. Минутное дело. Да и Николай помог.

– Надеюсь, все будет в порядке? – на всякий случай осведомляется охранник.

– Обижаешь. Все будет в полном соответствии с конвенциями. Никаких издевательств над военнопленными, – заверяю его и, еще раз проверив узлы, киваю. – Коля, спасибо за помощь, но теперь тебе, пожалуй, пора идти. Потому как сейчас сюда придет последний участник этих посиделок, а что такое некомбатант, она, в отличие от меня, понятия не имеет.

Глава 5. Беседы в Беседах

Мила застонала и с трудом открыла глаза. Голова раскалывалась от боли, а руки и ноги отчего-то ныли... Да и общие ощущения были какими-то странными. Попытавшись оглядеться по сторонам, она не сдержалась и выдала фразу, за которую года два назад могла бы и по губам схлопотать от маменьки, да и сегодня одной лекцией о приличиях и достоинстве не отделалась бы. Но сейчас у Милы были все основания для сквернословия. Еще бы! Мало того что мелкий умудрился дважды за один день отправить ее с сестрой в нокаут – так еще и, связав, подвесил за руки-ноги на крюках в старом колбасном подвале, где теперь хранится всякий хлам. Причем, гад такой, подвесил лицом вниз, и теперь выгнутое «мостиком» тело ныло от напряжения.

Рядом раздался тихий стон, и, повернув голову, Мила пришла к выводу, что судьба подвешенной колбасы постигла не только ее самое, но и Линку с Лешкой. Вот последний-то как раз и подал голос.

– Где мы? Что случилось? – прохрипел Алексей.

– Кирилл с нами случился, – вздохнула Мила. – Леша, взгляни, он меня веревками связал?

– А? Нет... тряпки какие-то... – кое-как выглянув из-под руки, пробормотал брат.

Тряпки – это хорошо. Мила напряглась, и путы на ее ногах, вспыхнув, опали противно воняющим пеплом. А в следующий миг девушка закричала зубами от боли в запястьях, принявших на себя весь вес ее тела. Хорошо еще, успела ухватиться ладонями за путы, удерживающие руки, а то бы вмиг суставы выбила... Еще одна короткая вспышка пламени, и Мила оказалась на полу. А следом за ней ту же операцию проделал и Алексей. Только с координацией у

него явно было не все в порядке, или просто поторопился сжечь тряпичные веревки, опутавшие его запястья, но на пол он упал словно мешок с картошкой. Как еще пузо себе не отбил?

Лина, открывшая глаза в тот самый момент, когда Лешка рухнул на пол, посмотрела на сидящих внизу растирающих руки-ноги родственников и последовала их примеру.

– Я убью эту мелкую тварь, – пообещала она, едва отдышавшись. – В масле зажарю.

– Тебе мало сегодняшней акробатики? – процедила сквозь зубы Мила.

– Браво, детишки... Упертые вы у меня. Но дурные. Прав Кирюха. – Отлепившийся от старого буфета, перегородившего половину подвала, силуэт сделал шаг вперед, и тусклый свет лампочки упал на его искажившееся в холодной усмешке лицо...

– Отец? – выдохнули все трое.

* * *

Да, давненько в этом доме не раздавался свист розги. Дядька все же оторвал голову от... э-э-э... работы и устроил своим детишкам похототать. Причем мне кажется, что проделал он эту экзекуцию даже без направляющего пинка от деда. Судя по расплескивающейся по округе ярости, источаемой наследником боярина Громова, тот факт, что его дети уже дважды за какие-то три недели осознанно подвергли жизнь своего двоюродного брата опасности, взбесил даже этого обычно флегматичного человека.

Вообще раньше Федор Георгиевич, оставив домашние дела на попечение супруги, особо и не вникал в то, как развиваются «взаимоотношения» между мной и его детьми, пропуская мимо ушей изредка долетающие до него слухи об очередном столкновении между нами. И, наверное, так бы продолжалось и дальше, если бы, вернувшись вчера вечером из столицы, он не обнаружил обгорелого окна в «молодежном» корпусе, а дед не рассказал ему, какое шоу сегодня дважды передавали артефакты наблюдения на мониторы охраны... Дядька сначала опешил, потом полыхнул факелом и, лишь затушив ковер в кабинете деда и немного успокоившись, полез разбираться.

Надо сказать, несмотря на свою отрешенность от домашних дел, наследник рода прекрасно представлял, как и где нужно искать информацию обо всем происходящем в поместье. Скоростному допросу была подвергнута вся домовая обслуга без исключения, затем настал черед записей сети наблюдения... и, в качестве вишенки на торте, допрос медиков. Любые попытки последних оправдать свое прежнее молчание врачебной тайной жестко пресекались. В результате Иннокентий Львович вынужден был отдариться моей амбулаторной карточкой, а Гдовицкой, как самый крайний, еще два часа лично пояснял дядьке, когда и каким образом были получены мною те или иные травмы.

Супруга, попытавшаяся вступить за детей, огребла по самое не балуйся за попытки скрыть правду о нападениях на племянника и потакание дурным детям... В общем, как-то сразу стало понятно, что наследником Федор Георгиевич Громов является не только по номиналу, но и по сути.

Мы же, то есть близняшки, Алексей и я, все это время, то есть почти сутки, провели в «карцере»... организованном для нас все в том же подвале, из которого охрана предвзительно выкинула весь хлам, включая тот самый грандиозно-огромный дубовый буфет и обрывки цепей... Уж не знаю, зачем они вообще были нужны в бывшем мясном хранилище... А для гарантии спокойного поведения добрые подчиненные Гдовицкого нацепили на нас браслеты-подавители, сотворить в которых какую-либо технику было совершенно невозможно. Срывают стихийные воздействия, что называется, на раз.

– Сволочь ты, мелкий, – со вздохом констатировала Лина, с кряхтением устраиваясь на одном из четырех тонких матрацев, брошенных нам по приказу сердобольного Гдовицкого.

– Я? Блондинка, ты ничего не перепутала? – фыркнул я в ответ.

– А кто? Я, что ли, здесь пыточную устроила? Мог бы хотя бы за руки подвесить?! Теперь все тело болит, словно... короче, сволочь ты.

– Скажи спасибо, что так. С него стало бы вообще только за ноги нас подвесить, – тихим равнодушным голосом неожиданно окоротила сестрицу Мила.

– И не тряпками связать, а цепью, – ухмыльнулся я. – И хрен бы вы их так просто пережгли.

Вот тут трое моих сокамерников замерли... и переглянулись.

– Хм. А действительно, почему ты ими не воспользовался? – подал голос Алексей.

– Дай подумать... – Я сделал вид, что действительно задумался, и шелкнул пальцами. – Может, потому что, в отличие от вас, я не такой мерзавец, чтобы пытаться родственников?

«Сокатерники» вновь переглянулись и промолчали.

– Интересно, что было бы, если бы мы тебя окончательно достали? – задумчиво проговорила Мила минут через пятнадцать.

– Убил бы. Быстро и почти безболезненно.

– Мечтай, придурок, – хмыкнул Алексей. – Я бы тебя спалил раньше.

– У тебя была такая возможность, – кивнул я. – И как? Получилось? Забыл, сколько раз сегодня я мог отправить вас к предкам?

– Кхм... тебя дед после этого живьем сожрал бы... – натужно рассмеялась Лина.

– Доведи вы меня до убийства – и на деда мне точно стало бы наплевать. Ну грохнул бы он меня... и? «Сдох Максим, и хрен с ним». Жить с кровью родни на руках – удовольствие невеликое... хотя родня из вас получилась откровенно... кхм. М-да уж.

Не вру. Убийство детей... а как взрослых моя чуйка не определяет даже Алексея, самого старшего в нашей теплой компании. Даже таких дурных детей... Не надо мне такого счастья. Один раз уже проходил, хватило.

Тогда вообще все случайно вышло... И то по возвращении из рейда я месяц в госпитале провалялся... зафиксированным, поскольку трясло и глючило меня страшно. Врачи только руками разводили. Потом уже я разобрался, в чем дело, но, поняв, что сладить с подобными вывертами Дара мне в обозримом будущем не светит, ушел от греха на инструкторскую работу. Подальше от таких случайностей, м-да. Кто бы знал, что именно в инструкторской работе я и найду свое призвание? А вот же. Один несчастный случай – и... хм. Выходит, среброусый знал? Впрочем, если он тот, о ком я думаю, то для него это точно не тайна.

Углубившись в эти несвоевременные размышления, я едва не пропустил атаку.

Алексей попытался засветить мне в челюсть, но схлопотал короткий удар открытой ладонью по лбу, сопровождаемый всплеском Эфира, и осел, не в силах пошевелиться. Только глазами хлопает. Вот-вот, у меня еще много таких фокусов в запасе, так что посиди, подумай... р-родственничек. Еще скажи спасибо, что обычный «расслабон» схватил, а не «полный» или «вечный»...

– Сидеть, – резко оборачиваясь к начавшей подниматься Лине и, тронув Эфир, сопровождаю рык направленной волной ярости. Примерно так же я вырубил братца там, на площадке. Хм, а браслетики-то даже не среагировали... Они действуют только на стихийные техники?

Линка взвизгивает и почти моментально оказывается за спиной молча взирающей на нас сестры.

– Вы, три гребаных мажора, откровенно меня задолбали, – констатирую я. – Мне надоело спускать с рук ваши выходки. Я, конечно, не отец и не дед и требовать от вас чего-то не могу, но... клянусь, я заставлю вас пересмотреть свое поведение. Отныне любая подстава, любой выпад или даже просто косой взгляд в мою сторону будет заканчиваться для вас как минимум переломами. И рыцарского отношения, с вызовом на дуэль, можете не ждать. Бить буду, когда и где поймаю. Попробуете напасть скопом – и количество дней в медблоке для вас возрастет в

арифметической прогрессии. Достанете окончательно – и основной линии рода придет полный и окончательный каюк. Я ясно выражаюсь?

– Ясно, – медленно кивает Мила, не сводя с меня задумчивого и какого-то отрешенного взгляда. Сестра смотрит на нее с недоумением, но, получив удар локтем в бок, так же медленно кивает. Алексей начинает шевелиться, откашливается и, помотав головой, глубоко с сипом вздыхает:

– Понял. Экий ты резкий стал, Кирилл... злой.

– Ваша школа, чего же на зеркало пенять, коли рожа крива? – Поворачиваюсь к близняшкам: – А теперь о насущном. Объясните-ка, с чего это вы сегодня решили меня к предкам наладить?

– В медблок, – поправил меня Алексей. – Время хотели выиграть. Идея опеки им не понравилась.

– Дуры, – констатировал я. На что братец вдруг разразился коротким смешком.

– Я им так и сказал, – ответил он на мой вопросительный взгляд. – Но отговорить Линку не смог.

– Ясно. Но... с чего вы вообще об опеке вспомнили? Какая опека может быть, когда мне всего четырнадцать?! Вы хоть присланные документы читали? – Тишина мне была ответом. Охренеть логика.

– Точно дуры. И ладно еще Линка, она взбалмошная, но ты-то, Мила? У тебя же мозги имеются – что, так трудно было прочесть три параграфа?!

– Я не успела, – призналась та. – Лина позвала Алексея, они начали обсуждать нашу с тобой встречу на полигоне, и как-то незаметно...

– Понятно. Короче, для особо одаренных объясняю. Дед «позволил» мне создать младшую ветвь. Не скажу, что эта идея мне нравится, но... альтернатива и того хуже. Выгоды для Громовых от меня никаких, стихийник я слабый настолько, что до наследного Пламени мне никак не дотянуть. То есть толку от меня вроде бы нет. Сохранить никчемушника в роду... Громова другие бояре не поймут. Для таких, как я, всегда был один и тот же путь. Пинок под зад, изгнать и забыть о неудачнике. Но дед поступать, как принято, не захотел. А теперь уж... В общем, по результатам нашей беседы вы, сестренки, идете ко мне в боярские дети, по временному ряду.

– Младшая ветвь? – переглянулись близняшки, и Лина выпалила: – А нам это зачем?

– Прав Кирилл, вы не просто дуры – вы трижды дуры, – покачал головой Алексей. – Что вам светит в роду? Выход замуж и четыре стены? А здесь получите относительную свободу и статус, соответствующий вашим ступеням. Три-четыре года в боярских детях походите – и никто не сможет вас принудить выйти замуж, даже если на деда станут давить. Да и во время службы с замужеством ничего не выгорит. До исхода срока ряд нерасторжим.

– Давить... на деда? Ну-ну... – рассмеялись сестры.

– А вы что, думаете, он всемогущ? – ухмыльнулся Алексей, вновь, уже второй раз во время этой беседы, удивляя меня своим трезвомыслием. – Так я вас разочарую. В столице таких, как дед, не одна сотня. И посильнее звери имеются. Так что считайте, он вас обезопасить решил на случай непредвиденных обстоятельств.

Резкую и такую неожиданную отповедь брата сестры встретили молчанием, да и мне говорить не хотелось. Так что стоило Алексею договорить, в карцере воцарилась тишина...

Розги достались всем, даже мне слегка перепало, в качестве профилактики, наверное... и чтобы никто не ушел обиженным. Но был и плюс. Благодаря ночному сидению в подвале нам все-таки удалось наладить хрупкое перемирие. Очень хрупкое... можно сказать, вооруженный нейтралитет, но сейчас мне и этого достаточно. Нужно определиться с планами и решить – буду я следовать нашей с дедом «договоренности», если можно так назвать выставленный им

ультиматум, или же плюнуть на все и готовить пути отхода... И в этом случае мне совсем не нужен второй фронт в виде двух близняшек и их так неожиданно поумневшего старшего брата.

Встреча с Гдовицким, на которую я так и не попал ввиду форс-мажора, двойного такого, блондинистого... состоялась лишь спустя неделю после фееричного выступления Федора Георгиевича в амплуа разъяренного хозяина дома.

Полигон был занят спускающими пар кузинами с кузнечиком, так что долгожданная встреча прошла на небольшой рыбацкой заимке недалеко от имения, куда я повадился ходить на рассвете: уж больно клев хорош. Да и не мешает никто. Еще бы снасти потолковее...

Разговор с Гдовицким получился несколько сумбурным, но продуктивным. И первое, что сделал Владимир Александрович, – доказал отсутствие рядом каких-либо записывающих артефактов. Ну да, я тоже не лыком шит. Накрыл нас эфирным куполом из наработок Кирилла и принялся усиленно перекачивать через себя энергию, так что уже через минуту взбесившийся Эфир грохнул все гипотетические «жучки» точно так же, как это случилось с браслетами-подавителями, когда мы «мотали срок» в бывшем колбасном подвале. Правда, в тот раз все получилось случайно... Но если случайность можно повторить, она становится закономерностью, верно?

– Силен, – констатировал Владимир Александрович, покрутив в руке снятый с запястья браслет с потрескавшимися кристаллами. – А ведь это военная модель. Спецзаказ. Наш завод сделал... Хм, и каков же радиус действия этой твоей техники, а?

– Небольшой, – честно... ну, почти честно ответил я. Зачем ему знать, что этим приемом можно еще и точно бить, по конкретным целям, и дальность тут... ну, в пределах видимости. Правильно, совершенно незачем. Потому как определить после этого признания причину столь частого выхода из строя фиксаторов полигона будет не сложнее, чем умножить два на два.

– Понятно. Не доверяешь, значит?

И что тут говорить? Я пожал плечами в ответ.

– Хм... М-да. Кирилл, а ведь я перед тобой извиниться должен.

– За что?

– Так ведь получается, что это я тебе жернов на шею повесил... в смысле два жернова. Ну, близняшек то есть. Я же как увидел на мониторе, что ты камень голой рукой в щебенку превратил, сразу боярина в пультовую позвал... Ну, а дальше сам понимаешь...

– Понимаю, – медленно кивнул я. Ой, брешешь, Владимир Александрович, ой, брешешь, родимый тренер. Ты эту подставу раньше задумал... иначе бы откуда деду знать о пакете с юридической информацией в моем браслете? Вопрос: когда? И зачем...

– Во-от, – протянул мой собеседник, пытаясь рассмотреть что-то в воде. Это снаружи не разобрать, что в куполе происходит, а с нашей-то стороны он прозрачен, как слеза...

– Я не в обиде, Владимир Александрович. Рано или поздно отцовы техники все равно вскрылись бы. Почему бы и не сейчас? – отпуская не пойми каким макаронным клонувшего на наживку сомика, кивнул я Гдовицкому.

– Хм. Кстати, а где ты записи отцовы хранил? – поинтересовался он и, заметив мой вопрошительный взгляд, пояснил: – Ну, теперь-то уж чего скрывать?

– А я и не собираюсь, – усмехнулся я в ответ и постучал себя указательным пальцем по виску.

– Не понял, – опешил тренер. – Он что, вложил их тебе в голову? Ребенку? Зачем?!

– Он не хотел, чтобы записи хранились где-то, кроме его семьи. Мы слабые стихийники, и эти техники – наш единственный козырь. – Как я пою, как я пою. И ведь почти не обманываю. Среди помутневших детских воспоминаний Кирилла моменты, когда отец учил его контролю Эфира, выделяются удивительной яркостью и полнотой, и он действительно называл их «записями»... но то же самое я могу сказать и о моем изучении собственного дара Там.

– И ты можешь так же?

– Пока нет, – усмехнулся я. – Вот стану грандом – тогда и возьмусь за изучение техники наделения памятью. А пока – увольте. Не хочу с ума сойти.

М-да, надо было видеть глаза Гдовицкого. Изумление в них так и плескалось. О, а теперь задумался. Считает господин начальник СБ, анализирует. Ну-ну...

– Ха-ха... а ведь боярин что-то такое подозревал, – вдруг рассмеялся Гдовицкой. – Точно. То-то он... Эх, ладно. Теперь понятно, с чего он решил тебя основателем младшей ветви сделать. Предполагал, значит, Георгий Дмитриевич, что тут не все так просто... Поздравляю, Кирилл. Основание младшей ветви – событие редкое. А уж стать ее первым главой – и вовсе честь немалая. Радуйся.

Ну да, ну да. Младшая ветвь – это, конечно, круто. Верх мечтаний, да. Но на хрена мне эта кабала? Вечно ходить под старшими Грозовыми? Знать, что по первому свистку я должен явиться к главе рода и исполнять его волю... Не-эт уж. Спасибо. Здесь из плюсов – только возможность свалить из имения... В остальном же сплошные минусы. Эх... Ладно, вывернусь. Что-нибудь придумаю, но вылезу из этой ловушки.

– Радоваться? Чему?

– А что, мало поводов? Боярский титул, пусть и младший, перспективы. Деньги, в конце концов, – усмехнулся Гдовицкой, но наткнулся на мой скептический взгляд и, на миг запнувшись, договорил уже совсем другим тоном: – Ну, ты же согласился.

– А у меня была другая возможность? Я два часа просидел под прицелом дедова «огненного шторма». Весьма убедительный аргумент в переговорах, как оказалось.

– М-да... – помолчав, проговорил Владимир Александрович.

– Он пригрозил изгнанием, если я не приму его условий, – не спуская глаз с Гдовицкого, добавил я. Впрочем, здесь, кажется, и так уже все ясно.

– Как всегда, «дипломатичен», – качнул головой Гдовицкой и, словно задумавшись, заговорил отрешенным тоном: – Ты же читал мою подборку и понял, что эмансипация и изгнание – вещи совершенно разные, так? О последней нет записей в законах, нет информации в толкованиях... Это традиция. Старая боярская традиция, о которой всем известно, но которую никогда не внесут в законодательство, даже касающееся бояр. Изгнание – это своего рода казнь для именитых, казнь, полностью поддерживаемая всеми родами без исключения. Всеобщий бойкот. Перед изгнанным закрываются все двери. Вообще все. Понимаешь? Несовершеннолетнему же, изгнанному из рода, даже просто выжить будет очень тяжело. И путь наверх закрыт, абсолютно, то есть у простолюдинов и то возможностей куда больше. Никто не возьмет изгнанного в боярские дети, никто не примет его на серьезную должность, будь у него хоть пять высших образований... Ни при каких условиях. А ведь в твоем случае все и так к этому шло. Думаю, аккуратно на шестнадцатилетие, с наступлением частичной дееспособности, тебя и изгнали бы. А там – пара лет в интернате с обучением какой-нибудь востребованной, но низкооплачиваемой профессии, – и лети, пташка. Единственная возможность выйти в люди у тебя появилась бы только в одном случае: если бы ты сбежал за рубеж. Да и то... если очень-очень сильно повезет. Тамошние одаренные осведомлены об этой традиции ничуть не хуже и выгоду свою понимают. Так что если перед ними встанет выбор между принятием на работу или на службу некоего изгнанника и сохранением добрых отношений с русскими партнерами – они выберут второе. Как говорится, ничего личного, только дело...

– Да уж, то-то мне кузины с тетушкой все уши на эту тему прожужжали, – поморщился я.

– Хм. М-да. – Гдовицкой запнулся, но тут же продолжил свое бормотание: – Изгнание – это далеко не эмансипация... Там, по крайней мере, есть хоть какие-то перспективы. Родовитые эмансипированных особо не притесняют. Ну, не больше, чем других простолюдинов... Но тут уж ничего не поделаешь.

– Как и в моем случае, – прервал я затянувшуюся лекцию собеседника. – Лучше скажите, когда будет проведена церемония.

– Через неделю, – пожал плечами мой собеседник, приходя в себя.

Понятно. Времени у меня осталось всего ничего. Надо решать... Пока я еще могу это делать. Плюнуть на устную договоренность с дедом и слинять – или... А вот что «или», додумать я не успел. Гдовицкой вздохнул и, покрутив в руках папку, с которой пришел на эту встречу, протянул ее мне.

– Ладно, Кирилл. Я, собственно... вот еще зачем пришел, – проговорил тренер. – Не знаю, как там оно все дальше повернется, но негоже бояричу без собственных средств сидеть. Посмотри, почитай.

– Это что? – недоуменно спросил я.

– Наследство твое. От матушки. Николаевы-то активы до твоего совершеннолетия в управлении боярина остаются, а Людмила Никитична своим душеприказчиком меня назначила. Держи. Завтра съездим, все осмотрим и посчитаем. У тебя же нет никаких планов на завтра? Вот и замечательно.

Не сказав больше ни слова, Гдовицкой криво улыбнулся и, развернувшись, потопал назад в имение. Только мостки задрожали под его тяжелой поступью.

Ой крутит что-то Владимир Александрович, ой крутит. Посмотрев вслед уходящему тренеру, я понял, что рыбачить дальше в таком состоянии не смогу, и, сложив снасти в ящик и подхватив свой скромный улов, отправился на берег, к небольшому рубленому домику, который, собственно, и звался громовской заимкой.

Приготовление еды всегда меня успокаивало и позволяло собраться с мыслями. Вот и сейчас, спрятав папку в доме, я принялся за приготовление ухи. В садке плескалась кое-какая мелочь, в самый раз для первого отвара, и пара небольших стерлядок. Котелок, лук и специи нашлись в доме, а во дворе было устроено вполне подходящее кострище. Установив треногу над запыхавшим костерком, я торжественно водрузил на нее наполненный водой котелок и, устроившись за столом на небольшой веранде, принялся шкерить рыбу.

К тому моменту, когда мое варево было готово и над рекой поплыл одуряющий аромат ухи, я уже был спокоен как слон. Ополовинив котелок под хруст малосольных огурчиков и запив всю эту радость рыбака предусмотрительно прихваченным из имения квасом, я потянулся и, встав из-за стола, поплелся в дом – знакомиться с содержимым переданной мне Гдовицким папки. Не тут-то было. Стоило мне скрыться в прохладном полумраке заимки, как на улице раздались знакомые голоса. И что им здесь понадобилось?

– Кирилл! Ты здесь? А чем занят? – Тьфу. Принесла нелегкая! Спрятав папку, я вышел на порог и скривился. Святая троица, чтоб им...

– Уху ем, – настороженно глядя на визитеров, ответил я. Перемирие-то у нас вооруженное.

– А нас угостишь? – хлопнула ресницами Линка. Да черт с вами.

– Котелок на столе, овощи, хлеб и квас там же, – я кивнул в сторону веранды, и наглая троица тут же умчалась в указанном направлении. Обломалось мое «внеклассное чтение»...

Часть вторая. Приглашение в балаган

Глава 1. Закопанный трамвай – еще не метро

В просторном, обитом светлой тканью кабинете главы рода Громовых, полном солнечного света, льющегося в огромные панорамные окна, сегодня сгустились тучи. Перед стариком, сидящим на низком диване в углу комнаты, из стороны в сторону расхаживал похожий лицом, но куда более молодой человек, от которого исходили волны явственного жара.

– Отец, что за бред творится у нас дома? – Остановившись перед стариком, он взъерошил пятерней волосы и выжидающе уставился на собеседника.

– Бред? Не замечал. Просвети, – небрежно проговорил боярин, лениво глянув на сына, и принялся как ни в чем не бывало набивать трубку.

– Отец!

– Что? – так же невозмутимоотреагировал старик и, коротко усмехнувшись, пыхнул трубкой. – Не бери меня на голос, сынок. Это даже твоей матушке не удавалось... не так часто, по крайней мере.

– Да будь жива мама – она бы тебе такое устроила за издевательства над родным внуком... – чуть ли не мечтательно протянул Громов-младший. – А может, и к лучшему, что она не дожила до этого дня и не видит, в какую сволочь превратился ее любимый муж?

– Отлучу, – закаменев лицом, сухо проговорил боярин.

– А давай. Хочешь, прямо сегодня отрекись в пользу Лешки? – растянув губы в совершенно безумной улыбке, вдруг согласился Федор Георгиевич и, легко вздохнув, уселся в кресло напротив. Окинув взглядом мрачного отца, он как-то расслабился и заговорил совсем уж беззаботным тоном: – А что? Хороший наследник у тебя будет, такой же садист. Как говорится, два сапога пара. Правда, за влияние на него тебе придется побороться с близняшками. Они Лешеньку прочно оседлали. Ну да ничего, тебе же не впервой родную кровь со свету сживать, справишься как-нибудь. А, батя?

– Ты не в себе, сын, – медленно, цедя каждое слово, проговорил боярин.

– О как... А ты, значит, в себе был, когда дал добро на убийство внука?

– Да не собирался его никто убивать! – не выдержав, вспыхнул старик. – На него вся система наблюдения в имении пашет двадцать четыре часа в сутки! И полная пятерка охранников в придачу присматривает. Если что, сразу пресекут. Да и Львович реанимацию все время наготове держит.

– Замечательно, просто замечательно... То есть парень живет от реанимации до реанимации, в промежутках работая манекеном для отработки стихийных техник. Ты родного внука «куклой» сделал... – Федор Громов ощерился и, подавшись вперед, фактически прошипел в лицо отцу: – Знаешь, на твоём месте я бы больше всего боялся сдохнуть.

– Что-о? – опешил старик.

– А то. Представь, что будет, когда ты встретишь *там* жену и сына с невесткой. Как? Сможешь им в глаза взглянуть? – презрительно фыркнув, пояснил сын.

– Вон!!! – взревев раненым бизоном, заорал хозяин кабинета, и обшивка дивана, на котором он сидел, вдруг вспыхнула яркими язычками пламени, а в комнате поднялся ветер, тут же расшвырявший по кабинету лежавшие на столе бумаги и мелкие безделушки с полок...

– Отречение пришло вечером... – Громов-младший поднялся с кресла и, не дожидаясь, пока в него полетит что-то убойное, скрылся за дверью.

А боярин, бледный, со сжавшимися в тонкую полоску губами, еще несколько минут сверлил захлопнувшиеся створки тяжелым взглядом. Попытался встать с дивана, пошатнулся...

Украшенная затейливой резьбой трубка выпала из ослабевшей руки и, звонко ударившись о наборный паркет, покатилась, разбрасывая вокруг искры и пепел. Старик попытался поймать ее, но не успел. Ноги подкосились, и боярин Громов, захрипев, рухнул на пол, хватая воздух перекосившимся ртом.

* * *

Записка, найденная мною среди кипы документов, лежавших в папке Гдовицкого, оказалась весьма и весьма странной. Много смутного текста о каких-то обещаниях, данных дядькой моему отцу... и одна короткая просьба о встрече. Не проблема, встретимся, решил я. И ошибся. Дед загремел в медблок, и все пришлось отложить. И вот сегодня, спустя почти неделю, встреча должна состояться. Прямо сейчас...

Кажется, впервые я вошел в медблок имения не как пациент, а как посетитель. Дверь «моего» бокса была распахнута настежь, а у постели бледного, словно смерть, деда сидел Федор Георгиевич, мой дядька. Последнюю неделю он не отлучался из Бесед ни на один день. Да что из имения, он из медблока выходил только вечером, а в семь утра был опять здесь, у кровати отца. Разговаривал с ним, что-то рассказывал. Без толку, конечно. Хотя, если вспомнить мой собственный опыт... м-да. Не буду зарекаться.

– А, Кирилл, здравствуй, – тихим, безэмоциональным тоном проговорил дядька, заметив меня.

– Добрый день. Как он? – кивнул я на деда. Не то чтобы меня это так заботило, но... вежливость.

– Лучше вроде бы... Очнулся вот недавно, – глухо ответил Федор Георгиевич. – Львович говорит, динамика положительная, но... возраст сказывается. Сейчас спит.

– Ясно. – Положив на столик у окна ту самую папку, я повернулся к дядьке.

– Поговорим.

Он указал мне на табурет в углу бокса. Наследнику не откажешь, тем более когда он исполняет обязанности главы рода. Да я за тем и пришел.

– Дед собирался объявить тебя главой младшей ветви нашего рода... Я говорил с Гдовицким, но хочу услышать твое мнение лично, – помолчав, проговорил дядька. И это не была просьба.

Я глянул на спящего старика и пожал плечами. Сказать или промолчать? А что я, собственно, теряю, – это такая тайна, что мне буквально вывернули руки? Идиотом надо быть, чтобы поверить в мою радость от предстоящей церемонии.

– Мне не нравится эта идея, Федор Георгиевич.

– И... – чуть надавил наследник.

– И все. Я говорил Гдовицкому, как дед добился моего согласия на этот шаг. Могу повторить.

– Не стоит. – Дядька покосился на спящего деда и покачал головой. – Все так плохо, Кирилл?

– Хм, учитывая, что в течение последних трех лет и сестры с Алексеем, и Ирина Михайловна постоянно напоминали мне о грядущем изгнании, частенько в присутствии Георгия Дмитриевича, и тот ни разу их не поправил... В общем, думаю, могло быть и хуже... но проще, – сказал я безразлично.

– Понятно, – задумчиво проговорил дядька, вздохнул и, бросив на своего отца какой-то странный взгляд, вновь заговорил. – А сам-то ты чего хотел бы?

– Честно?

– Желательно, – слабо улыбнулся наследник.

– Свободы. Хотя изгнание, хоть эмансипация... лишь бы с концами.

– А главой младшей ветви, значит, быть не хочешь? – удивленно вскинул бровь дядька.

– Будь я совершеннолетним – зубами бы за такой шанс ухватился. А сейчас... ну, что изменится по сравнению с моим нынешним положением? Место жительства, и только. Остальные условия определил дед, как мой опекун. И там мало приятного, – пожал я плечами.

– Отец в своем репертуаре. – Младший Громов тихонько хохотнул, но смех его был неживым, натянутым каким-то... – М-да. С изгнанием, конечно, перебор. Хотя решение простое и... традиционное. Слабый стихийник, да еще и без надежды на возможность овладения родовыми техниками... С другой стороны, не видал я других новиков, что могли бы завалить воев или гридней. В общем, спорный ход, очень спорный. Ладно, Кирилл. Не буду тебя задерживать, иди... А я подумаю, с отцом вот поговорю... И подожди со своим решением. Хотя бы несколько дней. Прошу.

Кивнув на прощание, я вышел из медблока и, остановившись под окном, аккуратно тронул Эфир.

– Ну что, отец, доволен? Парень от твоих игр даже на изгнание согласен, лишь бы только оказаться подальше от нашего террариума... – тихий голос Федора Георгиевича заставил меня замереть.

– А ведь мы договорились... Ему младшая ветвь, деньги и девчонки в подручные, нам – техники и спокойствие кое от чьих планов... – голос боярина был слаб, но уверен. Ага, спал он, как же...

– На хрен ему не нужны наша фамилия, деньги и девчонки, – фыркнул дядька. – Что же до техник... Мне еще Николай объяснял, что не достигший своего потолка стихийник применять их не сможет.

– Что? Он что, меня надуть решил?! – Ого, как дедушка-то взбеленился... И никого я не обманывал. Сроков, когда сестры освоят тонкую работу с Эфиром, мы не оговаривали. А теорию и комплексы для развития я им за год-другой поставил бы... аккурат к полному их совершеннолетию. Остальное – не мои проблемы.

– Ну, а ты на что рассчитывал? – негромко рассмеялся Федор Георгиевич. – Издевался над мальчишкой, как хотел, и считаешь, что он не спрятал камень за пазухой?

– Но мы же родня!

– Вспомнил... – голос наследника похолодел. – Раньше об этом думать надо было. Когда изгнанием родному внуку грозил да внучек на подлости подзуживал. А теперь поздно. Для него родня уже хуже врагов. В общем, так... Младшей ветви не будет. Документы об эмансипации я, как временный глава рода, подпишу сегодня же. А девочки... Договоримся. Очень надеюсь, что он вразумит этих идиотов.

Свобода... Сладкое слово. Да только вместе с ней приходят и неурядицы. В моем случае они оказались довольно приземленными, и описать их можно тремя словами: жилье, транспорт, гимназия. И дело вовсе не в деньгах. Папка, предоставленная мне душеприказником матери, оказалась еще той золотой шкатулкой. Нет, никаких миллионов в ней не было. Зато нашлись неучтенные в моих предыдущих расчетах документы на маленький домик в Москве и на открытый при моем рождении накопительный счет, который вскоре должен превратиться в обычный вклад с приятной глазу суммой в семьдесят четыре тысячи рублей, правда, точное количество средств я узнал лишь в банке. В документах была отражена только сумма первоначального вклада.

Дом оказался маленьким двухэтажным особнячком в одном из переулков Замоскворечья, на первом этаже которого расположилось крохотное кафе, а на втором небольшая квартира, в которой проживает хозяин этого заведения общепита и соответственно мой арендатор, чьими стараниями мой счет пополняется на четыре тысячи рублей ежегодно. А значит, в

качестве места моего собственного проживания сие здание никак не подходит. Доход важнее. Найти же что-то подходящее – за оставшиеся три недели задача почти нереальная.

Вторая проблема – транспорт. Я совершенно спокойно отношусь к метро, автобусам, трамваям и прочим троллейбусам, но... гимназия находится на северо-востоке Москвы, в центре довольно большого анклава, так называемого «боярского городка», и общественного транспорта в нем попросту нет. Весь район состоит из кварталов, принадлежащих боярским родам. И у Громовых здесь тоже имеется свой участок с городской усадьбой самого рода и десятком домов, в которых проживают их боярские дети с семьями. Но я туда ни ногой. В общем, без колес не обойтись. Только кто мне позволит сесть за руль в мои четырнадцать лет? А ездить в гимназию на такси или нанимать шофера... хм, я не настолько богат. Да и разорять счет для покупки автомобиля мне совсем не хочется. Пусть даже это и уменьшит его едва ли на треть... ну если, конечно, не брать что-то понтное...

Ну и третья проблема – сама гимназия. Документы у меня приняли без вопросов, тут же все оформили и даже сообщили, какой именно класс примет меня с распростертыми объятиями. После чего секретарь директора, весьма симпатичная особа лет тридцати, скинула мне на браслет расписание занятий на первый триместр, а вместе с ним список рекомендованной к приобретению литературы, кое-каких принадлежностей и... перечень заведений, в которых я могу обзавестись принятой в гимназии формой. Вот прочитав его, я и понял, как на самом деле попал. Список включал в себя только ателье! То есть форму шьют на заказ...

Нет, понятно, что гимназия расположена в «элитном» районе и случайных людей в ней быть не может по определению, но одно дело это знать – и совершенно другое наткнуться на такой вот выверт и *понять*, что учиться придется в компании самых натуральных мажоров, со всеми вытекающими. Мало мне было близняшек с Алексеем... Как битой по голове...

– Ну что, Кирилл, может, все-таки остановишься в гостевом доме в нашем квартале? – поинтересовался Гдовицкой, составивший мне компанию в нынешней поездке, когда мы покинули огромное здание гимназии и уселись в машину.

– Нет, благодарю покорно, Владимир Александрович, но этот вариант мне категорически не подходит, – вздохнул я.

– Хм... интересно, и как ты собираешься добираться до гимназии в этом случае? – с любопытством покосился на меня тренер... теперь уже бывший, правда. – Даже если тебе удастся снять жилье на границе с боярским городком, в чем я сильно сомневаюсь, поскольку цены там, мягко говоря, немалые... Все равно ходу до гимназии пешком не меньше часа выйдет. Намаешься каждый день такие концы отмахивать.

– Что-нибудь при... – Разговор мы вели, когда авто катило по Стромьинскому тракту, и, отвечая Гдовицкому, я пялился в окно. Вот увиденное там меня и заинтересовало. – Владимир Александрович, остановите, пожалуйста, машину.

– Что-то случилось? – насторожился Гдовицкой.

– Нет-нет. Просто я, кажется, нашел возможное решение проблемы транспорта... – протянул я. Тренер хмыкнул и, покачав головой, прижал наш седан к обочине. – Я сейчас.

Небольшая пробежка от авто до огромного салона, сияющего натертыми до блеска витринными окнами, пятиминутная беседа с расхаживающими среди хромированного и ярко раскрашенного товара консультантами – и в машину я вернулся, будучи абсолютно довольным результатом.

– Ну, и что это было?

– Хм... Скажем так, я нашел транспортное средство, против которого не будет возражать наша доблестная дорожная полиция, – ухмыльнулся я, в ответ. – Конечно, пять кубиков⁵ – это

⁵ 5 куб. см – в данном случае не объем двигателя, как можно было бы подумать, а максимальное количество топлива, способное сгореть в рабочей камере за одну минуту. Примерно соответствует «нашему» мотоциклетному ДВС объемом 250

не совсем то, что мне хотелось бы, но для покупки чего-то помощнее придется подождать еще год с небольшим.

– Мотоцикл? – Гдовицкой хмыкнул, заводя авто, и, вырулив на дорогу, кивнул после недолгого размышления: – Логично. Как-то я не подумал. Паспорт ты сегодня получишь, значит, можешь и на водительские права испытания сдать. А через годик...

– Именно. Если все будет в порядке, то в шестнадцать я уже смогу водить хоть двадцатикубовый «спорт», хоть автомобиль. Но остановлюсь, пожалуй, на дорожнике. Не нравятся мне эти пластиковые чудовища... да и автомобиль игрушка хоть и приятная для самолюбия, но уж больно затратная.

– А зимой как? – поинтересовался мой бывший тренер.

– Ну, вы уж меня совсем за неумеху не держите, Владимир Александрович. Уж на такую мелочь, как защита от грязи и холода, моих сил новика точно хватит, – я соорудил обиженную физиономию, увидав которую, Гдовицкой аж поперхнулся от неожиданности. Ну да, я тоже умею дурачиться, чего тут странного?

Как и всякий нормальный мальчишка, еще в Том детстве я мечтал о собственном «железном коне», но освоить мотоцикл мне довелось только в армии, и мечтами там и не пахло. Все больше как-то смазкой, бензином и моторным маслом... причем, учитывая качество имевшейся в нашем распоряжении техники и количество часов, потраченное на ее ремонт... в общем, охоту к двухколесным железякам в то далекое время мне, как и моим сослуживцам, думалось, отбили напрочь. Ан нет. Оказавшись здесь, в теле четырнадцатилетнего Кирилла, я вдруг понял, что та тяга к мотоциклам вновь проснулась... вот как увидел их в салоне пять минут назад, так и понял. Да и в прошлом, кажется, Кирилл интересовался двухколесными агрегатами. По крайней мере, общие сведения о здешней мототехнике у меня имеются...

Жаль, конечно, что пока придется обойтись пятикубовой «трещоткой» – мне бы хотелось оседлать что-нибудь потяжелее, – но придется ждать... Да и не факт, что я нормально справлюсь с мощной машиной без всяких усилений-ускорений. Все-таки «толстяк» штука тяжелая...

Кстати, заметил интересную вещь: принципы построения двигателей тут и Там совершенно разные. Там – классические ДВС, здесь – рунные артефакты, преобразующие так называемый «эгрегор» пламени сгорающего топлива в эфирный поток, а уже его рунные цепочки превращают в кинетическую энергию. Мощность двигателей и их объемы исчисляются и выражаются тоже отлично друг от друга. Там – киловатты и кубические сантиметры, а здесь – лошадиные силы и максимальный объем топлива, сгорающего в рабочей камере за минуту. Но и Там, и тут в обиходе мотоциклетной братии мелькают «трещотки», «толстяки» и «пластиковые самоубийцы». На последнее прозвище, кстати, любители передвижения в позе эмбриона на бешеных скоростях и здесь обижаются почти всерьез... свидетелем чему я стал в салоне. Там как раз спорили две противоположности – спортивный парень лет двадцати, облаченный в яркую мотоциклетную защиту, и уже седоватый кряжистый дядька с основательной «трудовой мозолью», красующийся тяжелой кожаной «косухой». Лед и пламень... ага. Прямо как Там.

– Кирилл! – Гдовицкой тряхнул меня за плечо, отвлекая от сравнений-воспоминаний. – Ну вот, ожил. А то зову-зову, а ты... уперся взглядом в стекло и молчишь, словно неживой. Все в порядке?

– Да, конечно. Задумался просто, – пожал я плечами.

– О марке мотоцикла? – понимающе ухмыльнулся Гдовицкой.

– Да вот думаю, что лучше – «дорожник» Ярцевских заводов или ковровский «вездеход»? – согласно кивнул.

– Ну ты же вроде за город-то не собираешься... так зачем тебе вездеход нужен? Бери дорожник... он, кстати, и подешевле выйдет, – выкручивая руль и закатывая автомобиль на стоянку у Манежной площади, проговорил бывший тренер. Охранник, рассмотрев небольшой флажок на госномере, разрешающе махнул световым жезлом, и перед нашим автомобилем засветилась пунктирная линия указателя. М-да, любят бояре повыпендриваться...

Выйдя из автомобиля, я поднял взгляд на затейливо украшенное огромное здание перед нами и повторился. Понты – наше все. В моем прошлом... мире на месте этого гиганта находилась дважды снесенная и дважды отстроенная заново гостиница «Москва», но она не шла ни в какое сравнение с этим зданием. Монстр, принадлежащий Боярской Думе, оказался раза в два больше. Впечатляющее зрелище.

– Ну, вот и приехали. Сейчас зарегистрируем твои документы в Герольдии... Чуешь запах свободы, Кирилл? – Гдовицкой улыбнулся, протягивая мне папку с бумагами об эмансипации, которые Федор Георгиевич с боем заставил подписать своего отца, и кивнул в сторону огромных дверей, ведущих в этот оплот боярской спеси. Я глубоко вздохнул и двинулся вверх по широкой лестнице.

Глава 2. Кому мифы, а кому головная боль

Регистрация документов в Гербовом Приказе, как официально именовалась Герольдия, заняла всего час, да и то больше половины этого времени рассматривавший документы приказной потратил на то, чтобы попытаться отговорить меня от эмансипации. Вотще... Хотя и закрутила меня эта «карусель», словно водоворот щепку, отказываться от личной свободы, так неожиданно подброшенной мне дядькой, я не собирался. И плевать, что таким образом я сам себя вышвыриваю из привилегированного сословия. Плевать. Зато никаких дедушек-тетушек над головой... а сестры? Ну какая бочка меда без пары ложек дегтя? А уж какой был торг со старым Громовым, м-м... Никак не хотел дедушка лишиться возможности усилить род «отцовской» техникой... да и не только в этом дело было, как оказалось. Я вспомнил наши «посиделки» у кровати деда и хмыкнул.

– Что, так хочешь дочек замуж сплавить? – ерепенился дед, сверля взглядом папку в руках сына.

– Женихов еще и на горизонте нет, а ты уже волнуешься, отец? – хмыкнул Федор.

– Это тебе так кажется, – скривил губы Громов-старший. – Загляни в мой сейф, там уже два десятка писем на эту тему... И ведь это только первые ласточки, самые нетерпеливые.

– И в чем проблема? Неужели нельзя просто отказать... – проговорил я это негромко, можно сказать, в сторону, но был услышан.

– Хм, молод ты еще, чтобы в эти дела лезть, – поджав губы, проговорил дед, но, вновь покосившись на заветную папочку, вздохнул. – Эх... ладно, слушай и не вздумай перебивать.

И он заговорил. Честно, такое полотно развернул – хоть стой, хоть падай. И было от чего. Оказывается, бояре – они тоже бывают разные. Думные, служилые, владетельные... всех и не перечислить. Но есть среди них и совершенно особая группа из почти трех десятков родов, в которую входят и Громовы. Начало этой «могучей кучке» положил светлой памяти государь Иоанн Васильевич Четвертый, прозванный Монахом. Надоели тогдашнему правителю Руси местнические склоки и лестничные дразги среди ближников, и принял он под свое крыло так называемых худородных, из служилых, однодворцев и детей боярских, общей численностью под три тысячи воинов. Опричнина, ага... да только в здешней истории эта затея имела свое продолжение. Сын Ивана Четвертого, Иоанн Иоаннович, возродил опричное войско, превратив его в братство, этакий военный орден, члены которого подчиняются только самому государю и... не могут участвовать в управлении государством. Несмотря на чины и звания, опричникам нет хода в Боярскую Думу, они не имеют права получать доход «от земли», им

запрещено избираться в посадники... В общем, запретов много, но конечный смысл у них один: опричники не должны лезть в политику.

Постепенно, с переходом от боярских ополчений и княжских дружин к профессиональной армии, подчиненной государю, численность братчины стала уменьшаться. Правители все реже стали вводить в ее состав новых людей, какие-то из входивших в братчину родов хирели, значение опричнины снижалось, пока она окончательно не растворилась в потоке многочисленных «обществ», создаваемых аристократией. Правда, оставался у нее один внешний отличительный признак – право принятия в братчину принадлежало исключительно правящему монарху. В остальном же никаких поводов для зависти «заштатное» общество не давало. А чему тут завидовать? Ну, принял государь очередного худородного в свой «клуб», и что? Где чины, земли, титулы? Где придворное влияние?

В общем, для большинства опричнина стала чем-то вроде награды, выдаваемой по принципу «на и отвязись»... И уж совсем мало кто замечал, что большинство тогда только нарождавшихся в стране производств со временем скапливается в руках этого клуба по интересам. Почему именно у них? Ну, во-первых, сказался старый запрет на получение доходов «от земли», а во-вторых, государи активно вовлекали заводчиков в братчину. И те шли с превеликим удовольствием... бонусы от участия с лихвой перевешивали запреты. Так когда-то исключительно военный орден стал еще и объединением промышленников...

Спрашивается – и как могут быть связаны опричники и мои стервозные сестрички? Оказывается, могут. Современные боярские роды обеспечивают свое влияние в государстве тремя способами. Прямым представительством в Боярской Думе и на высших государственных должностях, собственными финансами, позволяющими влиять на экономику... и родовыми связями. Вот последнее-то и явилось камнем преткновения. Выдав сестренку замуж, Громов тем самым заключил бы союзный договор с родами женихов. Это не значит, что он обязался бы следовать в фарватере их решений, но от оказания посильной помощи, если они того потребуют, отвертеться бы уже не смог... Но, за исключением все того же «клуба опричников», все остальные боярские роды увлекаются политикой в том или ином виде... Нестыковочка-с. Отсюда и желание деда пристроить внучек ко мне в боярские дети. А что, удобно. И приказать формально он им не мог бы, и влияния своего не утратил. А на любое принуждение мог бы развести руками, типа: девочки на службе, ничего поделать не могу...

– Хм. А кто мешает дождаться, пока ряд на службу не закончится? Да и без того... подкатали бы «женихи» к близняшкам и окружили их. А там – совершеннолетие и свадьба... по взаимному согласию.

– До восемнадцати лет без позволения родителей свадьба состояться не может. Это во-первых. Во-вторых, находясь на службе по временному ряду, боярские дети вообще не имеют права жениться или выходить замуж, поскольку в это время их жизни принадлежат боярину. А в-третьих, даже если девчонок «окрутят», по твоему выражению, после наступления совершеннолетия, это уже будет их собственный выбор, без каких-либо последствий для рода, – кисло проговорил дядька. Видно было, что ему тема даже гипотетической свадьбы дочерей не по вкусу.

– Тоже своего рода традиция. Одно дело договор между родителями жениха и невесты, и совсем другое дело – их собственный выбор. В конце концов, негоже соплякам брать на себя права глав родов, тем более решать, кто кому союзник, – прокомментировал слова сына Георгий Дмитриевич.

– Хм. Кстати, насчет ряда... – я немного замаялся. – Правильно я понимаю, что из-за эмансипации, точнее, из-за отсутствия у меня титула боярича сестры не смогут пойти ко мне на службу?

– А ты думал, чего он упирается... – фыркнул дядька, кивая на своего отца. Тот хмыкнул.

– И что, иных кандидатов нет? – удивился я. – А опричнина? Неужто откажется помочь?

– Не откажется, но... репутация, – покачал головой Громов-старший. – Проблема не так велика, чтобы обращаться за помощью, не поймут. Скажут: совсем ослабели Громовы, раз с такой ерундой справиться не могут. А это, знаешь ли, скользкая дорожка. Там сомнение, здесь оговорка – и конец уважению. Вот сговорить женихов внукам можно было бы. Многие в братчине за честь почли бы с нами породниться, но... нет сейчас в опричных родах подходящих по возрасту наследников. А те, что есть, либо уже помолвлены, либо и вовсе женаты. Отдавать же за вторых-третьих сыновей...

– Ага-ага, – рассмеялся Федор. – Заговорил о вторых-третьих. Уж мне-то можешь мозги не пудрить. А то я не помню, какой скандал близняшки закатили, стоило вам с Ириной заикнуться о смотринах. Чуть усадьбу не сожгли, к бесам зеленым.

– Смешно ему, – проворчал дед и вдруг рывкнул: – Думай лучше, что делать будем? На меня Бельские уже полгода охотятся. Так им своего старшего женить невтерпеж, что даже на государевом приеме не постеснялись о Милке с Линкой выспрашивать. На какой ступени, да какие перспективы, да прилежно ли учатся... Тьфу.

– Ладно-ладно... – замахал руками дядька и неожиданно замер. Хоть табличку на шею вешай: «Ушел в себя, вернусь не скоро». Я хотел было уже потрясти его за плечо, но дед остановил, а спустя минуту Федор свет Георгиевич ожил.

– Никак что-то придумал, Феденька? – прищурившись, поинтересовался Громов-старший.

– Как учатся, да? Хорошо учатся, а дальше еще лучше будут... – расплылся в широкой улыбке наследник и вдруг ткнул меня указательным пальцем в плечо. Больно, между прочим. – А скажи-ка мне, друг сердечный, что у тебя с Эфиром?

– А что у меня с ним? Все нормально, – пожал я плечами.

– Ага-ага. Нормально, говоришь? А экзамен на подмастерье сдашь? – а взгляд хитрый-хитрый...

– Когда? – опешил я.

– Сейчас, например, – хмыкнул наследник.

Меня так и подмывало ответить фразой из анекдота по поводу китайского языка и методики, но, отбросив неуместное веселье, я задумался... В отличие от стихийных школ с их ступенями, эфирные техники не имели четкого деления по мощи. Зато различались по степени контроля. И здесь была своя градация. В разных странах эти ранги, как и ступени стихийников, именуют по-разному, но их всегда пять. В России принята европейская система: ученик, подмастерье, мастер, магистр и гранд. «Обзывалки» эти достаточно условны, и, в отличие от тех же «стихийных» званий, на них обращают внимания куда как меньше. А теперь вопрос: зачем вдруг Федору свет Георгиевичу понадобилось, чтобы я стал подмастерьем Эфира?

– Не ломай голову. Обещаю: ответишь на мой вопрос – и я все объясню, – вздохнул дядька, явно заметив задумчивое выражение моего лица.

– Сдам, – признал я. А что? Тихариться поздно да и незачем.

– Замечательно, – дядька даже руки потер воодушевленно, а заметив наши с дедом недоуменные взгляды, довольно хмыкнул. – Не поняли? Ученичество... личное ученичество. Теперь дошло?

Дошло. Еще как дошло. У меня перед глазами мелькнуло посмертное видение... и я содрогнулся. Это вот об этом ОН говорил?! Бр-р. Мне нравилась работа инструктора, учителя, но это... застрелиться можно.

Черт, а ведь я действительно на миг понадеялся, что удастся «сорваться с крючка», отвертеться от кузин по техническим, так сказать, причинам. Но... ха. Как говорится, хочешь насмешишь богов – Расскажи им о своих планах... М-да уж. Кто бы сомневался, что Громовы оценили мои возможности. Даже того мизера, что я успел продемонстрировать, достаточно, чтобы определить хотя бы минимальный уровень моих умений. Вывод? Проверочка, однако. Сто про-

центов... Что ж, ладно. За бескровный выход на свободу можно и заплатить. И если такой платой будет ученичество двух безбашенных девок, пусть. Заодно и... собеседник тот, глядишь, доволен будет. Тоже неплохо... Только условия уточним.

Память, доставшаяся мне от Кирилла, хранит довольно много сведений, но четырнадцать лет – они и есть четырнадцать, и пробелов в моих знаниях хватает. В том числе и об упомянутом дядькой ученичестве. Впрочем, объяснение не заставило себя ждать. Заметив мое недоумение, Громов-младший с удовольствием растолковал, о чем идет речь. Так я узнал, что помимо боевых школ и домашнего обучения одаренных, существует еще одна «форма образования», древняя, как египетские «куличики». То самое ученичество. В Европах с Америками она почти не применяется ввиду традиционности и закоснелости. При существующих альтернативах слишком мало находится желающих заключить договор, по которому власть учителя над учеником столь же безусловна, как власть боярина над боярскими детьми. Правда, и ответственность соответствующая... Но это не единственная заковыка. По традиции учитель должен быть выше ученика хотя бы на ступень, и обучение длится ровно до тех пор, пока ученик не достигнет того ранга, в котором учитель пребывал на момент заключения договора. Исключения составляют лишь ярые, или, в случае с эфирниками, гранды. Они сами определяют срок ученичества для своих «падаванов». Ну, и еще одно: договор ничтожен, если «потолок» ученика ниже ранга учителя. Этика. Правда, последнее касается только стихийников, поскольку считается, что любой одаренный способен стать грандом. Хм. Я бы поспорил...

Вот так и получилось, что на следующий день после визита в гимназию и Гербовый Приказ я, вместо поиска подходящей квартиры неподалеку от боярского городка, вновь ехал с Гдовицким на этот раз в одну из государственных боевых школ, где и должен был состояться мой экзамен.

Можно было бы провести испытание и иначе, пригласив в качестве комиссии нескольких мастеров из бояр, которые проверили бы и засвидетельствовали мой уровень владения Эфиром, но Федор Громов был категорически против и, не объясняя причин, отправил меня в официальное учебное заведение... Гдовицкой взял под козырек и, странно на меня покосившись, принялся за исполнение приказа. Однако чуйка моя так и вопила, что уважаемый тренер и начальник службы безопасности как-то слишком уж доволен таким поворотом дела.

Так я и оказался в этой школе. Весьма странной школе, надо сказать. Начать с того, что, несмотря на лето, здесь было полным-полно учащихся... форма которых ничуть не походила на школьную, зато, несмотря на свой вполне цивилизованный вид, вызвала стойкую ассоциацию с военными. Или это выправка учеников в сочетании с единообразием в одежде произвела на меня такое впечатление? Не знаю, но, оказавшись в здании и немного оглядевшись по сторонам, я уверился в своих подозрениях. Атмосферу военного учебного заведения нельзя перепутать ни с чем. А здесь «родная стихия» так и перла изо всех щелей.

Впрочем, странно было бы ожидать иного от государственной боевой школы. Здесь не место бояричам и боярышням. Отсюда одаренные простолюдины начинают свой путь в доблестную русскую армию и флот: воздушный, надводный или подводный – сие уже не так важно. Беспокоит меня только одно. Ни на одной табличке, ни на одном плакате, да что там, даже в местной альтернативе всемирной сети я не нашел никакой информации о специализации этого учебного заведения. Наводит на размышления...

Правда, долго раздумывать над особенностями школы, в которой предстояло пройти экзамен, мне не дали. Гдовицкой доставил меня на второй этаж и, взяв обещание никуда не исчезать, скрылся за массивными двойными дверьми с «говорящей» табличкой: «Учебная часть». А уже через четверть часа мы, то есть я, Владимир Александрович и трое хмурых разновозрастных дядек, уже были в гимнастическом зале школы, сейчас пустом и темном. Но вот щелкнул выключатель – и высоко над нами начали один за другим разгораться забран-

ные металлической сеткой плафоны, освещающая огромное помещение, окна которого оказались закрыты стальными жалюзи. Ничего так... бункер.

Экзамен начался без предисловий. Просто один из приглашенных, указав на центр зала, вдруг, не дожидаясь, пока я доберусь до указанной точки, попытался ударить меня эфирной волной вроде той, что недавно так удачно свалила Алексея. Однако, в отличие от «моей» волны, эта была пустой. То есть совершенно не наполненной эмоциями. Непривычно. Голая сила и контроль...

Решив отвечать точно в меру, чтобы, не дай бог, не переборщить, я пустил навстречу атаке свою волну и, тут же закрывшись от докатившегося до меня рассеянного удара, напряг чутье.

Экзаменаторы, стоявшие чуть в стороне от атаковавшего меня мастера, накрылись куполом от подслушивания и о чем-то тихо говорили между собой. Чуть мутноватый блеск щита не давал прочесть по губам, о чем именно они ведут речь. Поняв по жесту усмехающегося противника, что от меня ждут взлома этого купола, я пожал плечами. Зачем ломать? Сначала надо попробовать обойти.

Вспомнив свои эксперименты с воздушными мембранами, я довольно хмыкнул. А что? Принцип работы один и тот же. Главное – не ошибиться с фильтрами... Эфир вокруг меня послушно исказился, и часть его, словно впитавшись в пол, покатила в стороны, как круги по воде. Вот невидимая глазу волна свободно миновала границу купола, еще раз – и, ударившись о стены зала, покатила в обратную сторону, неся с собой необходимую информацию. Уверившись в том, что защита от прослушивания не распространяется на доски пола, я успокоил Эфир и, сформировав своеобразную нить, отправил ее в сторону купола таким же образом, как и волну до этого. Зачем биться в стену, если можно пролезть под ней? Оказавшись за границей защиты, эфирная «нить», вынырнув из пола, растеклась по поверхности и, обернувшись подобием мембраны, стала послушно передавать мне вибрации изнутри купола. Подобный прием не был для меня чем-то сложным, учитывая, что похожие подслушивающие техники я неоднократно сплетал с помощью воздуха, когда хотел узнать очередные планы родственников по моему «низведению»... В общем, ничего запредельно сложного. Я кивнул экзаменатору, что внимательно следил за моими манипуляциями, чутко слушая Эфир, и тот, хмыкнув, подал знак своим коллегам. А когда те сняли купол, вся троица, опять не промолвив ни слова, уставилась на меня. Тоже мне, молчуны. Ну да ладно. Оттарабанив подслушанный короткий диалог, я замолчал. Теперь пришла моя очередь сверлить взглядом дырки в «собеседниках».

А вот дальше произошло то, чего я никак не ожидал... даже тут. От одного из экзаменаторов, угрюмого даже на фоне своих коллег, довольно молодого человека, пришел настолько четкий вопросительный образ, что его можно было бы принять за чистую мысль-вопрос, вложенную мне в голову: «Как ты это сделал?» Честно, не будь я уверен, что телепатия невозможна, давно занялся бы этим направлением сам.

Я на мгновение растерялся и уже принялся было за демонстрацию адаптированной мною подслушивающей техники, но вовремя одумался. Никто не сказал, что экзамен закончился, а значит, скорее всего, от меня сейчас ожидают адекватного ответа. Ой, облажаюсь...

Сформировав мысленный образ, я постарался максимально полно очистить его от помех и искажений и, приправив солидной порцией эмоций, сопровождавших создание «жучка», до предела сконцентрировавшись, толкнул получившееся нечто в сторону экзаменатора.

Неопределенный хмык в ответ... и молчаливая троица, развернувшись, покидает зал. Э, а как же я?

Гдовицкой, так и не отошедший от двери, заметив мое недоумение, махнул рукой.

– Идем, Кирилл. Подождешь на улице, пока я поговорю с нашими коллегами. – И у этого по лицу ни черта не прочитаешь. Да что за хрень такая?! Сдал я или не сдал?

– Хм. Надеюсь, меня просветят об итогах этого... испытания? – вздохнул я, смиряясь с необходимостью ожидания.

– Не волнуйся. Скоро все узнаем. – Бывший тренер ткнул меня кулаком в плечо и, кивнув в сторону выхода из здания, помчался следом за моими экзаменаторами. Дурдом.

* * *

– Ну, Степа, что скажешь? – Короткостриженный мужчина лет сорока, с явной военной выправкой, выжидающе взглянул на одного из своих собеседников, молодого, но угрюмого человека с невыразительным, словно стертým лицом. Встретишь такого в толпе – и не заметишь.

– Не тянет он, Игорь. Пока не тянет... Впрочем, в его возрасте... Владимир Александрович, сколько вашему парнишке лет, четырнадцать?

– Почти пятнадцать, – хмуро ответил Гдовицкой. Ему явно не понравились слова Степана.

– Да ладно, Игорь, что ты его слушаешь? Степка же у нас перфекционист. А паренек талантливый, и защиту обошел лихо! Какие его годы, подтянется еще... – вступил в беседу третий и мечтательно добавил: – Эх, мне бы его хоть годик погонять, такой материал пропадает...

– Степан? – короткий взгляд Игоря – и угрюмый со вздохом махнул рукой.

– Да согласен я. Пиши, заверю. – Заскрипело перо, влажно хлопнула печать... все.

Получив украшенное личными вензелями мастеров и печатью школы удостоверение, Гдовицкой коротко поблагодарил учителей и, лишь покинув кабинет, заглянул в выданный на имя Кирилла документ.

– Хм-м... И что теперь делать? – начальник СБ покосился на лист, словно в надежде, что надпись изменится, и, вздохнув, решительно мотнул головой. К черту. Пусть с этим Громы разбираются.

Глава 3. Определенное место жительства

Гадство. Старался же не накрутить... и все равно спалился. Но самое паршивое, я понятия не имею, на чем именно. Не, учиться мне надо. Ликвидировать собственную безграмотность... и заблуждения Кирилла, причем срочно, пока опять во что-нибудь не вляпался... Как сейчас.

Мастер. Приятно, конечно, что господа экзаменаторы столь высоко оценили мои скромные умения, но... Покрутив в руках сертификат с затейливыми подписями экзаменаторов и невзрачной темно-синей печатью школы, я тяжело вздохнул. Это же сколько мне теперь возиться с сестрами, а?! Да, при необходимости техники для экзамена на мастерский уровень я в них вобью задолго до достижения близняшками их «потолка» в стихиях. Но сколько на это понадобится времени! Два года, три? Пять? Черт...

Нет, это точно Безногая отомстила за то, что ушел не по сценарию. Твою дивизию...

– Хм. Вижу, ты не очень рад полученному званию? – с ухмылкой поинтересовался Гдовицкой.

– Что, так заметно? – вновь вздохнул я. В ответ мой бывший тренер только пренебрежительно фыркнул. Ну да, взглянув в боковое зеркало громовского автомобиля, к которому мы как раз подошли, пришлось согласиться. С такой кислой миной я действительно был мало похож на человека, только что успешно получившего свой первый серьезный аттестат.

– Знаешь, а ведь Прутков тобой заинтересовался. Всерьез, – протянул Владимир Александрович, когда мы забрались в салон машины.

– Прутков?

– Михаил... ну, это тот мастер, что ставил купол от подслушивания, – пояснил Гдовицкой. – Между прочим, заместитель директора этой школы... и один из лучших эфирников, которых я знаю. Так что, если вдруг надумаешь идти на военную службу, советую сначала заглянуть к нему в гости.

– Непотизм в ходу не только у бояр, а, Владимир Александрович? – хмыкнул я, постепенно приходя в себя после осознания примерных сроков грозящего мне «кармического» наказания... двойного, да.

– С кем поведешься, Кирилл Николаевич, с кем поведешься, – в тон ответил Гдовицкой и, поняв, что вступать в обсуждение моих возможных планов на жизнь я не собираюсь, тут же круто развернул разговор в другую сторону: – В Беседы, или ты уже подобрал варианты квартир для просмотра?

– Когда бы я успел? – развел я руками. – Может, вы что-нибудь посоветуете... так, в продолжение темы nepoтизма?

– Вот уж в чем я точно не смогу помочь, увы... – покачал головой бывший тренер. – Разве что советом. Попробуй заглянуть в Сокольники. Район тихий, спокойный и расположен совсем недалеко от боярского городка, да и цены кусаться не должны. Дорогого жилья там никогда не было. – И, подумав, добавил: – Опять же дикий парк рядом...

– Это вы сейчас к чему? – не понял я.

– Хм. А где ты собираешься учить девчонок? Во дворе, что ли... Или ты настолько богат, что можешь позволить себе собственный зал для тренировок? – ювелирно вписывая машину в поворот, предположил Гдовицкой.

М-да. А ведь прав господин начальник. Ой как прав... Я покивал и искренне поблагодарил Владимира Александровича.

– Спасибо. Я ведь действительно думал, что придется арендовать какой-нибудь подвал для этих целей. Но летние тренировки в парке – это куда лучше... – И, подумав, добавил под одобрительный смешок Гдовицкого: – Впрочем, если будут доставать, можно и зимой там же тренироваться...

– Про наследное Пламя не забывай, – хмыкнул Владимир Александрович, напоминая. – Поддерживать комфортную температуру для них не проблема. Или забыл?

– Ничего. Гонять буду так, что они и без терморегуляции не замерзнут.

– Ну-ну... – протянул Гдовицкой... и замолчал до самого нашего приезда в Беседы.

В отличие от меня, боярин с наследником восприняли новость о статусе мастера с неожиданным воодушевлением. И я вынужден был признать, что они и в самом деле надеются серьезно поднять уровень близняшек, а не просто пекутся о независимости рода Громовых.

Впрочем, какое мне теперь дело до их желаний? Договор заключен, обязательства оглашены и приняты... не без возмущенного пыхтения со стороны близняшек, но тем не менее. А вечером того же дня Лина и Мила ознакомились с договором об ученичестве и засвидетельствовали его прочтение своими подписями. Вот теперь можно заняться и личными делами.

Паутинка – здешний аналог интернета, довольно бедный аналог, надо сказать, – так вот паутинка одарила меня кучей объявлений о сдаче жилья внаем, но ничего интересного среди вороха предложений я так и не нашел, хоть и объездил добрый десяток адресов... пока, вспомнив совет Гдовицкого, не залез на сайт... то бишь инфор Сокольнического района, правда, больше от безысходности, поскольку муниципалитеты очень редко выставляют жилые объекты как на продажу, так и для аренды. Но чем черт не шутит, пока бог спит?

Сначала я даже не понял, за что именно зацепился мой взгляд. Потом бегло перечитал текст и уже хотел было недовольно фыркнуть и перелистнуть страницу, когда до меня дошло... Десятина! Ну даже самые просторные квартиры не меряют такими единицами площади, обходясь привычными квадратными метрами. А тут такой казус. Заинтересовавшись, я

вызвал подробное описание объекта и понял, что завтра поеду смотреть предложение. Весьма оригинальный вариант... но кто сказал, что это плохо?!

Вообще-то объект был не из разряда жилых, тех на инфоре вообще нашлась лишь пара штук, но я в упор не понимаю, зачем бы мне понадобилась квартира в триста или пусть даже двести квадратных метров. Тем более что стоимость аренды сих апартаментов была в два и соответственно полтора раза больше, чем у заинтересовавшего меня объекта... Правда, у него был свой минус, который я таковым, честно говоря, не считал. Долгосрочная аренда. Минимальный срок – пять лет, максимальный же ограничен лишь законом, то есть сорок девять лет. Большой срок наше законодательство автоматически определяет как скрытую передачу права собственности – и тут же взимает с арендодателя пятнадцатипроцентный налог на доходы, исходя из рыночной стоимости недвижимого имущества, а арендатора штрафует на ту же сумму. Наверное, чтобы арендодателю обидно не было. И закрепляет сделку купли-продажи недвижимости документально.

Когда Гдовицкой упоминал о «диком парке», я и подумать не мог, что под этим эвфемизмом мой бывший тренер понимает самый обычный лес, лишь малая часть которого оказалась прорезана десятком просек, соединенных тремя кольцевыми дорожками. Здесь же десяток павильонов, разбросанных между просеками, беседки... Вот и весь здешний парк «Сокольники», а за пределом третьего, самого большого, кольца – лес. Правда, неплохо ухоженный. Ни сухостоя, ни буреломов... Впрочем, судя по аккуратным дровяникам у одного из павильонов и выставленному рядом ценнику за дровишки «для мангала», парковые служители стараются не за «спасибо»...

– Господин Николаев, если не ошибаюсь? – окинув меня внимательным взглядом, кисло спросил молодой парень в мундире муниципального работника. Пенсне на его носу блеснуло солнечными бликами.

Я утвердительно кивнул, поднимаясь с гранитного бортика фонтана, у которого устроился в ожидании представителя муниципалитета. Ну да, с момента эмансипации к Громовым я отношения не имею, и в паспорте у меня написана фамилия, образованная от имени отца. Традиция.

– Он самый, а вы...

– Младший советник Ренн, Андрей Иванович, – отрекомендовался, иначе не скажешь, мой визави.

– Рад знакомству, Андрей Иванович. Можете звать меня Кириллом.

– Как скажете, – взгляд моего собеседника изрядно помягчел. Ну да, наверняка только-только после института, вон как чином форсит... А тут вместо ожидаемого серьезного человека – какой-то сопляк. Хм... может, стоило заставить его по имени-отчеству ко мне обращаться? Впрочем, нет. Наблюдать кривящуюся рожу этого типа каждый раз, когда он будет выдавливать из себя это самое «Кирилл Николаевич», – увольте. Только настроение себе портить.

– Желаете посмотреть объект или сначала взглянете на документы? – поинтересовался Ренн.

– Пожалуй, начнем с осмотра недвижимости, – кивнул я.

– Тогда следуйте за мной. Здесь недалеко.

И в самом деле, заинтересовавшая меня муниципальная собственность оказалась в пяти минутах ходьбы и расположилась с внешней стороны третьего кольца-дорожки. Двухметровый забор из толстой внушительной доски скрывал за собой довольно просторный двор с длинным одноэтажным срубом, поделившим участок на две неравные части. Меньшая отошла под двор, а большая...

– За домом конюшня, но сейчас она, разумеется, пустует. Там же песчаная тренировочная площадка... извините, не знаю, как она правильно называется... – Ренн на миг замялся.

– Не переживайте, я тоже без понятия, – ухмыльнулся я.

– Э-э? А... Ну ладно. – Андрей недоуменно покосился на меня, но тут же опомнился: – Да, давайте пройдем за дом, взглянете сами. А потом уже осмотрим дом.

И мы пошли. Осмотр бывшего конного клуба, где когда-то содержались лошадки для прогулок по парку, затянулся на добрых полтора часа. Зато я облазил его от и до. И единственный обнаруженный мной минус состоял в разрушенном водопроводе... Точно какой-то «водяной» побуянил. Впрочем, собственно скважина, кажется, была в порядке. Осталось только починить сам водопровод. Дело несложное, но недешевое. Сам же дом порадовал меня простотой, основательностью и... как ни странно, удобством. В общем, договор аренды на десять лет, я, к огромному удивлению советника, подписал тут же и, связавшись с банком, отдал распоряжение о переводе арендной платы за полгода на счет муниципалитета.

Вот так я и обзавелся собственной берлогой. По крайней мере, на ближайшие десять лет.

* * *

Лина выжидающе посматривала на сестру, пока та перечитывала ученический договор, заключенный три дня назад с мелким. В четвертый раз перечитывала, между прочим... Наверное, все никак поверить не могла в такую каверзу со стороны деда и отца. Нет, мать пыталась их отговорить от этого шага. Все уши Грозовым прожужжала, что, дескать, мелкий ни за что не устоит перед мстостью и жизнь сестер превратит в ад... но ни отец, ни дед на этот шум не обратили ровным счетом никакого внимания. Разве что глава рода бровью недовольно дернул. Мол, раньше думать надо было, когда родную кровь гнобить вздумали. Как будто сам этому не попустительствовал...

Тут Лина фыркнула. Подумаешь! Пять лет младшего гоняли, что теперь-то должно измениться? Пусть он хоть грандом Эфира будет, против стихийных техник все равно не потянет...

– Если только убить не захочет, – неожиданно раздался голос сестры, и Лина поняла, что последнюю мысль высказала вслух.

– Хм?

– В прямом противостоянии мы его, может, и укатаем... если очень постараемся, но если он вздумает нас убить, ни ты, ни я даже мяукнуть не успеем, – со вздохом пояснила Мила. – Подвал помнишь?

– Случайность, – махнула рукой Лина и впервые за долгое, очень долгое время увидела сестру в ярости.

– Закономерность! – прошипела Мила и, резко ткнув в близняшку пальцем, проговорила, сверля ее злым взглядом: – Короче, не вздумай его доставать. Я, знаешь ли, привыкла к тому, что у меня есть дура-сестричка, и не хочу отвыкать. Ясно?

– Да ладно-ладно. Что ты взвилась? – отступила на шаг Лина, автоматически потирая то место, куда ткнулся палец сестры. – Не буду я его доставать... больно надо. В гимназии и без меня желающих найдется предостаточно.

Мила недоверчиво покосилась на изображающую паиньку сестру и тяжело вздохнула. Иногда у нее создавалось впечатление, будто Лина при рождении получила все упрямство и безбашенность, что природа определила им на двоих.

А тут еще упоминание о гимназии... Мила покачала головой. А ведь действительно – учеба в их школе далеко не сахар. Даже выходцам из бывших княжских родов порой приходится с боем отстаивать свою независимость и доказывать силу, что уж говорить о новоявленном простолюдине, еще недавно носившем пусть и не очень громкую, но все же довольно известную фамилию? А если еще и сестра примется втихую подзуживать окружающих, чтобы те «пощупали» Кирилла...

– Не дай бог, он поймает тебя на горячем... – вздохнула Мила. Но ее сестра тут же состроила из себя саму невинность.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, сестренка, – улыбнулась Лина.

– Ну-ну... Я предупредила, так что потом не жалуйся.

– Хм... Кстати, о братце. Ты не знаешь, куда он подевался? Второй день его не вижу... – перевела Лина тему.

– Не знаю, – Мила нахмурилась. – Они с Санычем пару раз куда-то ездили, может, он знает?

– Давай спросим?

– Ну уж нет. В последнее время тренер не в духе... может и не ответить. А то и режим «отредактирует»... опять, – прикусив губу, проговорила Мила.

– Ладно. Тогда можно отца спросить... или деда, – предложила сестра.

– Ага. Хочешь еще на одну лекцию нарваться? – отвергла Мила идею.

– Тогда... тогда пусть спросит кто-нибудь другой, например...

– Лешка! – в унисон договорили сестры, и Лина тут же отправила вызов на браслет брата.

Алексей выслушал шепотной дуэт, но вместо того чтобы пообещать исполнить волю любимых сестренек со всей возможной скоростью, только фыркнул.

– Я не узнаю вас, девочки, – проговорил он, улыбнувшись виду недоуменно-удивленных мордашек Лины и Милы на небольшом экране. – Вы же слывете самыми информированными барышнями в гимназии. А тут за новостями в одном имении не уследили. Уехал Кирилл.

– Как уехал, куда?! – взвились сестры. Ну, еще бы! Такая новость и прошла мимо них. Действительно нехорошо.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Нашел какую-то квартиру вроде бы где-то в Сокольниках, туда и съехал. Саныч ему вчера помогал вещи в машину перетаскивать, он мне и сообщил.

– Сбежал мелкий... – констатировала Лина.

Но на это замечание брат с сестрой только разочарованно покачали головами. Неисправима...

* * *

Из имения я съезжал без помпы. Собрал по-тихому вещички, попрощался кое с кем из обитателей, попутно расстреляв охранника Колю еще на одну пачку сигарет румянцевской фабрики, «отвесил поклон» главе рода с наследником и, воспользовавшись щедрым предложением Гдовицкого, закинул собранные чемоданы в просторный багажник его личного вездехода с громким именем «Медведь». А потом пятидесятикубовый движок мягко рыкнул, джип качнулся пару раз на «лежачих полицейских» у въезда в поместье, и, вырвав на шоссе, мы покатили в город.

Новый дом встретил меня тишиной и пылью. Так что Гдовицкой еще шарился «по расположению», когда я принялся за наведение порядка... в первом приближении. Натаскал воды парой найденных в подсобке ведер, распустил старые шторы на тряпки... и вперед!

Увлечся так, что не заметил, как начальник СБ Громовых возник на пороге общей комнаты, где я как раз драил дощатый пол.

– Пустовато здесь у тебя... – заметил Владимир Александрович.

– Это временно. Самое необходимое есть, а недостающее сегодня же докуплю. Денег должно хватить.

– Сумма немалая получится... – оглядевшись, покачал головой Гдовицкой. – Одна канализация пару тысяч сожрет...

– Ничего, переживу, – улыбнулся я. – К тому же благодаря арендатору счет каждый год пополняется на неплохую сумму. Да и проценты каплют... В общем, если не шиковать, то до

конца учебы мне этих денег должно хватить, еще и сумма основного вклада останется. А если учесть, что за обучение в гимназии платят Громы, получается очень даже неплохо. Может, даже на оплату высшего образования останется. Не первого эшелона, конечно, но мне туда и не надо. А вот что-то связанное с теорией артефактостроения... это было бы интересно.

– Хм. Да ты, я смотрю, уже все просчитал, а? – задумчиво проговорил мой бывший тренер.

– Ну так мои расходы Громы теперь не оплачивают, вот и пришлось... – развел я руками.

– Понятно-понятно. – Гдовицкой присел на широкую лавку и, порыскав в карманах пиджака, выложил на массивную крышку стола солидную пачку радужных бумажек в банковской упаковке.

– Вот, наследник велел тебе на обустройство передать...

– Уберите, Владимир Александрович, – я покачал головой. – Эмансипация подразумевает в том числе и финансовую независимость, разве нет?

– Уверен, Кирилл Николаевич? – прищурился Гдовицкой, но, смерив меня взглядом, кивнул, словно в чем-то убедившись, и деньги убрал.

– Они мне без надобности. А понадобятся – так сам заработаю. – Я отжал грязную тряпку, бросил ее на пол и, вытерев руки платком, уселся за стол, напротив начальника СБ.

– Экий ты самостоятельный, Кирилл... Смотрю на тебя и не узнаю, – со вздохом констатировал Гдовицкой, и мне не оставалось ничего иного, как развести руками. Мой собеседник, глядя на эту пантомиму, хмыкнул. – Да понимаю, помнится, и сам после госпиталя изменился так, что мать родная и та с трудом узнала... Но уж больно резко все это произошло. Не видел бы тебя в медблоке – подумал бы, что подменили моего ученика... Ладно, что-то я заболтался, словно кумушка на завалинке. Пора мне возвращаться. У тебя же все одно даже чаю в доме нет, – вдруг резко сменил тему Гдовицкой и, поднявшись из-за стола, направился к выходу.

– Ничего, Владимир Александрович, это временно. Вот заглянете через пару дней – я вас и чаем попотчую, и ватрушками с баранками, – улыбнулся я.

– Ловлю на слове. С тебя новоселье. – Гдовицкой рассмеялся и, махнув рукой, исчез за дверью. Пришлось догонять, чтобы вежливо проводить гостя и запереть за ним крепкие дубовые ворота.

Лишь убедившись, что «Медведь» начальника СБ скрылся из виду, я облегченно выдохнул. Это было близко...

Успокоившись, вернулся в дом и, окинув взглядом просторную комнату, вынужден был согласиться с Гдовицким. Насчет всего необходимого – это я хватил. У меня здесь даже чайника нет, чтобы воды вскипятить! Пришлось лезть в рюкзак за ручкой с тетрадью и браться за составление списка покупок.

Глава 4. Уют – такая зыбкая штука

Для составления более или менее полного списка мне пришлось пройтись по всему дому, и не один раз. В результате, посчитав многочисленные пункты получившегося перечня предстоящих покупок, я тихо охнул и даже на мгновение пожалел, что отказался от щедрого предложения Громовых. Правда, задавив квакнувшую было жадность, все-таки справился с моментом слабости и, накинув на плечи ветровку, отправился по магазинам – на рекогносцировку, так сказать.

Можно сказать, разведка удалась. Точнее, разведка боем. Спустя четыре часа я вернулся в свой новый дом и, сгрузив на стол в общей комнате многочисленные пакеты с неотложными покупками, вновь взялся за ручку и список. Теперь нужно было вычеркнуть приобретенное и записать забытое или пропущенное. Управился я как раз к тому моменту, когда за воротами

послышался протяжный сигнал клаксона. Это приехал мой заказ из мебельного магазина... ну да, не удержался. Перспектива ночевать в спальнике на лавках меня не устраивала, а бывший кабинет начальника конного клуба, теперь абсолютно пустой, идеально подходит на роль спальни. Там, кстати, и санузел рядышком... правда, нерабочий. Но это только пока.

Когда сборщики закончили устанавливать мебель и, получив по рублю на человека, довольные свинтили из моего нового дома, я зашел в спальню и, окинув довольным взглядом просторную кровать, шкафы и тумбочки из добротного дуба, потянул из кармана пресловутый список. Устроившись на подоконнике, добавил в него ковер, шторы и пару ламп для прикроватных тумбочек, вздохнул и отправился разбирать вещи. Благо теперь у меня есть куда их сложить и повесить.

Рассортировав одежду и постельное белье, я вернулся в общую комнату, мимоходом полюбовался нарочито грубо сложенным камином из дикого камня, отделявшим основную часть комнаты от закутка с древней, как кости мамонта, плиткой и рукомойником в дачном стиле, и, покрутив носом, принялся искать в паутинке специалистов по установке сантехники... Нашел и даже связался с подходящей фирмой. Объяснив ситуацию, получил обещание, что мастер прибудет не позже завтрашнего полудня, чтобы определить фронт работ и составить примерную смету. Замечательно... Ну, а пока можно заняться приготовлением ужина...

Остаток недели, то бишь пять дней, прошли для меня на полномасштабной стройке. Спецы по сантехнике за это время успели с матами переделать обнаруженную в пристройке душевую в нормальную такую ванную комнату с огромной деревянной лоханью в качестве собственно ванны, привести в порядок канализацию и септики и заменить насосную систему, давно приказавшую долго жить. Об установке на «кухне» нормальной мойки можно и вовсе промолчать. Обошлось мне все это счастье в круглую сумму, разом откусившую треть бюджета, отведенного мною на остаток года. А мне ведь еще мотоцикл покупать!

В общем, на фоне этих сантехнических затрат обстановка кухни с покупкой большого холодильника, нормальной плиты с духовкой и кастрюль-кружек-ложек-вилочек обошлась мне в смешную сумму в триста рублей... Между прочим, месячное жалованье муниципального чиновника среднего звена! Ну и ремонт декоративного прудика во дворе встал еще в полторы сотни. Зато к исходу недели я почувствовал, что в доме наконец можно нормально жить. В вычищенном камине весело потрескивали дрова, заглушая шум дождя за окном, а на столе «запел» огромный сверкающий золотистыми боками самовар, распространяя вокруг терпкий аромат горящих сосновых шишек. Лепота-а...

– А у тебя тут уютно... – констатировал факт приехавший на «новоселье» Гдовицкой, с интересом оглядывая обстановку комнаты. – Вот уж не подумал бы, что без опыта такое сотворить можно.

Да уж, насчет опыта Владимир Александрович прав. Ну, так не в первый раз дом обставляю... Эх, как же библиотеку жаль, наверняка ведь сожгли, ироды, вместе с «детинцем» моим.

– Я старался. Да и нашлись добрые люди, помогли советом, – скромно кивнул. Незачем Гдовицкому знать, где четырнадцатилетний паренек набрался таких знаний. Подвинул к гостю миску с айвовым вареньем и мечтательно сказал: – Вот думаю вместо конюшни баню поставить...

Гдовицкой с изумлением покосился на меня, но от поглощения пирогов не отвлекся.

– Сейчас?! – А в голосе такое удивление, словно я так, между делом, сообщил ему, что на луну слетать собираюсь, красивых камешков насобирать...

– Да нет. В следующем году. Летом, скорее всего, – я пожал плечами.

– М-да... А ты, оказывается, у нас хозяйственный парень, а, Кирилл Николаевич? Я-то думал, что ты, от присмотра избавившись, так и рванешь гулеванить... а оно вон как вышло... – с усмешкой заявил Гдовицкой. Ну-ну, шутки шутим, да?

– Кто знает, глядишь, действительно рвану... когда от присмотра избавлюсь, – улыбнулся я в ответ. Начальник СБ вопросительно приподнял бровь. – Что, Владимир Александрович? Можно подумать, по парку сотни машин катаются... с громовскими номерами. Или вы думали, что я совсем слепой и наблюдателей не замечаю? Единственный автомобиль на моей просеке, с меняющимися дважды в день обломами внутри, после которых обочины больше похожи на «бычковые» посадки? Я же им даже урну притащил специально, чтобы гадить прекратили... Так ведь нет, как разбрасывали окурки, так и разбрасывают. Вы уж повлияйте на подчиненных, Владимир Александрович, объясните, что негоже в лесу мусорить!

– Эх... – Мой бывший тренер побагровел, втянул носом воздух и, сверкнув глазами, завернул такую тираду, что я аж заслушался.

– Хм. Это вы сейчас с кем разговаривали? – поинтересовался я, когда начальник СБ умолк.

– Извини, Кирилл. Это я не о тебе, а о тех самых подчиненных, – после недолгого молчания проговорил мой бывший тренер и окинул стол ищущим взглядом. Правильно его поняв, я хмыкнул и, прогулявшись до холодильника, поставил перед Гдовицким запечатанную бутылку водки и стопку. Отвернул крышку, налил до краев стограммовый стаканчик и пальцем подвинул его ближе к гостю.

Тот задумчиво взглянул на меня, потом на бутылку, перевел взгляд на стопку и, махнув рукой, закинул содержимое стограммовки в рот. Закусил мясным пирожком, отодвинул в сторону опустевшую стопку и кивнул на бутылку.

– Тебе не рановато ли, Кирилл? – поинтересовался Гдовицкой.

– Так я ее и не пью. Это для протирки...

– Чего? – не понял гость.

– Оптических осей, – ухмыльнулся я, но заметив, как нахмурился мой бывший тренер, поспешил его успокоить: – Окна я ею мыл. Лучше любого моющего средства... и дешевле. Вот, после уборки одна бутылка осталась. Не выкидывать же?

– Ш-шутник, чтоб тебя, – проворчал Гдовицкой и, покосившись на предмет разговора, махнул рукой. – Ладно. Верю. Убирай ее с глаз моих. Тебе все одно рано, а я один не пью... да и за рулем сегодня. Нет, но каковы мерзавцы, а?! Ведь просил же – аккуратно, незаметно... «Будет сделано, Владимир Александрович... невидимками будем, Владимир Александрович... никто-ничего...» Тьфу! Бестолочи.

– Вот кстати, а зачем вообще их ко мне приставили, а? Неужто дед с дядькой потребовали?

– Ну, не то чтобы потребовали... – вздохнул Гдовицкой. – Скорее, намекнули. Да и я за тебя переживал. Вот и... а, чего уж теперь. Извини, Кирилл. Завтра же их отзову.

– Так они мне вроде бы и не мешают... особо. – «Пока», – добавил я про себя, но словам начальника СБ откровенно порадовался. Все-таки слежка, даже такая топорная, спокойствия не добавляет. Да и мало ли чего они там «наподсматривают»... Впрочем, слова Гдовицкого не повод расслабляться. То, что он собирается отозвать этих наблюдателей, вовсе не говорит о том, что вместо них не будут применены иные, более незаметные способы наблюдения... Я бросил взгляд на браслет, который как раз замерцал руной вызова, и, отметив про себя необходимость заменить устройство, ответил на звонок.

Развернувшийся экран продемонстрировал две надменные, но симпатичные мордашки моих двоюродных сестер...

– Ты куда сбежал, мелкий? – Лина, как всегда, олицетворение терпения и вежливости.

– А что, вы успели соскучиться по тумакам? – удивленно протянул я, одновременно соорудив извиняющееся выражение лица для Гдовицкого.

– Хам, – фыркнула неугомонная Линка, но тут же получила толчок локтем под ребро от сестры.

– Извини ее, Кирилл. Мы только хотим узнать, когда начнутся наши занятия. Все-таки лето скоро заканчивается, и нам нужно распланировать оставшееся время, – спокойным, даже деловитым тоном проговорила Мила.

– Вот как... Ну, думаю, вы можете свободно распоряжаться вашим временем до начала учебного года. Первое занятие... ну, пусть и состоится первого сентября, сразу после уроков... Хм. У вас ведь их шесть будет? Вот и отлично. У меня тоже. Тогда же и расписание уточним, – ответил я.

– А где ты... – тут же влезла ее неугомонная сестра и вновь схлопотала локтем в бок.

– Извини, Лина хотела спросить, где мы будем заниматься. В городской усадьбе? – опять сыграла дипломата Мила.

– Увидите, – ответил я и, погасив экран, повернулся к Гдовицкому. – Могу я надеяться, что до начала занятий они не узнают о месте моего проживания? Хотелось бы хоть немного отдохнуть.

– Договорились, – кивнул мой бывший тренер, нацелившись на следующий пирожок. Вот и славно...

Целых десять дней без близняшек... Жаль, что они почти прошли. Я вздохнул и, окинув взглядом свое отражение в зеркале примерочной, неопределенно хмыкнул. Портной – дядечка «сильно за сорок», длинный, словно жердь, чуть сутулый, но шепотливый, как электровеник, – крутился вокруг меня, умудряясь сохранять при этом вдумчивое выражение лица. Потом что-то тихо пробормотал себе в усы, покрутил выдающимся носом и вдруг, резко затормозив, щелкнул пальцами. Его помощницы, явно давно привыкшие к закидонам мастера, понятиливо кивнули и тут же исчезли из виду, чтобы спустя минуту вновь появиться в примерочной с какими-то коробочками в руках...

Ремень с пряжкой-гербом гимназии, небольшие серебряные запонки и красный наплечный шнур в цвет канта на черном френче. Мрачно и пафосно... ну, так куда деваться? Место учебы у меня теперь такое... выпендражное. Это еще что, в следующем году... если доживу, конечно, кант будет белый, вообще эсэсовцем расхаживать буду... Одно хорошо: форма старшего класса полностью черная, включая наплечный шнур и пресловутый кант. Тоже мрачненько, конечно, зато почти без пафоса...

Смирившись со своим внешним видом, я повернулся к портному, а тот все хмурил брови и поглядывал на меня так, словно что-то забыл. Наконец он хлопнул себя рукой по лбу...

– Ма'ина! Где? – отчаянно грассируя, возопил мастер, и его указующий перст ткнулся куда-то в район нагрудного кармана на моем френче.

– Ой! – Одна из помощниц испарилась и тут же материализовалась рядом с портным, держа в руке небольшой кусочек алого шелка... Не понял. Меня что, опять принимают в пионеры?

Впрочем, дальнейшие действия портного поставили все на свои места. Одним-единственным четко выверенным движением, больше похожим на фокус, он свернул этот кусок шелка и, не глядя, вручил его подскочившей Марине. А в следующий момент стремительная барышня уже оказалась рядом со мной. Так это плато-ок, а я-то думал... Аккуратно разместив его нагрудном кармане френча, Марина разгладила ладошкой какие-то невидимые складки ткани и, окинув меня взглядом, улыбнулась.

– Такой лапушка получился! – умиленно заключила девушка, отходя в сторонку.

– Хм, ну вам, конечно, виднее, Ма'иночка, – усмехнувшись, проговорил портной, – но я бы сказал, настоящий кавалег. Ки'илл Николаевич, вас все уст'аивает? Замечания, п'едложения? Нет? Замечательно. Инга, себе'и и упакуй костюмы молодого человека. Да, Ки'илл Николаевич, п'изнаюсь, габотать с вами было одно удовольствие, надеюсь увидеть вас опять в моей ск'омной масте'ской. Ма'иночка, гассчитай, пожалуйста, Ки'илла Николаевича.

– Конечно, Иосиф Маркович, – пропела девушка, улыбнулась еще шире, увидев мои заалевшие в ответ на ее замечание уши, и, плавно покачивая бедрами, поцокала каблучками в сторону прилавка. Ну почему мне всего четырнадцать?!!

Справившись с совершенно неожиданным смущением, я облегченно вздохнул и, перебравшись в любимые джинсы и водолазку, вручил посмеивающейся Инге «освободившийся» костюм и туфли, после чего, «впрыгнув» в свои кроссовки, двинулся к кассе, где меня дожидалась Марина... с чеком наперевес. Вот что за дела? Я еще до свидания с ней не дорос, а деньги уже утекают. Эх, жизнь моя – жестянка.

Расставшись с внушительной суммой, я печально улыбнулся Марине и, приняв из рук ее напарницы огромные пакеты с формой и обувью, попрощавшись, двинулся на выход. Расходы, расходы, расходы... Два комплекта повседневных, один выходной. Пять сорочек, две пары туфель, ремни и запонки... хорошо еще спортивную форму не шьют на заказ. Точнее, может быть, и шьют, но в гимназии еще не додумались требовать подобного изврата от учеников.

Добравшись на трамвае до дома, я развесил приобретенную одежду по шкафам и, глянув на часы, раздраженно зарычал. Шестой час. Слишком много времени было потрачено на ателье. Ну, не рассчитывал я, что Иосиф Маркович вздумает устроить «финальную» примерку каждого пошитого им костюма и не успокоится, пока не убедится в идеальности своих «творений». И ведь не переупрямишь его... не человек, а каток какой-то, честное слово!

Наскоро перехватив пару бутербродов и запив их холодным квасом, я в очередной раз глянул на часы и, подхватив в прихожей заранее приготовленный рюкзак, выскочил на улицу. На сегодня у меня осталось еще одно дело, пожалуй, не менее важное, чем покупка формы. И если я не потороплюсь, то могу опоздать. А переносить решение этого вопроса на завтра мне совсем не хочется. Поскольку завтра у меня праздник... день рождения. И пусть гости на нем не предусмотрены, но планов на этот день у меня, что называется, громадье!

Вопреки опасениям и всем законам Мерфи, трамвай подошел к остановке буквально через минуту, так что в салоне я был за полчаса до закрытия. И пока продавец оформлял документы на мою покупку, я успел подобрать подходящую экипировку. Ну да, стихийные техники – это хорошо, Эфир еще лучше, но кто сказал, что это повод пренебрегать шлемом?

Из салона я вышел, точнее, выехал гордым обладателем пятикубового дорожного мотоцикла производства товарищества Ярцева и К². Симпатичный рыжий агрегат, эдакий лисенок, чем-то похожий на Тамошний классический «триумф». Мощностью, конечно, поменьше, но... изящная, легкая и резвая машинка. В общем, то, что надо для города.

Шлем на голову, зажигание... поехали! Мотоцикл взвыл и сорвался с места. Влившись в довольно редкий поток машин на Стромьинском тракте, я прибавил ходу и уже через десять минут остановился перед воротами своего нового дома. Замечательно! Дело осталось за малым... получить «права». Хм...

Утро началось, как обычно, с зарядки, комплекса техник и медитации. Потом легкий завтрак и... поход на аттракционы. Ну да, я еще и мороженое люблю. Детство? И что? Мне вообще-то всего четырнадцать... то есть уже пятнадцать, конечно. А кто не верит, могу и паспорт показать. Вот.

Укатавшись на аттракционах до головокружения, расстреляв все мишени в тире и сожрав полкило пломбира, я добрался до маленького открытого кафе, расположившегося почти у самого фонтана в центре облагороженной части парка, и, устроившись под бело-зеленым поло-сатым навесом, с наслаждением принялся за уничтожение принесенного официантом обеда. Ну и что, что жарко? У меня растущий организм, его надо правильно и много питать... вот. Тем более что окрошка на квасе – штука холодная... и очень вкусная.

– Нет, вы только посмотрите на него! Мы ему названиваем, уже перепугаться успели, а ну как что-то случилось с нашим дорогим братиком, а он здесь... жрет! – Голос Лины, раз-

давшийся за спиной, стал траурным маршем для моего настроения. Я обернулся и обреченно вздохнул, увидев близняшек и стоящего за их спинами Гдовицкого, всем своим видом пытающегося показать, что его вины здесь нет. Он действительно надеется, что я в это поверю?

– Хм. Как невежливо, Лина, – покачал я головой и, приподнявшись с лавки, отвесил гостям короткий поклон. – Впрочем, здравствуйте.

– Добрый день, Кирилл Николаевич, – первым отреагировал начальник СБ и, указав взглядом на свободное место рядом со мной, проговорил: – Вы позволите?

– Разумеется, Владимир Александрович, разумеется. Присаживайтесь, – я вежливо улыбнулся, одновременно следя за вытягивающимися личиками кузин, и, выдержав паузу, повел рукой в сторону лавки напротив. – Дамы, прошу...

Те наконец пришли в себя от такого показательного пренебрежения и, вздернув носики, надменно кивнули, после чего, не промолвив и слова, устроились напротив нас, сохраняя самый неприступный вид.

А дальше было добрых полчаса беседы с моим бывшим тренером, беседы ни о чем, то есть о погоде, московских новостях и перспективах долгосрочных вложений, и все это высоким штилем, при полном молчании сестер. Впрочем, если тронуть Эфир, от них можно было уловить такой шквал эмоций и бурление «чуйств», что только держись! Еще немного – и взорвутся. А Громову-старшему потом убытки возмещать...

– Итак, Владимир Александрович, могу я узнать, что привело вас сегодня в этот чудесный парк? – свернув бессмысленный треп, поинтересовался я.

– Ох, – Гдовицкой демонстративно хлопнул себя ладонью по лбу и выудил из-за отворота пиджака небольшую плоскую коробочку. – Совсем забыл. Заговорил ты меня, Кирилл. С днем рождения.

– Хм. Спасибо. – Я покрутил подарок в руках, открыл... Портсигар. Добротный такой, тяжелый...

– Раз уж ты все одно куришь, так делай это красиво, – ухмыльнулся Гдовицкой.

Принято.

Я покосился на зло сощурившихся кузин. Хотя-а... вроде бы Мила не так уж и сердита. Скорее даже изображает злость, поддерживая сестренку. Близнецы, что с них взять?

– Мы тоже хотим тебя поздравить, – поджав губы, проговорила Мила, пока ее сестра сверлила меня взглядом. Щелкнул замок сумочки в руках кузины, и на стол лег небольшой аккуратный сверток. Даже гадать не буду, кто им прика... напомнил о подарке.

– Это герб гимназии, – объяснила Мила, заметив, с каким интересом я рассматриваю крошечные щиты на подаренных ею запонках.

– А теперь, может, покажешь свое жилье, братик? А то мы слышали, ты поселился на конюшне. Хотелось бы убедиться, что это только слухи... – все-таки Лина не смогла сдержать своего язычка.

– Я здесь ни при чем, – тут же откестился Гдовицкой, поймав мой взгляд. – Они сами...

Глава 5. Особенности воспитания

Сами-сами. Наверняка опять влезли в базу данных имения. Или у отца с браслета инфу стянули... Только мне от этого не легче. Вроде бы какая разница, увидят они мой дом сейчас или спустя несколько дней, на первом занятии? Но... я ведь и в самом деле надеялся, что до окончания каникул смогу побыть в одиночестве. А теперь на этой сладкой мечте можно поставить крест. Жирный такой, черный крест. Зная близняшек, могу с уверенностью предположить, что они не дадут мне спокойно отдохнуть и наверняка постараются испортить оставшиеся до учебы дни. Так или иначе. М-да...

Вполне ожидаемая критика, градом посыпавшаяся из их уст во время осмотра моего нового жилища, была наименьшей из возможных бед. И я, устроившись с сигаретой и чашкой кофе на низком подоконнике, просто старался пропускать их язвительные замечания мимо ушей. Так же поступил и Гдовицкой, молча и невозмутимо пивший чай все то время, пока сестры шарились по дому. Наконец близняшки выдохлись, устроились за столом рядом с моим бывшим тренером и потянулись за чашками. А Гдовицкой, словно только и дожидавшийся этого момента, вдруг поднялся, отвесил мне короткий поклон и, поблагодарив за угощение, сообщил, что их теплую компанию уже ждут в поместье. Надо было видеть, как близняшки смотрели на нетронутое варенье и сдобу на столе... Ну да, «сбалансированное питание», диеты и прочие ужасы правильного питания тоже входят в сферу ответственности тренера... И как раз сейчас он одним движением и парой фраз с лихвой отыгрался за весь тот словесный мусор, что выдали кухни с момента появления в моем доме, заодно лишив их такого вредного, а потому редко достающегося девчонкам сладкого.

– Кирилл, ты не будешь возражать, если я продемонстрирую Федору Георгиевичу обзорную запись о твоём доме? Ничего личного... просто он очень интересовался условиями твоего проживания. По-родственному, так сказать, – уже стоя в дверях, проговорил Гдовицкой.

– Хм... пожалуйста, – я повел рукой, предлагая бывшему тренеру пройти по дому, но тот только улыбнулся.

– Нет-нет. Не стоит. Я уже сделал коротенькую запись, пока мы пили чай. Думаю, ее будет вполне достаточно. – М-да, я то и дело забываю об этой особенности здешних фиксаторов. В отличие от известных мне оптических камер, местные их аналоги фиксируют определенные возмущения Эфира в некоем объеме, а после «конвертируют» полученную запись в видео- и звукоряд, что позволяет вести скрытую трехмерную съемку, так сказать, от третьего лица. Удобная штука, и самое главное – ее записи невозможно подделать... по крайней мере, официально считается именно так...

Ха! Владимир Александрович гений. Честное слово. Интересно, что скажет наследник, услышав звуковое сопровождение этой записи?

Я бросил короткий взгляд на сестер и удовлетворенно кивнул. Выглядели близняшки откровенно бледно. И если Лина просто испугалась, то в эмоциях Милы явственно мелькали нотки злости... на сестру.

– У меня нет никаких возражений, Владимир Александрович. Надеюсь, Федор Георгиевич останется доволен увиденным.

– Ручаюсь, Кирилл. Ты подобрал просто замечательное жилье. Честно говоря, я и сам бы от такого не отказался. – Гдовицкой ухмыльнулся и, развернувшись, подтолкнул сестер к выходу. – Идемте, идемте, девочки. Дома нас уже заждались.

Просторный седан с громовскими номерами тихо, но эдак значительно рыкнул и покатил по просеке, увозя в своем железном брюхе изрядно присмиривших девиц и моего бывшего тренера. Все. Избавился наконец-то.

Заперев ворота, я глянул на темный дверной проем и, поразмыслив несколько секунд, решительно направился в обход дома. Хоть Гдовицкой и нивелировал эффект от присутствия кузин, успокоиться мне все же не мешает. Спустя час, «выгладив» «воздушной линзой» вспаханное мною же песчаное покрытие «полигона», я вернулся в дом, окинул взглядом «недоразоренный» стол, вздохнул и, покосившись на запястье левой руки, решительно уселся на лавку, не менее решительно отложив поиск в паутинке подробной информации о гимназии на потом. В конце концов, не одни близняшки страдали от отсутствия сладкого в своем рационе, а на столе такая роскошь... Самое время, чтобы порадоваться недоступной прежде вкуснятине... Да, я помню, что мне уже пятнадцать, но вкус выпечки-то от этого хуже не становится, правда?

* * *

Нагоняй сестры получили знатный. Отец, увидев запись, сначала ревел белугой, потом грозился выдрать дочерей как сидоровых коз, а после, устав и утомившись, рухнул в кресло и объявил наказание.

– Это же надо было так опозориться, а? Прийти в гости и облить дерьмом дом хозяев! Да двадцать лет назад за такую выходку вас бы спустили с лестницы! А полвека назад подобное оскорбление вообще могло обернуться войной родов. Остолопки! – рыкнул Федор Георгиевич и, с сожалением глянув на дочерей, покачал головой. – Завтра же в имение прибудет Агнесса и займется с вами этикетом! Лично прослежу. Нет, это же надо было додуматься до такого, а?!

– Милый, успокойся. Ведь ничего страшного не произошло, – заворковала неслышно вошедшая в комнату супруга наследника и протянула мужу чашку успокоительного отвара. – Ну какое оскорбление, какая война? Кирилл теперь обычный простолюдин. Что тебе до этой ерунды?

Блямс! Чашка, выбитая из рук Ирины Михайловны ладонью наследника, разлетелась вдребезги, ударившись о стену. Мужчина взмыл над креслом, распространяя вокруг волны душливого сухого жара...

– Еще одна идиотка на мою голову! Какая разница, что написано в бумажках? Он – Громов. Плоть от плоти, кровь от крови боярской! Десятки поколений воинов за спиной. Ты что думаешь, это так легко вытравить? Тиснули штампик в паспорте – и вместо боярина получили бродягу безродного? Да хрен вам! – Обведя налитым кровью взглядом дочерей и отпрянувшую в испуге жену, наследник прекратил ор, прикрыл глаза и медленно втянул ноздрями воздух, пытаясь сдержать обуревавшую его ярость. Чуть помолчал и тихо, почти шепотом проговорил: – Уйдите... клуши. Уйдите от греха.

– Что, детки, бушует тятка? – встретив в коридоре тихо переговаривающихся с матерью близняшек, проскрипел дед, наконец выбравшийся из-под опеки Иннокентия Львовича.

– Злится, – вздохнула Ирина Михайловна.

Старик хмыкнул.

– Ну ничего, позлится и перестанет. Федька у нас отходчивый... не то что Коленька. Вот уж у кого память долгая была... никогда зла не забывал. Но и доброту младшенький помнил до-олго. Ладно. Не о том речь. Идемте, внуки, научу кое-чему, как раз за то время и отец ваш остынет. А ты, Иринушка, ступай к себе... выпей отварчику, успокойся. Он у тебя ох, какой хороший получается, добрая вещь. Иди-иди...

Ох, уж это женское любопытство, никогда оно до добра не доводило. Вот и сейчас так же вышло... Пошли внуки следом за главой рода, аккуратно до знакомого им подвала...

– Ай! – Линка дернулась, неудачно задев бедром дверной косяк на входе в их с сестрой комнату, и зашипела от боли... – Ну, дед...

– Что, нарвались? – насмешливый голос Алексея, заставил девушку зашипеть еще сильнее. – Да, вижу, правду говорят, что у деда рука тяжелее, чем у отца.

– Издеваешься? – зло прищурились сестры.

– Да нет, куда уж мне... – хмыкнул тот и посерьезнел. – Отец велел передать, чтобы на первом же занятии вы перед Кириллом извинились. Только за что, не сказал... Ну, колитесь, что вы там опять с мелким учудили?

– Не твое дело, – отрезала Мила, одновременно наградив сестренку тяжелым взглядом.

– Ну, не хотите говорить – и ладно. У Саныча узнаю, – деланно беззаботно пожал плечами Алексей.

– Смотри, аккуратнее, – буркнула Лина. – Это он...

– Молчи, – Мила качнула головой, и сестренка послушно умолкла.

– Нет-нет, договаривай, – заинтересованно подался вперед Алексей, но вынужден был отпрянуть от захлопнувшейся перед его носом двери. И как бы ни силился он подслушать, о чем там спорят сестры, не получилось.

– Но почему? – протянула Лина.

– А зачем? – в тон ей переспросила сестра.

– Ну... – девушка на миг задумалась и пожала плечами: – Он же наш брат.

– Кирилл тоже, забыла? – усмехнулась сестра.

– Подумаешь... – фыркнула Лина.

– Так. Стоп, сестренка, – вдруг посерьезнев, нахмурилась Мила. – Заруби себе на носу. Если я из-за твоей нездоровой тяги к мелкому в третий раз получу по заднице, тебе не жить. Веришь?

– К-какой такой тяги? Сдурела?! – подпрыгнула Лина, ошарашенно глядя на сестру.

– Откуда я знаю, какой? – огрызнулась та. – Но я тебя предупредила.

– С ума сошла, – покачала головой Лина.

– А что еще прикажешь думать, если ты дня не можешь прожить, чтобы не зацепить Кирилла?

– Да ну тебя. Выдумываешь ерунду какую-то, – девушка даже фыркнула от бредовости предположения и, проковыляв к окну, попыталась усесться на подоконник, но тут же опять зашипела от боли. С ненавистью покосившись на ни в чем не повинную деревяшку, Лина обиженно засопела и, по примеру сестры устроившись на кровати, активировала браслет. Развернувшийся перед лицом экран блеснул логотипом паутины, и в комнате воцарилась тишина.

* * *

Дом им мой не понравился... Говорил уже, и чую, еще не раз повторюсь: дуры и есть. Я потянулся и, улыбнувшись солнечному свету, люющемуся в окно, вскочил с кровати. Тело только что не распирало от бурлящей энергии, а настроение уверенно ползло к отметке «превосходное». Эх!

Короткая пробежка через весь дом и выходящую во двор веранду закончилась у небольшого пруда. Декоративный-то он декоративный, но достаточно глубокий, чтобы плюхнуться в него с разбегу и не расшибиться о дно. Что я и доказал, подняв целый фонтан брызг. Хорошо!

Вынырнув на поверхность, довольно отфыркался и, выбравшись на выложенный палубным тиком бортик, пошлепал обратно в дом. Умыться, одеваться... и на зарядку. А потом в душ...

В общем, к моменту начала приготовления завтрака я был чист, свеж и благоухал честно скоммуниженным в имении одеколоном. На сковородке зашкворчало сало, следом за ним на раскаленный чугун плюхнулось четыре яйца, соль, и через пять минут я уже уплетал свой завтрак, запивая глазунью апельсиновым соком.

Расправившись с едой, я помыл посуду и, заварив кофе, принялся строить планы на день. Щелкнула полированная крышка подаренного Гдовицким серебряного портсигара, и струйка табачного дыма устремилась в открытое окно. Отвлекая от размышлений, тихонько завибрировал браслет на руке, подавая сигнал о пришедшем на почту письме, и я отчеркнул первый пункт своего плана на день. Обзавестись новым браслетом. Можно было бы, конечно, ограничиться и покупкой лишь нового кристалла-идентификатора, но... кто его знает, сколько закладок от СБ Громовых прячется в системе самого девайса? А значит, машинку лучше сменить целиком. Хотя и жаль, аппарат подобного класса мне не потянуть, так что придется обойтись более дешевым вариантом. С этим домом я и так серьезно выпал из бюджета... Шестьсот рублей за полгода аренды, две тысячи на ускоренное восстановление водоснабжения и небольшой, но очень скоростной косметический ремонт, еще шестьсот ушло на закупку всего необходи-

мого для нормального жилья плюс двести... целых двести рублей за новую форму, да еще пять штук долой за мотоцикл... В общем, если не считать основной суммы вклада, которой мне все равно со счета не снять, осталось у меня меньше двадцати семи тысяч рублей свободных средств. Много? Да, немало. Но скорость, с которой эти средства начали таять, меня, честно говоря, несколько напугала. Впрочем, пока других крупных расходов я не планирую, так что можно спокойно перевести дух... но все равно немного обидно. Я-то думал до конца года уложиться в семь-восемь тысяч, а получилось, что не прошло и трех недель, как уже выбрался за установленный для себя лимит. Нехорошо.

С другой стороны, вариант с бывшим конным клубом, хоть и вылился в круглую сумму, нравится мне куда больше, чем аренда обычной квартиры. Опять же свежий воздух, собственный мини-полигон... пруд, в конце концов. Ну чем не дача? Да еще и в городе. Лепота.

Победив внутреннее земноводное, я потянулся, затушил в пепельнице окурочек и, сполоснув опустевшую кофейную чашку, отправился на улицу. Стоя на пороге сеней, чуть поколебался, но все-таки махнул рукой и решил пройтись до магазина пешком. А что? Лето, светло, тепло... отчего бы и не прогуляться до Каланчовой площади⁶ на своих двоих? Тем более что тут идти не больше получаса.

Сказано – сделано. Шлем отложен в сторону, дверь и ворота заперты, и я зашагал по просеке, отделяющей облагоустроенную часть парка от сплошного леса, до пересечения с «лучом», ведущим к парковому фонтану, а оттуда – по главной аллее, мимо храма Воскресения, до самой площади.

Этот город похож и не похож на Тамошнюю Москву. Здесь нет засилья безликих бетонных коробок, и город, разрастаясь, как и Тот, во все стороны, умудряется оставаться зеленым и малоэтажным... Хотя ближе к окраинам дома высотой в семь-восемь этажей совсем не редкость. И честно говоря, если вспомнить «вставные зубы» Тамошних новоделов и архитектурных «изысков» постсталинских времен, эта Москва мне нравится куда больше. Здесь сохранилось Бульварное кольцо и большинство храмов, а в кварталы постройки времен позапрошлого царствования не врезаются зеркально-стальные машины бизнес-центров. И красивейшие фасады публичных зданий не уродуют гигантские рекламные панно. А самое главное... тут удивительно чисто. Может быть, это оттого, что урны и плевательницы установлены на каждом углу, а может, из-за наличия суровых дядек в длинных холщовых фартуках, набрасывающих на любой мусор с совершенно неопишуемой яростью. А уж какой порядок царит во дворах, являющихся их вотчиной... Пару дней назад заглянул я в один тихий дворик, так и минуты не прошло, как нарисовался рядом со мной бугай с метлой, черенком которой можно, наверное, и медведя завалить, и вежливо так поинтересовался – а что это господин хороший, я то есть, забыл на подведомственной оному дворнику территории? Честно признался, что ищу отхожее место. А этот оператор метлы и совка только кивнул понимающе и пустил в туалет при своей дворницкой. Культурный шок – вот как это называется. Вот такая вот замена пресловутому «Макдаку». В общем, воспользовался я на диво чистым ватерклозетом, восхитился умному подходу к нуждам человеческим и, оставив пять копеек в специальной копилочке на подоконнике, пошел себе дальше.

А ведь с такими вот дворниками никакие полицейские наряды не нужны. Он выйдет вечерком к буянам, крутанет в руке свое бревнышко с прутиками – и молодцам уже не «луноход» нужен, а сразу карету «скорой помощи» подавай. Мудро, разве нет?

Конечно, я не говорю о старых рабочих районах, там наверняка свой уклад, вот только один момент в глаза мне бросился. Полазил я по паутинке и выяснил, что здесь на всю Москву ровно полсотни полицейских участков, и в каждом не больше тридцати сотрудников. Правда,

⁶ Каланчовая площадь – названа так ввиду наличия на ней самого высокого здания в округе – пожарной каланчи, в РИ так зовется площадь Сокольническая.

есть еще гарнизон внутренней службы, насчитывающий порядка двух тысяч человек, но это особая статья.

За такими раздумьями я и не заметил, как добрался до Каланчовой площади и Алексеевских торговых рядов, раскинувшихся на месте памятного мне магазина «Зенит». Вот здесь я, пожалуй, и отыщу то, что надо. А именно – недорогой браслет и новый кристалл-идентификатор.

Поиск не затянулся надолго, и уже в третьей по счету лавке я наткнулся на вполне приличный девайс. Конечно, ни о каком титановом корпусе, равно как и о выращенных алмазах-накопителях, речь здесь и не шла. Но, с другой стороны, для хранения больших объемов информации мне достаточно и нынешнего браслета, а для переговоров, серфа по паутинке или обмена письмами вполне подойдет и что-нибудь менее емкое и навороченное, например, вот такой вот стальной образчик с заключенными в упругие коконы кристаллами кварца. Да, функционал победнее, да, экран до полуметра по диагонали не растянуть, и качество звука чуть похуже, ну так мне на нем фильмы не смотреть и музыку не слушать... да и игрушки гонять я не собираюсь. Так что беру. Пятнадцать рублей, бюджетный вариант. То, что доктор прописал.

Пробежавшись по менюшкам и убедившись в добротности системы, гляжу на продавца. Парень лет семнадцати, явно студент на подработке, замечает мой взгляд.

– Вас заинтересовал этот браслет? Прекрасный выбор. Линейка этого производителя пользуется уверенным спросом у «рисковых». Ударопрочные артефакты, не боятся влаги и пыли, сбалансированный набор функций... – тут же оказавшись рядом, начинает разливатьсся соловьем консультант... Пользуется спросом среди «рисковых»... Ну да, убойный аргумент для пятнадцатилетнего паренька. Рисковыми здесь называют экстремальщиков всех мастей. И ведь не соврал ни словом, подлец. Другое дело, что «линейка» еще не означает конкретно этой дешевенькой модели, ну так и продавец конкретно о ней не говорит.

– Да, вот интересуюсь... хочу купить... только я паспорт... забыл, – изображаю бегающий взгляд и алеющие щеки, благо с моими возможностями последнее не сложнее первого, старательно разыгрываю отчаянно врущего и одновременно стесняющегося своей лжи малолетку.

– Хм... – Консультант окидывает меня «суровым» взглядом и, откашлявшись для солидности, задает ожидаемый вопрос. – А идентификатор?

Обреченно развожу руками.

– Пятерка, – заговорщицким шепотом сообщает консультант. Отрываю взгляд от пола и резко киваю. Есть!

– Замечательно, – расплывается в улыбке продавец и показывает в сторону прилавка: – Идемте к кассе, оформим вашу покупку.

«Левый» кристалл-идентификатор, здешний аналог сим-карты, обошелся мне примерно вдвое дешевле, чем я ожидал. Пятерка перекочевала из моего кошелька в ладонь продавца, а в формуляре контракта появились данные совершенно другого человека. Незаконно? Да. Опасно? Ничуть. Ни для меня, ни для того бедолаги, чьи паспортные данные использовались для оформления договора. Контракт предоплатный, так что кредит на нем не повиснет, да и военных и банковских сетей с этого браслета я взламывать не собираюсь... в смысле, вообще не собираюсь.

Довольный своим новым приобретением, я нацепил его на правую руку, а пустую упаковку бросил в рюкзак, где уже лежали приобретенные в этом же магазине дешевые кварцевые кристаллы-накопители. Покинув ряды, я на миг застыл в раздумьях, но, почти тут же вспомнив про пустующий холодильник, устремился на другую сторону площади, туда, где шумел и гомонил сокольнический рынок. Вперед, за едой!

Часть третья. Когда бы я был большим

Глава 1. Четвертый раз в первый класс

Гимназия. День первый. Я покрутил головой в поисках места, где можно приткнуться моего «Лисенка», и, не обнаружив у въезда на территорию школы даже подобия автостоянки, решительно порулил к полосатому шлагбауму. Если нет снаружи, надо поискать внутри. Логично? Остановился перед этим воплощением лозунга «Не пущать» и надавил на клаксон. Вотще. Спокойно минующие калитку для пешеходов ученики с интересом косились то на меня, то на изображающего египетскую мумию охранника, замершего в своем «аквариуме», но так, мельком... Поняв, что сей жутко занятой дядечка не имеет ни малейшего желания убирать полосатое препятствие, я хмыкнул и, откатив мотоцикл на пару метров назад, вывернув руль, внаглую объехал злобное «кормысло».

Пыхтящий охранник тут же выкатился из своего убежища и устремился ко мне с явно недружелюбными намерениями... но замер в двух шагах. По-моему, в его голове никак не укладывался тот факт, что я не собираюсь никуда удирать. Конфликт прописанного алгоритма и реальности – да. Но как же «я догоняю – ты убегаешь»? Вот делать мне больше нечего, кроме как устраивать кольцевые гонки вокруг здания гимназии... Да и было бы с кем состязаться! Даже если допустить, что сей господин будет использовать стихийные техники, а о его одаренности ясно говорят вибрации Эфира вокруг, за «Лисенком» ему все равно не угнаться... ну, может быть, полкруга и продержится, при должном умении, но потом-то все равно отстанет...

– Добрый день. Прошу прощения за вторжение. Не могли бы вы присмотреть за моим мотоциклом, пока я получу разрешение на его парковку на территории гимназии? – протараторил я, стоило охраннику открыть рот. Тот поперхнулся. – Благодарю. Это очень любезно с вашей стороны.

Широко улыбнуться и линять, пока мой собеседник не пришел в себя от такой наглости.

– Э-э! – Обернувшись на этот многозначительный звук, я опять благодарно улыбнулся и, помахав рукой, ускорил шаг.

– Я вернусь через десять минут с разрешением, еще раз спасибо, – под смешки учеников, наблюдавших эту картинку, последние слова я почти прокричал и, поправив лямку рюкзака, устремился к главному входу в здание, на ходу стаскивая с головы шлем, рыжий, как и мой мотоцикл.

Административная часть заведения, судя по указателям, находилась на верхнем, четвертом этаже, так что, не теряя зря времени, я понесся по лестницам. Единственная заминка случилась, когда я увидел свое отражение в зеркале, пробегая через фойе второго этажа. Всклощенные волосы, расстегнутая кожаная куртка, мотоциклетный шлем на сгибе локтя – плохиш, да и только. Хулиган и бунтарь... в общем, не совсем то, как должен выглядеть приличный школьник. Не, так дело не пойдет. Сказано же мудрыми: «Встречают по одежке...» Надо срочно привести себя в порядок.

Покрутив головой и заметив в двух шагах дверь с характерным обозначением, я решительно ухватился за ручку и скрылся в туалете. Шлем долой, куртку тоже. Вжикнула молния рюкзака, и на свет появился скатанный валиком форменный черно-красный френч. Почему именно так? Меньше мнется. Теперь скоренько разгладить немногочисленные складки разогретыми «воздушными линзами» – и можно надевать. Куртку свернуть все тем же валиком и вместе со шлемом отправить в рюкзак. Вновь вжикнула молния, скрывая в недрах сумки мотоциклетные причиндалы. Замечательно.

Повернувшись к зеркалу, окидываю свое отражение критическим взглядом, поправляю белоснежные манжеты сорочки, сверкающие подаренными близняшками запонками в виде герба школы, и, чуть пригладив растрепавшиеся лохмы, вываливаюсь из туалета уже вполне примерным гимназистом. Вперед-вперед. До начала учебного года осталось чуть меньше часа, и кто его знает, сколько времени займет получение разрешения на хранение «Лисенка» на территории школы? А если еще и местная администрация заупрямится?

Администрация предстала передо мной в образе уже виденного мною в прошлый визит секретаря директора, да только тогда я не обратил на нее особого внимания, занятый беседой с начальником учебной части. И зря. Секретарь оказалась улыбчивой статной дамой лет тридцати, с такими... глазами невероятного изумрудного оттенка и таким чудесно мягким контральто... ой-ей-ей! Куда-то меня понесло... не туда, да...

В общем, госпожа Нелидова не стала мурыжить нового ученика и в два движения решила проблему приюта для «Лисенка» на все время моей учебы в гимназии. Раз – и под мою диктовку из «печатника» вылезает голубоватый лист разрешения с номером мотоцикла, два – хлопает печать-автомат. И вот я уже счастливый обладатель парковочного места за номером сорок шесть. Отлично.

– Благодарю вас, любезная Катерина Фоминишна, – поклонившись, я прижал к груди полученную бумагу, и госпожа секретарь вдруг разразилась теплым грудным смехом. Заразительным таким и ничуть не обидным. Я млею.

– Хорошо, хоть Катериной Матвеевной не назвал, – белозубо улыбаясь, покачала головой женщина. Застываю на миг в ступоре, но, вспомнив, что и здесь имеется своя версия «Белого солнца пустыни», улыбаюсь в ответ.

– Ладно, иди уже... «Сухов». А то на «линейку» опоздаешь, – махнув ухоженной ручкой в сторону выхода, фемина дает понять, что уединения окончена. Послушно выкатываюсь в коридор. Как-кая жен-щи-на... Я в восторге!

Пришибленным ежиком скатываюсь по лестницам до первого этажа, никак не реагируя на происходящее вокруг, и, миновав двустворчатые двери, оказываюсь во дворе гимназии. Порыв по-осеннему холодного ветра кое-как выбивает сладкую муть из головы, и я, тряхнув многострадальным «вместилищем знаний» и чуть придя в себя, уже куда более уверенно направляюсь к пышущему яростью охраннику.

– Ты... – рычит «хранитель великого полосатого коромысла», но я только радостно и, наверное, глуповато улыбаюсь.

– Вам привет от Катерины Ма... Фоминишны. – Да-а... В который раз убеждаюсь, красота – страшная сила. Охранник тут же хекает и затыкается. Только в глазах вдруг этакая мечтательность проскользнула. Понимающе глянув на моего визави, вздыхаю и, чтобы вернуть охранника из горних высей, куда он, кажется, успел воспарить, нарочито громко откашливаюсь и протягиваю ему бланк разрешения. Тот на автомате берет листок и, глянув на него абсолютно невидящим взглядом, бездумно кивает... А нет, кажется, зафурычил.

– Сорок шестой... Это вон там. Видишь, комаровский «вездеход», здоровый такой, черный, сразу за ним и будет сорок шестая площадка.

Я откуда знаю, какой из них комаровский?! Тем более что на стоянке больше половины джипов, и все здоровые и черные... Хм.

– Не туда смотришь, левее, – комментирует охранник. Послушно скольжу взглядом в указанную сторону и... беру свои слова обратно. Джипы, или как их здесь принято именовать, «вездеходы», вообще агрегаты немаленькие... но ЭТО! Нет, не лимузин, скорее, горилла. Эдакий одиннадцатиместный монстр, сверкающий черной полировкой и хромом, с огромной хромированной же «люстрой» на крыше и чуть меньшей на таком же блестящем переднем «кенгурятнике». Апофеоз маразма... На фоне сего шедевра польского автопрома мой «Лисенок» будет смотреться как детский трехколесный велосипед рядом с «жуком».

– Вот это комплексы... – не удержавшись, бормочу себе под нос, и услышавший меня охранник согласно кивает.

– Не без того... но тут вообще у многих такие тараканы в головах бегают, что это... – кивок в сторону гигантского джипа, – даже на эксцентричность не тянет. Так что имей в виду.

– Спасибо за предупреждение, – киваю охраннику, и, улыбнувшись друг другу, мы расходимся в разные стороны.

Припарковав на отведенном месте свой мотоцикл и полюбовавшись гротескностью получившейся картинке, отправляюсь на поиски затевающегося представления под названием «линейка». Долго рыскать по расположению не приходится. Из-за здания гимназии доносится эхо чьих-то голосов, и Эфир бурлит от присутствия большого количества стихийников. Значит, мне туда.

И точно. Свернув за угол, обнаруживаю скопление френчей и белых блузок с разноцветными манжетами и воротниками. Народ уже разбился на одноцветные группки, но тяги к построению «во фронт» пока не выказывает. Значит, время еще есть. Прибываю к компании, щеголяющей красными наплечными шнурами, увлеченно флиртующей с будущими одноклассниками... и с невольным недовольством отмечаю, что юбки здесь не в почете. За редким исключением, дамы предпочитают строгие брюки. А ведь на дворе почти лето... эх. Хотя-а... Поглядев на будущих одноклассниц и учениц старших классов, прихожу к выводу, что сравнения с Катериной Ма... да что такое, а?! Фо-ми-ни-шной, вот. Так вот, конкуренции с госпожой Нелидовой ученицам гимназии не выдержать... Разве что пара-тройка выпускниц еще как-то где-то... остальные же пока не доросли. Впрочем, полагаю, это временно...

За проведением сего анализа я и не заметил, как толпа вдруг взбурлила, и очнулся лишь в тот момент, когда один из будущих одноклассников предупреждающе толкнул меня в бок. Выстроившись в подобие строя, внимаем директору, радостно объявляющему о наступлении нового учебного года. Началось.

Класс, с которым я вынужден буду провести следующие три года, если, конечно, меня раньше из гимназии не выпрут, оказался невелик. Всего шестнадцать человек, при полном гендерном равновесии. Я было подумал, что это школьная традиция, но нет, в остальных классах такого равенства вроде бы нет. Значит, случайность.

Все мы новички в этой гимназии, и среди учеников нашей параллели оказалось не так уж много знакомых между собой. Чаще всего это были либо соседи по кварталу, так сказать, либо отпрыски боярских детей одного рода. И, к моему удивлению, в гимназии, оказывается, учатся не только бояричи и боярышни, но и некровные представители именитых родов. Претензия на демократию, очевидно... Хм.

Наш первый «Б» оказался сборной солянкой. Да, здесь были и именитые, но без свиты, и отпрыски боярских детей, но опять же без своих покровителей. Выяснилось это на первом же уроке, после проведенной классным руководителем переключки. Собственно, уроком это назвать можно было только номинально, поскольку все время, от звонка до звонка, господин Расторгуев Иван Силыч – наш классный «папа» – посвятил знакомству учеников опекаемого им первого «Б» и пространному монологу о гимназии, в которой мы теперь учимся... Кстати, деление классов на первые, вторые и третьи здесь оказалось не в ходу. Иными словами, в гимназии предпочитали именовать классы младшими, старшими и выпускными. Вот так, пришел в первый класс, а оказался в младшей группе, ха... Хорошо еще, что не в яслях.

– Кирилл! Гро... Николаев! – Возникший передо мной наследник Бестужевых хлопнул ладонью по лежащей на краю парты тетради, чем заставил меня все же отодрать голову от прохладной деревянной поверхности этого эрзац-стола. Открыв глаза, сонно смотрю на невысокого белобрысого паренька, хмуящего выгоревшие за лето брови. А на его подвижное лицо явно так и лезет ехидная ухмылка...

– Оставь меня, белокурая бестия...

– Ч-чего-о? – не въехал Бестужев. Тяжело вздыхая и, вытряхнув из головы остатки одолевшей меня на большой перемене дремоты, откидываюсь на жесткую спинку стула.

– Забей. Чего надо?

– Ничего особенного, – хмыкает парень. – Скоро звонок, а ты храпишь...

– О. Спасибо, что разбудил, Леонид Валентиныч.

– Не за что, Кирилл Николаич, – ухмыльнулся Бестужев. – Кстати, ты проспал выборы старосты.

– И? К кому теперь идти со всеми горестями и бедами? – Я вздернул бровь, но, увидев, что Бестужев меня не понимает, перефразировал вопрос: – Другими словами, кто этот несчастный?

– ...

– Издеваешься? – осведомился я в ответ на многозначительное молчание Леонида. – С какого перепо... то есть перепугу?! А меня вы спросили?

– Зачем? – пожал плечами Бестужев, не прекращая ухмыляться. – Ты так сладко спал, что мы решили тебя не беспокоить. В общем, держи кристалл. Это тебе «классный» оставил. И занимай трон.

Поспал на большой перемене, называется... Я обвел хмурым взглядом наблюдавших за нашей беседой одноклассников, но те старательно делали невозмутимые лица – вроде как они здесь не при делах. Разве что пара девчонок нет-нет да стреляла глазками в мою сторону и о чем-то хихикала между собой. И это тоже не добавляло мне хорошего настроения.

– Ла-адно... попрыгаем. – Я прищурился и ткнул в Леонида указательным пальцем. – Но потом – чур, не жаловаться. Будете пиццать, но бежать.

– В смысле? – напрягся Бестужев.

– В смысле, вы сами это выбрали. – Я растянул губы в широкой ухмылке и чуть ли не кожей ощутил, как в классе содрогнулся Эфир.

– Мне кажется, или это действительно прозвучало угрожающе? – отходя в сторонку, пробормотал Леонид под скрестившимися на нем взглядами учеников. Поиск крайнего можно считать законченным. Ну и плевать. Не до него сейчас. Кристалл утонул в гнезде, и я, не обращая никакого внимания на сгустившуюся в помещении тишину, принялся сливать инфу на свой новый браслет.

Звонок прервал чтение «памятки старосты» на самом интересном месте... Нет, я не из тех, кто наслаждается чтением параграфов и подпунктов, просто эта информация была необходима для объяснения всей глубины допущенной моими одноклассниками ошибки, и тут такой облом... В прямом смысле этого слова!

Вошедший в кабинет дядька отличался габаритами матерого медведя... а уж пенсне на его украшенной окладистой бородой физиономии выглядело и вовсе комично. И это наш «математик»? Да он же рывкнет – полкласса сдует!

Ненавижу алгебру. Знаю, помню и от этого ненавижу ее еще больше... Вздохнув, вслушался в рокочущий голос учителя и, поняв, что еще немного – и сдохну от тоски, вернулся к чтению памятки старосты.

К последнему уроку план был готов, и, едва учитель покинул класс, я потребовал внимания.

– Итак, господа одноклассники, раз уж вы повесили на меня обязанности старосты, получите. В соответствии с правилами гимназии я, как староста, должен следить за успеваемостью в классе, морально влиять на ленивых и помогать отстающим. Во исполнение этой обязанности объявляю: отныне каждый из вас утром, перед началом занятий, будет сбрасывать мне на браслет информацию о выполненной домашней работе. Специально замечу: не сами работы, а только сведения об их готовности.

– Зачем? – Бестужев и здесь оказался самым шустрым.

– А я эти данные буду учителям предоставлять, чтобы они не тратили драгоценное учебное время, поднимая тех, кто будет по-коровьи мычать, вместо того чтобы продемонстрировать выполненную работу. Какие оценки ждут забивших на «домашку», ясно? – Я улыбнулся. Леонид дернулся.

– Своих подставляешь... Кирилл, – пропела сидящая за первой партой девчонка, отвлекаясь от доводки ногтей пилочкой. Эдакое брюнетистое чудо с большими наивными глазами... Верю-верю.

– Ну, начнем с того, что степень моего «свойства», так сказать, вы замечательно и очень наглядно показали на большой перемене, – вздохнув, я выжидающе уставился на Бестужева.

– Хм, Кирилл... может быть, договоримся? – оправдал мои ожидания «белокурая бестия». И куда только подевалась его хитрая ухмылочка?

– Я открыт для диалога, – развести руками и улыбнуться. Улыбнуться, а не оскалиться, я сказал!

– Замечательно. Для начала позволь объясниться. Я согласен, наш класс поступил опрометчиво, исключив тебя из процесса обсуждения кандидатур на должность старосты, – начал витийствовать Леонид, поддерживая славу Бестужевых как прирожденных дипломатов. – Но поверь, в этом не было злого умысла. Скорее, просто неудачная шутка.

– Хм... То есть это не было подставой? – уточнил я.

– Что ты, конечно, нет. Правда? – повернувшись к классу, повысил голос «переговорщик», и четырнадцать человек поддержали его согласным гулом и кивками. Какие умные дети... Мигом все осознали.

– Что ж, тогда я, наверное, должен извиниться за свою резкость...

– Нет-нет, Кирилл, ты был в своем праве, шутка и впрямь получилась... невеселой, – тут же ответил реверансом на реверанс Леонид. – Это нам впору извиняться. Мы бы могли провести новое голосование, но, к сожалению, учебная часть уже уведомлена о назначении старосты, и столь скорая замена...

– ...Негативно скажется на репутации всего класса. Согласен. Переигрывать поздно. Что ж, тогда закончим расшаркивания и перейдем к конструктиву. Чтобы не ставить класс в неудобное положение перед учителями, я согласен исполнять обязанности старосты до конца триместра, при условии должной поддержки с вашей стороны.

Облегченный вздох... и острый, явно ожидающий неприятностей взгляд Леонида стали мне ответом. Правильно ждешь, белобрысый. Уверен, идея с моим назначением – твоих шаловливых ручек дело.

– Но?... – не выдержал Бестужев.

– Но поддержка должна быть действительной, а не номинальной. Староста ведь не просто так мешает жить. С него, то есть теперь уже с меня, за отсутствие результатов учителя будут стружку снимать. Отсюда вывод: меньше дергают меня – меньше достается вам.

– Что ты предлагаешь? – Брюнетистому «чуду», внимательно слушавшему наш с Бестужевым диалог, явно надоело ходить вокруг да около. Да и остальные ученики уже начали ерзать.

– Две вещи. Первое: вы выбираете мне заместителя, который помимо того, что снимет часть нагрузки, в следующем триместре сменит меня, например, Леонид замечательно подойдет. Второе: для демонстрации учителям нашей активной позиции каждый ученик в классе должен выбрать себе факультатив.

– Че-эго? – Не знаю кто сказал, но человек этот явно выразил общую мысль всего класса.

– Да что хотите. Хоть модели кораблей клеите, хоть на пальцах вышивайте, хоть личную жизнь древних поэтов исследуйте. Главное, чтобы у каждого нашлось дело и учителя не трепали мне нервы внеклассными занятиями. Или вы хотите, чтобы нас дергали на все школьные

мероприятия? Лично мне совсем не улыбается мотаться после уроков по городу, изображая массовку при театральной студии.

Надо ли говорить, что в обмен на отмену «засады» с домашними работами класс в едином порыве принял оба моих предложения, невзирая на протесты нашего «дипломата»? Проголосовали, что называется, одним пакетом... А уж какими глазами смотрел на происходящее сам Бестужев... Ха, amator!

Глава 2. Не ошибается только тот, кто ничего не делает

Пока я шел к выходу из школы, успел немного успокоиться. Да, выходка одноклассников меня не порадовала, равно как и полученный статус. А уж Бестужев, хорек пронирыливый, так и вовсе вызвал серьезное желание пересчитать ему ребра. Но больше всего бесила не столько сама подстава, сколько время, которого потребует от меня новая должность. Время, которое я мог бы потратить с куда бóльшим толком... Ну, Бестужев...

Я вздохнул и взялся за дверную ручку. Открыв дверь, уже было шагнул за порог школы, как со спины пахнуло опасностью. Ускорение, рывок в сторону – и пролетевший мимо воздушный удар ушел в распахнутую дверь. Хорошо, что за ней никого не было. Интересно! У кого мозгов хватило стихийными техниками тут разбрасываться?! Да еще и без предупреждения? Кто этот мечтающий о смене школы идиот?

Не выходя из разгона, оборачиваюсь и, поймав волну раздраженного недоумения пополам с яростью, аккуратно подхватываю своего новоявленного помощника. Зафиксировав Бестужева, замедляюсь и, улыбнувшись дернувшемуся от неожиданности и боли в заломленной кисти руки пареньку, уверенно выволакиваю его на улицу. Со стороны это почти незаметно, но Бестужев даже дернуться толком не может. А потому ему не остается ничего иного, как шипеть от ярости и боли, но ковылять рядом.

Завернув за угол, подальше от любопытных глаз расходящихся по домам школьников, отпускаю руку новоявленного заместителя старосты и, не дав даже вздохнуть, вцепляюсь пальцами ему в ключицу.

– И что это было, господин Бестужев? Вам жить надоело?

– Ы-ы... – Мой противник бледен, а на ресницах уже блещут слезы. Да, больно... А на какое еще обращение может рассчитывать нападающий со спины придурок? – О-отпусти.

– Чтобы ты снова попытался всадить мне что-нибудь убойное в затылок? – усмехаюсь, но, заметив «поплывший» взгляд Леонида, все же расслабляю пальцы. Болевой шок мне здесь совсем ни к чему. – Итак. Я внимательно тебя слушаю. – Молчит, собака. Трет плечо и молчит...

– Так, понятно. Обиделся маленький, что кто-то его игру испортил, да? Не дали самоутвердиться за счет одноклассника?

– Да что ты понимаешь! – вскинулся Бестужев, слышав презрительные нотки в моих словах. – В классе половина боярских детей без покровителей... А ты со своими выходками... Ста-ароста.

– Твою дивизию, и из-за такой хрени ты меня едва в больницу не отправил? Дебил! – Я чуть не сплюнул с досады. – Сила в заднице заиграла, решил меня уронить, чтобы авторитет свой поднять? Так ты, придурок, его сейчас вообще в унитаз спустил. А если я сейчас запись в администрацию скину?

Бестужев вдруг резко побледнел и охнул. Скорость, с которой его ярость уступила место пониманию, меня удивила. Очень. Не человек, а калейдоскоп какой-то!

– Опять не подумал. Опять! – пробормотал он и с каким-то остервенением сам себе заехал кулаком в лоб. Потом поднял на меня взгляд и заговорил уже совсем другим тоном: – Кирилл, извини. У меня... я... в общем, меня там за эту шутку дурацкую чуть не разорвали...

Вот я и взбеленился. Спускаюсь по лестнице, а там ты... вышагиваешь. Вот я и... не подумал, в общем. – К концу своей речи Бестужев совершенно смутился и закончил говорить чуть ли не шепотом. Искренне смутился, уж я-то чувствую! Да, черт, ему же стыдно! Ребенок, итить коромысло... Четырнадцать лет, сквозняк от задницы до ушей...

Мне стало не по себе. Посмотрел на кривящегося от боли паренька и, вздохнув, ткнул его в пару точек, снимая последствия своего захвата. Лицо Бестужева тут же разгладилось, и он удивленно охнул.

– Прошло...

– Ясен пень. Готов слушать? – хмуро спросил я. Леонид кивнул. – Тогда так. На нападение я глаза закрою. Один раз. Попробуешь повторить – так легко не отделаешься.

– Понял... – тихо вздохнул Бестужев.

– Дальше. Пахать, господин заместитель, будешь – что тот конь в страду. Возражения?

– Нет, – Леонид испустил вздох еще печальней предыдущего. – Я и так увиливать не собирался.

– Еще лучше. Так, глядишь, и вытащишь себя из той... лужи, в которую сел. Если потрудишься на совесть, глядишь, одноклассники сами за тобой пойдут. Тем более что тут я тебе не конкурент, мне до этих ваших боярских заморочек и игрищ с будущими вассалами дела нет – от слова «совсем». Неинтересно. Говорю один раз и больше повторять не буду. Усек?

– Да, – кивнул Бестужев и вдруг плеснул любопытством. – Значит, это правда?

– Что? – не понял я.

– Ну, что ты изгнанный? – замявшись, проговорил Лёня.

Не понял.

* * *

Сидя на заднем сиденье отцовского «вездехода», Леонид вспоминал события первого дня в гимназии и озадаченно хмурился. По недолгом размышлении Бестужев-младший понял, что вел себя как... как ребенок, и осознание этого факта больно ударило по самолюбию наследника рода.

Да, его попытка вырваться в первый же день в лидеры класса оказалась неудачной... да что там, провальной! Ну что стоило подумать о последствиях заранее? В смысле, прежде чем назначить Гро... Николаева козлом отпущения? А все эта неосторожность и бездумность, в которой его так часто упрекает отец. Сначала думай, потом делай, так он говорит. Но у Леонида это получается не всегда... И результаты обычно бывают соответствующими. Вот как сегодня, например. Хорошо еще, что Кирилл оказался не такой уж сволочью... по крайней мере, дальше угроз дело не пошло... Тут Леонид с ужасом представил, в какой кошмар превратили бы одноклассники его жизнь, если бы обманом назначенный на должность старосты «изгнанник» воплотил свою угрозу по поводу проверки домашних заданий... Стоп-стоп-стоп! Слух об изгнании Громова-Николаева – ложь, и Кирилл легко это доказал. Аргумент был прост как две копейки и абсолютно неотразим. Леонид мысленно поблагодарил отца за вбитую в сына привычку писать все, вся и всегда и включил запись разговора с одноклассником во дворе.

– Кто тебе сказал эту чушь? – Недоумение в голосе Кирилла было абсолютно неподдельным, уж тут Леонид был уверен. Недаром тренировался с утра до вечера в Эфире. Отец говорил, что с его умениями он даже начинающего гридня «прочесть» сможет. И у Леонида не было оснований сомневаться в этих словах. Старший Бестужев всегда был весьма скуп на похвалы...

– Э-э... да так, слышал от кого-то на большой перемене, – заметив, как он суетливо выглядит, вот так вот пожимая плечами, Бестужев недовольно скривился. Несolidно.

– М-да... – Громов-Николаев от удивления даже не обиделся на «изгнанника», но после недолгого молчания все-таки решил объяснить, выдав тот самый аргумент. – Ты головой-то

подумай, Леонид. Совет попечителей гимназии состоит из бояр. И что, они позволят принять сюда изгнанного?

– О-о... О-оо! – До Бестужева дошел весь идиотизм такого предположения, и он хлопнул себя ладонью по лбу. И почти тут же задумчиво проговорил: – Хм... Кирилл, но если все так, то у тебя проблемы. На пустом месте такие слухи не появляются и без последствий не обходятся. Я это точно знаю...

Хм. А эту информацию можно было бы и придержать... Тут Бестужев остановил запись и задумался. А действительно, стоило сообщать однокласснику свои выводы?

Взвесив все «за» и «против», наследник Бестужевых все-таки пришел к выводу, что поступил правильно. Может быть, сохранение этой информации при себе и способно было принести в дальнейшем какие-то дивиденды, но... отец, помимо прочего, учил его такой вещи, как умение быть благодарным и правильно эту самую благодарность выражать. И предложение Николаеву своих выводов в данном случае он мог считать вполне адекватным ответом на действия Кирилла. В конце концов, тот совсем не обязан был спасать и без того подмоченную давешней шуткой репутацию Леонида. Да и в том, что Николаев вполне мог устроить показательную порку в фойе гимназии, вместо того чтобы разобраться с нападавшим в приватном порядке, Леонид не сомневался. Равно как и в том, что после такого завершения учебного дня ему не осталось бы ничего иного, кроме как уведомить отца о своем переходе в другую школу. В общем, легко отделался... Бестужев-младший побарабанил пальцами по украшенному вставками карельской березы подлокотнику и снял запись с паузы.

– Может, ты и прав, Леня. Спорить не буду... – протянул одноклассник в ответ на заключение Бестужева. – Но пока это только твое предположение. Будут доказательства – стану копать. А сейчас... не хочу разбрасываться. У нас теперь и без слухов дел невпроворот.

– Ты про обязанности старосты?

– И его заместителя. Кстати, вот тебе первое задание. Пока ребята будут ломать головы над факультативами, поговори с ними. Кто чем увлекается, кому что нравится... глядишь, и поможешь определиться с внеклассной работой. Опять же... авторитет свой многострадальный слегка поправишь...

Бестужев покивал, одновременно с собой же на записи. Но когда его видеодвойник открыл рот, чтобы задать собеседнику какой-то вопрос, тот вдруг скривился и, извинившись, активировал один из двух своих браслетов. На этом, собственно, их беседа и закончилась. Леонид не стал дожидаться, пока Кирилл договорит со своим абонентом, кивнул, молча прощаясь и получив такой же кивок в ответ, устремился к уже ожидающему его у ворот отцовскому «вездеходу», на ходу отключив запись разговора.

Бестужев несколько секунд бездумно смотрел на пиктограмму свернувшейся записи, после чего вздохнул и, отключив экран, вновь сосредоточенно забарабанил пальцами по подлокотнику.

Действительно никто не примет в эту гимназию отщепенца. И отец не мог этого не знать. Но тогда возникает другой вопрос: зачем он предоставил Леониду заведомо ложную информацию? И откуда эти слухи в школе... Впрочем, второе пока можно отставить. А вот первый вопрос...

Леонид тихо застонал. Наверняка это был еще один из «неожиданных» экзаменов отца. Очередная проверка на сообразительность, которую Бестужев-младший феерично, с грохотом и помпой провалил! Замечательный день, просто великолепный...

Ученик младшего «Б» класса Высшей гимназии имени святого равноапостольного князя Владимира Леонид Валентинович Бестужев уставился невидящим взором в спинку сиденья водителя, но уже через несколько минут встрепенулся. Он просто не умел подолгу пребывать в одном и том же состоянии. Вот и сейчас меланхолия, вызванная ожиданием выговора от отца, сменилась деловитостью, с которой Леонид принялся систематизировать все происшедшее за

день, старательно выискивая все ошибки, свои и окружающих. От нудной отцовской лекции это его, конечно, не избавит, но если Леонид сам перечислит все свои косяки, батюшка вполне может сменить гнев на милость и обойтись без наказания нерадивого чада... Ну а нравоучения – дело привычное. Выдюжит.

* * *

Я хотел было толкнуть Леониду еще пару идей-заданий для наших одноклассников, но в этот момент мой старый браслет дал о себе знать.

– Кирилл, ты где? – Мила или Лина? Хм... Вот ведь как интересно получается – когда я их вижу вдвоем, отличить одну близняшку от другой не составляет никаких проблем, а вот когда передо мной лишь одна из них, определить, которая именно, дело совсем не простое.

– Тебя здороваться не учили? – Отвечаю на молчаливое прощание Бестужева, и тот, махнув рукой, тактично сваливает.

– Да-да. Привет, – нарочито активно машет рукой кузина на маленьком экране. – Так где ты есть? Занятия окончены, и кто-то обещал нам сегодня первую тренировку!

– Ну, раз обещал... Буду дома через четверть часа. Подъезжайте.

– Будем с нетерпением ждать тебя на конюшне, – фыркнуло изображение и погасло. Вежливые у меня кузины, что тут скажешь. Особенно Лина.

Хмыкнув, я сменил френч на куртку и, подхватив вытащенный из рюкзака шлем, отправился на стоянку за своим «Лисенком».

Промчавшись по боярскому городку, я вылетел на Стромьинский тракт и, прибавив ходу, повел «Лисенка» в сторону Каланчовой площади. Не доезжая Алексеевских рядов, свернул к Полевым переулком и уже через три минуты въехал на «свою» просеку. Затормозив у распахнутых ворот, я снял шлем и хмыкнул, глядя на маячащую в проеме обширную задницу очередного черного «вездехода», блистающую хромированным бампером. Номер, прячущийся от этого блеска в тени специальной ниши, явственно намекал на принадлежность рыдвана громовскому гаражу. Кто бы сомневался...

Вдоволь налюбовавшись почти закупорившим въезд автомобилем, я чуть поддал газу и, вильнув, четко вписался между вездеходом и воротным столбом. Ну, а что крыло этому мастодонту поцарапал, так это, право же, такие мелочи. Пусть даже водителю так и не кажется. Ишь, как зыркает... Ну, так думать надо было, прежде чем идти на поводу у близняшек и ставить машину так, как они говорят. Только вежливость осветит гостю путь к сердцам хозяев... Ха.

Честно говоря, я бы ничуть не удивился, если бы по приезде обнаружил сестер, всюю шарящих по моему дому, невзирая на отсутствие у них ключей. Но нет. Загнав «Лисенка» во двор, я увидел кузин, сидящих эдаким куцом, как заячий хвост, рядом на ступеньках маленького крыльца у дверей в сени. При моем приближении эти наряженные в шортики и маечки юные особи подскочили словно ошпаренные...

– Рядовой Громова прибыла для прохождения службы, – одинаково выгнув грудь колесом, в один голос заявили близняшки. Ха, зря стараются. После видов декольте Катерины М-Фоминишны... м-м, в общем, у них нет шансов. Ни одного...

– Прибыла, значит... Хорошо, – протянул я. – Тогда слушай первый приказ, рядовой Громова. Пятнадцать кругов вокруг расположения. Бегом марш!

И, не дожидаясь их реакции, шагнул на крыльцо. Отперев дверь сеней, я хотел было уже двинуться в дом, но раздавшийся из-за спины голос заставил развернуться.

– Зачем? – это Лина, вон как пыхтит.

– Рядовой Громова! Что за вопросы-на?! Команды говорить не было! Три наряда вне очереди. Вперед, к здоровью, бегом марш. Двадцать кругов.

– Кирилл! – чуть ли не зарычала Лина. Ах, так? Пробежать каких-то четыре километра влом?

– Не хотите по-хорошему – будем по-плохому. – Я пожал плечами и повернулся к охраннику, игравшему роль водителя: – Подавители где?

Через секунду больше похожие на обычные спортивные «напульсники» хитрые артефакты защелкнулись на правых запястьях сестренки. Отбиваться они не стали. В условиях договора такие ограничители были прописаны, так что дело ограничилось недовольным фырканьем и моим выразительным стуком по мигающей руне фиксатора на браслете. Запись занятий, по тому же договору, я должен отправлять на почтовый ящик деда. Не знаю уж, что он там хотел увидеть, но, как оказалось, в качестве стимулирующего воздействия на строптивых красавиц такое напоминание тоже годится.

Убедившись, что ограничители действуют, я удовлетворенно кивнул и ткнул пальцем в сторону ворот.

– Уже двадцать пять кругов, – уточнил. Сестры смирили меня недовольными взглядами, но все же поплелись на выход. Ну уж нет, так дело не пойдет. Мне здесь черепахи не нужны!

Сформированные мною вращающиеся «воздушные диски» ткнулись плоскостями в ягодицы сестер, и те, взвизгнув и опалив меня горящими жадой убийства взглядами, помчались во всю прыть. А куда им было деваться? Подавители не дают воспользоваться стихийными техниками, снять их раньше чем через два часа смогу только я. Отбиваться же от воздушных «обжигалок» эфирными техниками... так у барышень таковых в арсенале нет... В общем, пуцай полетают...

Спустя двадцать пять минут кухни пробежали свою честно заработанную «пятерку» и ввалились во двор. Походили, отдышались... Вот вроде бы и злости в глазах поубавилось, да... Правда, вместо нее там появилось что-то другое. И сверлят меня взглядами, и сверлят... Хм.

Внимательно осмотрев себя, я наткнулся взглядом на надкушенный многослойный бутерброд в руке, вооружившись которым я и следил за бегуньями, удобно устроившись на крыше дома. А! Так они голодные! Ну, это мы поправим.

– Рядовой Громова, слушай мою команду, – спрыгивая с крыши, улыбнулся я чуть запыхавшимся сестрам. – В наряд по кухне заступить!

– Че-эго? – опешили сестры.

– Не «че-эго», а «есть заступить», – воздев указательный палец в небо, поправил их и вздохнул, увидев абсолютное непонимание во взорах. Пришлось пояснить: – Жрать хотите?

Сдвоенный кивок в ответ.

– Ну, так вперед, на кухню. Холодильник и плита в вашем распоряжении, – я махнул рукой в сторону дома, и сестры сорвались с места. Только пыль столбом. В доме что-то загрохотало, зазвенело, потом хлопнуло, и...

– КИРИЛЛ!!!

– О, да, – я расплылся в довольной улыбке. Ну а что? Зря я, что ли, на рынок ходил? Подмигнув ошалевшему от звукового удара охраннику, я потопал в дом. Миновав сени, прошел в общую комнату и, склонив голову к плечу, довольно хмыкнул. Сестры стояли у распахнутой двери холодильника, всем своим видом изображая вселенскую печаль и обиду на весь мир.

На полке холодильника лежал одинокий пакет с брокколи. Они ненавидят брокколи. Сколько гневных од и уничижительных эвфемизмов высказывали близняшки, когда в имении к обеду подавали сей продукт. Сколько скандалов и сожженных в приступах ненависти скатертей вызвала эта капуста. У-у!

– Сожалею, барышни, но ничего другого у меня для вас нет, – я развел руками, и капелька кетчупа, сорвавшись с моего бутерброда, упала на пол точно между нами. – Кхм.

– А это откуда? – гневно сощурившись, прошипела Лина, кивая на еду в моей руке.

– По дороге купил, – лучезарно улыбнувшись, признался я.
– У-убью-у!!! – Какой дуэт! Какая экспрессия! Ну просто прелесть... А теперь – ходу во двор!

Глава 3. Злой, язвительный и мстительный... одним словом, настоящий учитель

«А я бегу-бегу-бегу по гаревой дорожке...» Хм. Кстати, надо будет озаботиться дорожкой вдоль забора... Все удобнее, чем по кочкам прыгать. Так, а что это мои сестренки отстают? Непорядок.

Оглянувшись на бегущих следом за мной близняшек, машу им рукой. Во-от, другое дело, сразу прыти прибавили. Ну, теперь и я могу чуть-чуть ускориться... Еще кругов пять, и можно приступать к работе...

Бежим-бежим, девочки. Не отставать. Выдавая импульс за импульсом в Эфире, я тащил сестер за собой, словно на буксире. Злость у них давно прошла, и двигались барышни на чистом упрямстве, постепенно уступающем место бездумному автоматизму. То, что надо. Скорость понизе, и начали...

Импульс, еще один, поймать ритм... В такт шагу. Ступня касается земли, импульс в Эфире, ступня, земля, импульс. Удар-импульс... держим темп, держим. Во-от, выравниваем дыхание... еще чуть-чуть. Есть. Все, они в трансе. Получилось. Ура! Ну, и чем я хуже Гаммельнского крысолова? Правильно, я не хуже, я лучше. Тот придурок крыс водил, а за мной вон какие девчонки бегают... Сволочи, правда, но это лечится.

Постепенно, все так же используя эфирные импульсы, замедлил ход до шага и как по ниточке привел сестер во двор. А сколько удивления во взгляде охранника... Ну да, зрелище то еще. Глаза у девчонок закрыты, движения мерные, неестественно согласованные. Пугающая картинка, чего уж тут...

Отмахнувшись от высунувшегося из окна «вездехода» водителя-бодигарда, веду учениц на свой мини-полигон, уже даже не подправляя импульсами скорость и направление движения. Сами за мной идут, словно загипнотизированные. Впрочем, почему «словно»? Это и есть своего рода гипноз. Ну-у, почти...

– Сели, – подкрепляю слова соответствующим старательно контролируемым посылом в Эфире. Усаживаюсь наземь, сложив ноги «по-турецки». Есть контакт. Близняшки садятся на песок, повторяя мои движения. Так, теперь надо заставить их чуть-чуть «всплыть», и можно начинать учебу. Понеслась!

В чем проблема всех стихийников, почему их способность к оперированию Эфиром начинает развиваться по-настоящему, лишь когда они достигают своего «потолка» в управлении родной стихией? Отец Кирилла считал, что ответ на этот вопрос лежит в области чувственного восприятия одаренного. Ведь что такое стихийные техники? Это пропущенная одаренным через себя преобразованная его разумом и волей энергия все того же вездесущего Эфира. И первая сложность при создании эфирных техник возникает у одаренного от того, что его тело и разум, привыкшие преобразовывать энергию Эфира в одну из стихий, пытаются действовать тем же путем, когда это совсем не требуется. А уж когда эта привычка отягощена хоть сколько-то продолжительным доступом к так называемой «наследной» стихии, задача неизменно усложняется. Такая родовая склонность дает одаренному большую легкость в обращении со стихией или определенными техниками, но взамен нарабатывает чуть ли не рефлекторное преобразование Эфира в потоки силы нужной стихийальной направленности... Фух. Спасибо Николаю Георгиевичу за его любовь к долгим объяснениям и наплевательское отношение к возрасту аудитории. Ничуть не сомневаюсь, что больше половины сказанного восьмилетний Кирилл, занимавшийся под присмотром родителя, просто не понимал. Но запомнил... Впро-

чем, есть у меня подозрение, что и лекции свои отец читал сыну именно в расчете на такое вот автоматическое запоминание... Хм.

Вот подчинением тела и возобладанием воли над привычками и рефлексам мы сейчас и занимаемся. Способность к оперированию техниками у сестер перекрыта, но это не значит, что они не могут пропускать Эфир через себя. Я же проконтролирую, чтобы, вбирая энергию, они выплескивали не стихийные потоки, которые будут обязательно сорваны подавителями, а все тот же Эфир. В трансе проделать такой фокус куда проще, чем с ходу добиться осознанного контроля над течением энергии. Отец, помнится, именно так Кирилл и учил, когда ему надоело, что тот вместо ровного потока Эфира выдает то легкие порывы ветра, то облачка пара. И ведь сработало. Разум, привыкший в трансе абстрагироваться от текущей через тело энергии, в конце концов перестал пытаться с ходу преобразовывать ее в стихии. Да и в моих «прежних» воспоминаниях транс был действенной частью обучения новичков, правда, тогда у нас не было таких проблем с неосознанным преобразованием энергии, собственно, как не было и всех этих стихийных заморочек. Но цель обучения была той же: я старался «сроднить» своих учеников с прививаемыми умениями. Так и тут. Надо? Выдал стихийную технику. Нет? И через тело течет ровный поток Эфира. Как-то так.

Два часа спустя вывожу девчонок из транса, и они тут же заваливаются друг на друга. Ну, тут уж ничего странного. Вымотались они сегодня до предела. Ладно, в первый раз всегда трудно. Это я по себе помню, да и кое-кто из моих учеников мог бы подтвердить. Из тех, у кого был дар и кому я достаточно доверял, чтобы обучать «несуществующим штукам» вроде отвода глаз и прочего «мракобесия».

– Пруд за вашими спинами, халаты на веранде. У вас есть четверть часа, чтобы привести себя в порядок. Следующее занятие в понедельник. Всего хорошего. – И, пока близняшки хлопают глазами, я, стараясь держать спину прямо, поднимаюсь с песчаного покрытия площадки и, засунув руки в карманы, чтобы скрыть дрожь, ухожу в дом.

Запершись в доме, я доплелся до ванной, наскоро принял душ и, не обращая никакого внимания на тарабанивших в двери сестер, кое-как перебрался в спальню и, рухнув на постель, с наслаждением зевнув, отрубился. Не только ученикам тяжело дается первый урок.

С другой стороны, спать я лег совершенно довольным. Ощущение любимого дела в руках, казалось, давно и прочно забытое, потерянное навсегда еще Там, вернулось с новой силой, подарив ни с чем не сравнимое чувство правильности... Такого подъема я не испытывал очень давно, фактически с тех самых пор, как меня отправили в отставку, отобрав работу и... пожалуй, самый смысл моей жизни Там.

Проснувшись следующим утром, отдохнувший и довольный жизнью, я принял душ и, с сожалением покосившись на измятые брюки и посеревшую сорочку, которые вчера не успел сменить перед тренировкой, полез в шкаф за чистой одеждой.

Вот, кстати, надо будет присмотреться, насколько жесткие правила в гимназии насчет формы... Черт с ним с френчем и сорочкой, но вместо брюк я бы предпочел джинсы... они все-таки куда удобнее в ежедневной носке, чем этот официоз, да и черт его знает, не придется ли мне повторять вчерашний бег и прочие экзерсисы. Не хотелось бы, чтобы в самый неподходящий момент брюки просто треснули по шву. Приеду в школу – обязательно провентилирую этот вопрос...

Сделав зарубку в памяти и приготовив одежду на выход, я нацепил шорты и, не обуваясь, отправился на свой «полигон». Пропускать утренний комплекс – последнее дело, так что следующие полтора часа у меня ушли на тренировку и медитацию.

В дом я вернулся с разыгравшимся аппетитом. Заглянул в холодильник и, обнаружив в нем все тот же одинокий пакет с брокколи, вспомнив вчерашнее шоу, отправился в чуланчик. Откинув в сторону кучу ветоши, сваленной в дальнем углу этой маленькой комнатки, я хмыкнул. Вовремя. Энергия десятка кристаллов из комплекта, купленного мною недавно в

Алексеевских рядах, за сутки почти иссякла, и запитанный от кварцев воздушный пузырь еле-еле держал нужную температуру. Полюбовавшись на затейливо расписанную морозными узорами полусферу метрового диаметра, чуть искрящую в лучах света, люющегося в распахнутую дверь чулана, я осторожно отключил почти сдохшие кристаллы, и... легко хрустнув, узорчатая полусфера рассыпалась снежинками, чтобы тут же взвиться небольшим искрящимся облаком, тающим, исчезающим прямо на глазах. Красиво.

Вздыхнув, я вернул продукты, спрятанные мною от сестричек, в холодильник и, сварганив себе быстрый завтрак из чая с лимоном и бутербродов с сыром, помчался в школу, радуясь, что сегодня пятница и завтра – выходной.

Школа-школа... «Лисенок» миновал въезд под моментально взлетевшим вверх шлагбаумом. Охранник сегодня был другой, но... вот что пропуск животворящий делает!

Запарковав Рыжего рядом все с тем же гигантским вездеходом, принадлежащим некоему Комарову, я сложил свои мотоциклетные причиндалы в рюкзак и тут же, не сходя с места, облачился в «уставной» френч. Вот теперь я готов к труду и обороне. Где этот булыжник науки, подать сюда, я его грызть буду!

– Кирилл! – Я покрутил головой и, заметив шагающую в мою сторону сестру, демонстративно постучал по браслету... левому. Дескать, время-время, цигель-цигель, ай-лю-лю...

Не, не понимает. Подхватила под руку и повлекла меня, несчастного, в холодные подва... а, собственно, куда это меня так вежливо тащат? И с какого перепугу?

– Стоп, Мила, – влив энергию и «вцепившись» ногами в асфальт, застыл на месте. – Куда ты меня так настойчиво ведешь?

– В класс, – неожиданно зло рявкнула кузина, тряхнув локонами.

– Хм. Понятно. Но... я как бы и сам прекрасно могу дойти. – Пожав плечами, я позволил сестре сдернуть себя с места и, перехватив инициативу, решительно двинулся вперед. – В чем дело, Мила?

– Ну... а как ты догадался, что это я? – невпопад ответила кузина. Это что, она таким образом пытается тему перевести?

– Слишком серьезная. У Линки такого умного выражения лица сроду не было, – вздохнув, пояснил я, не забывая поглядывать по сторонам... и чем больше глядел, тем больше мне не нравилось происходящее. На нас пялились. Не смотрели, нет. Именно пялились, провожая взглядами, пока мы шли через фойе, по коридорам, поднимались по лестницам... И Эфир бурлил эмоциями, разными... но чаще всего проскальзывало удивление, непонимание и... неприязнь. Хм? – Мила... а что здесь происходит?

– Ничего, – сестра отвела взгляд.

– Ну-ну... Ладно, сам разберусь, – пробурчал я.

А когда мы остановились у входа в мой класс, кузина и вовсе вогнала меня в ступор. Отпустив руку, она нервно улыбнулась, «клюнула» в щеку и, растрепав мою и без того пребывающую в хаосе прическу, проворковала что-то по поводу удачного дня и хорошей учебы. После чего развернулась и поплыла куда-то по своим старшекласным делам. И... Что это было?!

Постаравшись сохранить невозмутимое выражение лица, я окинул беглым взглядом заполненный учащимися коридор и, вздохнув себе под нос: «Охренеть, не встать», – направился в класс.

Правда, для этого мне пришлось отодвинуть стоящего в дверном проеме Бестужева.

– Хороший ход, – с самым задумчивым выражением лица проговорил Леонид и, тут же вострепнувшись, кивнул. – Привет, Кирилл.

– Здорово, – я пожал Бестужеву руку и, окинув его настороженным взглядом, спросил: – Тебе что-то известно... об этом?

– Кхм... Скажем так. У меня есть предположения. Но они подождут до большой перемены. А пока взгляни на список факультативов. Я тут пробежался по ребятам, набрал кое-какие варианты, но есть затыки... Что-то не подходит для внеклассной работы, кое-что слишком специфично и не встретит понимания у учителей... В общем, глянь. Может, что присоветуешь?

Ой, ма-ать! Посадил себе на шею «энтузиаста»...

* * *

Мила, шатаясь, подхватила падающую от усталости сестру под руку и, стараясь не обращать внимания на шум в голове, двинулась в указанную этим... чудовищем сторону. Шум в голове? А, это Линка что-то бормочет... Мила попыталась прислушаться, но мозг совершенно отказывался расшифровывать издаваемые ею звуки.

Добравшись до пруда, сестры кое-как стянули с себя запыленную, покрытую грязными разводами одежду и, не сговариваясь, дружно рухнули в теплую воду. Прудик оказался невелик, но на то, чтобы сестры смогли с комфортом устроиться в воде, места хватило.

Постепенно головная боль ушла, а тело перестало стонать от усталости... почти... Мила открыла глаза и тут же зажмурилась от полоснувшего по ним солнечного луча.

– О, проснулась! – Слабым, но уверенным тоном проговорила Линка и окатила сестру водой. – Выбирайся давай, пойдем этого... гипнотизера хренова пинать.

– Пинать? – вновь открывая глаза, отозвалась Мила и, выбравшись на тиковый бортик пруда, не вставая на ноги, окинула сестру изучающим взглядом. – Да, мы его сейчас отпинаем... ты на себя посмотри! Бледная, дрожишь, и... тушь потекла. Чем ты его пинать собралась? Грудью? Так не выйдет. Упругая, пружинить будет.

– Милка, ты чего! – Лина присела на корточки рядом с валяющейся на бортике сестрой и, обеспокоенно заглянув ей в глаза, попыталась пощупать лоб. Схлопотала по рукам и надулась.

– Шестнадцать лет Милка! – нахмурившись, проговорила та, даже не делая попыток подняться на ноги. – А ты дура. Не поняла еще? Это он после медблока с катушек съехал. Не знаю, откуда у него эти умения, но он же сейчас хоть тебя, хоть меня, хоть Лешку на тот свет отправить может. Гипнотизер... представь, что он вот так вот тебя загипнотизирует и под ближайший грузовик шагнуть уговорит или с крыши сигануть...

– Ну уж... это вряд ли, – неуверенно покачала головой Лина. – У меня же голова на плечах имеется.

– Ага. Что же ты тогда за ним как хвостик сегодня бегала? Или понравилось? – фыркнула Мила. – Нет? Ну, так надо было головой воспользоваться и остановиться. Хотела? Не получалось? Вот и у меня то же самое. А ты... пинать.

– Слушай, так, может, это дядькины знания у него... ну...

– Чего «ну»? – кое-как вставая на ноги и накинув на плечи протянутый сестрой халат, проворчала Мила.

– Отец говорил, что дядька Николай в эфирных техниках разбирался не хуже, чем дед в Огне и Тверди. И специализировался на менталистике... Ну, там, внушения, гипноз... – Голос Лины постепенно затих.

– Хочешь сказать, что он своему сыну в голову залез и... вот это вот все заложил? Бред, – помотала головой Мила, но, подумав, хмыкнула. – Хотя... Про дядьку я много всякого слышала.

– Ну да, – обрадовалась Лина. – А еще отец с Саньчем теперь довольные ходят, словно дед обещал еще лет двести прожить и их от дел отстранил.

– А это здесь при чем? – удивилась Мила.

– Так ведь они в таком состоянии пребывают с тех пор...

– Как Кирилл эмансипировался и подписал договор о нашем обучении, – безэмоциональным тоном договорила Мила за сестру. И встрепенулась. – Ой, как мне это не нравится, ой, не нравится... Надо потолковать с... ним.

– С ума сошла? – опешила Лина. – Это же Кирилл!

– Вот именно. Внук главы рода Громовых. Наш брат... двоюродный, но брат! – резко махнула рукой Мила. – И вокруг него идет какая-то нездоровая суета.

– Да какое тебе до этого дело, а?! – взбеленилась Лина. – Пусть он хоть сдохнет, уродец мелкий! Мало тебе сегодняшнего опыта – хочешь, чтобы он и дальше из тебя куклу делал?

– Прав Кирилл. Ты – дура, – выслушав гневную филиппику сестры, заключила Мила. – Скажи мне, Малина Федоровна, чем он отличается от нас? Ну, кроме пола, разумеется. Он такой же внук боярина Громова, как ты и я. Где гарантия, что завтра такая же возня не начнется вокруг нас? Или вокруг Алексея?

– Отец не позволит... – фыркнула Лина.

– И вся разница, – тихо заметила Мила и, задумавшись на секунду, договорила вовсе почти неслышно: – Вот интересно, а если бы дядя Коля был жив, он бы такое позволил?

Они молча переглянулись, но Лина почти тут же отвела взгляд. Мила вздохнула и, не дожидаясь сестры, пошла к дому Кирилла. Да только на стук ей никто не ответил.

– А я Инке в школе намекнула, что Кирилла изгнали, – призналась Лина, когда их машина уже миновала Садовое кольцо...

Мила смерила сестру изумленным взглядом и, хлопнув себя ладонью по лицу, тихо застонала.

* * *

Сопоставляю два момента. А именно – сообщение Бестужева о гуляющих по школе слухах насчет моего изгнания и поведение Милы. Что получается в итоге? Правильно. Кузина пыталась показать всем и вся в гимназии, что слухи беспочвенны. Но есть один нюанс. Где вторая близняшка? Нету? Почему? Вопрос: какая сволочь назвиз... в смысле, насвистела, – больше не стоит. Лина заработала пару-тройку... десятков дополнительных кругов вдоль забора моей маленькой усадьбы и отдых в медблоке.

Я побарабанил пальцами по краю парты, но решил оставить разбирательство до окончания учебного дня. Уроки закончатся – тогда и пойду искать эту... сестренку. А сейчас надо заняться школьными делами. Особенно тем, что успел наворотить этот реактивный Бестужев. Парень так рьяно взялся за восстановление своего реноме, что... в общем, лучше его проконтролировать. Он, конечно, не тот дурак, что лоб в молитве расшибет, но дров наломать может запросто. Уж больно импульсивен...

– Леонид, давай вернемся к нашим баранам. Уточни у ребят, из тех, кто определился с внеклассными занятиями, что им нужно для начала, сколько места займет это «что-то» – и скинь мне результат на браслет. После уроков пойду в администрацию, повоюю жалом насчет помещений. Сделаешь? – Я поднял взгляд на сосредоточенно бьющего по невидимой для меня клавиатуре Бестужева, и тот, на миг оторвавшись от ввода какого-то текста, кивнул, но тут же нахмурился.

– Хорошо, но... А остальные? У нас еще шесть человек не определились.

– Не вопрос, гимназия большая, думаю, и для них место найдется. А сейчас нам нужно просто засветиться. Так даже лучше будет. Одно дело, если мы притащим список сразу на весь класс. Учителя не идиоты, точно насторожатся. И другое дело – если проведем нашу тихую диверсию, так сказать, по частям.

– Не понимаю, чего в этом такого, – пожал плечами Леонид, и шум в классе как-то резко стих. Ушки греют однокашники...

– Ну сам посуди, Лен! Вот организует гимназия выездное мероприятие и в приказном порядке назначает «крайних». Из кого будут выбирать?

– Гхм...

– Именно в первую очередь на карандаш попадут не занятые в общественно-полезной деятельности ученики. А у нас уже все расписано. Кстати, есть в классе любители лицедейства? – Ученики переглянулись, пожимая плечами и качая головами. Разве... а что это наше брюнетистое чудо с большими наивными глазами так зарделось? – Мария свет Анатольевна... Госпожа Вербицкая, вы меня слышите?

– Да, – выпрямив спину и вызывающе глянув на меня, проговорила та. Угадал! Точно, угадал.

– Поздравляю, господа. Отвертеться от участия в устраиваемых гимназией театральных постановках кому-то из нас не удастся, Мария Анатольевна с радостью поможет сему несчастному на пути Мельпомены, дабы не ударил сей сын... или дочь народа своего лицом в...

– Это он сейчас о чем? – вот второй раз слышу этот голос, и опять не успел засечь его владельца.

– Перевожу на русский, – вдруг поднявшись со своего места, звонко заявила Мария. – Если попадетесь под гребенку нашей театральной студии, обращайтесь ко мне. Помогу и научу. Хоть столбами на сцене выглядеть не будете.

– А с чего вообще такое беспокойство о театральной студии? – спросил один из учеников. На экране браслета тут же выскочило короткое сообщение от Леонида: «Осип Резанов, из боярских детей рода Смолиных. Первый из младшего поколения рода учится в нашей гимназии». Понятно.

– Осип, а ты читал информацию о гимназии в паутинке? – оторвав взгляд от экрана, поинтересовался я. Неужели есть кто-то, кто не знает, что в этой школе лицедейство чуть ли не профильный предмет? Да девяносто процентов дипломатов заканчивали именно нашу гимназию!

– Ну...

– Мария Анатольевна, просветите господина Резанова о том, куда именно он пришел учиться!

– С удовольствием, Кирилл Николаевич. – Девушка сверкнула белозубой улыбкой и, повернувшись к Осипу, заговорила вроде бы для него одного, но так, чтобы любой в классе мог слушать... даже не выдавая своего интереса. – Наша гимназия по праву считается одной из лучших в столице...

Глава 4. «Пора-пора-порадуемся на своем веку...»

В связи с моим визитом в администрацию встречу с сестрами пришлось отложить до понедельника. Все равно ведь на тренировку явятся. Правда, не могу сказать, что меня так уж расстроила эта перспектива. Уж очень не хотелось после второй встречи с Катериной Ма... вот же привязалось, а! Фоминишной! – портить себе настроение, проторившее дорожку на новую высоту и уверенно замершее на отметке «превосходно-благодарное». Госпожа Нелидова высоко оценила рвение старосты младшего «Б» класса и снисходительно приняла мое уточнение, что, дескать, без помощи некоего Бестужева мне не удалось бы так быстро определиться с внеклассными занятиями однокашников. Кстати, я не соврал. Меня действительно удивила стремительность, с которой действовал Леонид. Достаточно вспомнить, что половину класса он опросил в короткий промежуток времени между появлением учеников в классе и началом учебного дня. А это меньше часа, между прочим. Только есть одна странность. Если уроки начинаются в девять тридцать, на хрена приезжать в школу в полдевятого? Или я

опять чего-то не понимаю? Надо будет у кого-нибудь спросить... например, у Катерины Фоминышны... м-да.

Шарах. От размышлений о высоком меня отвлек удар в плечо. Потерев пострадавшую часть тела, я вернулся на грешную землю и огляделся. В паре шагов от меня с асфальтового покрытия парковки поднимался высокий парень... из старших классов, судя по «эсэсовскому» сочетанию цветов его френча. А рядышком, но чуть в стороне столпилось человек пять «независимых наблюдателей». Хм... Я что-то пропустил?

– К-куда прешь, босяк? – вызверился на меня старшеклассник. Ну, детский сад... Хм, сад? Я прислушался к своим ощущениям. Э, нет... Вот сестрицы с кузнечиком – действительно ощущались мною как дети, а это... Черт, никогда не мог понять, чем руководствуется мой дар в таких вещах. Но чуйка уверенно сообщала, что передо мной совсем не ребенок.

– К своему мотоциклу, – пожал я плечами, выметая из головы лишние на данный момент мысли. – Учеба закончилась, пора и по домам. А вы?

– Что? – Разрыв шаблона... перезагрузка и возврат к незаконченному алгоритму. Старшеклассник двинулся на меня с явным желанием что-нибудь сломать или вывихнуть. – Да я тебя... нищеброд, босяк, изгой...

Хрясь. Удар в солнечное сплетение остановил словесный понос идиота, а вместе с ним и движение. Парень остановился и, багровея, с выкаченными глазами попытался втянуть в себя хоть капельку воздуха. Склонив голову к плечу, с интересом наблюдаю за этой оригинальной аквариумной рыбкой. Окружающие молчат.

– Повторяетесь, господин невежа. А теперь простите, я тороплюсь. – Обхожу застывшего столбом ученика, но не успеваю сделать и пары шагов, как из-за спины раздается сдавленный голос несостоявшегося агрессора:

– Завтра в два у Егерского пруда, господин торопыга... – Надо же, сколько пафоса-то, а... Обернувшись на голос, согласно киваю. Наблюдатели тут же исчезают.

Следующая встреча состоялась непосредственно у мотоцикла, правда, этот персонаж решил не размениваться на прелюдии.

Рывкнув что-то вроде: «Всякой швали здесь не место», – бугай картинно замахнулся пудовым кулаком... захват, бросок, какой-то подозрительный треск, и мой противник утыкается лбом в асфальт. Больно, да... ну, так я же аккуратно, и вообще... нечего лезть к безобидному младшекласснику. Я нервно хихикнул, но тут же одернул себя. Что здесь творится? Поветрие у них, что ли?

Дурдом какой-то... и этот еще тут, шипит что-то, в землю глядячи... Хм. Теперь понятно, что трещало. Брюки на бугае разошлись по шву... Вот о чем я сегодня утром и говорил. Одно неловкое движение, и... Лучше надо было ателье выбирать, да. Кстати, а первый мой противник, тот, который «невежа», был в джинсах.

Да уж. Я поморщился. Ничего не понимаю. Налетают, кулаками машут... не проще было начать со стихийных техник? Подумал – и еле успел уйти от удара водяной плети, прилетевшего откуда-то из-за спины. Накаркал!

Разгон, разворот, прыжок. Удар в челюсть, и смазливый юноша-старшеклассник в отутюженной «парадке», не успев стереть с лица ухмылку, отправляется в короткий полет, заканчивающийся на капоте чьего-то «вездехода». Перевожу взгляд с выключенного стихийника на поднимающегося бугая, старательно прячущего руки за спиной, и меня накрывает... Да уж, тылом он теперь точно ни к кому не повернется.

Фыркнув, совсем невежливо тычу пальцем в багровеющего от смущения и злости здоровяка.

– Завтра, у Егерского пруда, в три. А этому, – пытаюсь сдержать смех, киваю в сторону распластавшегося на капоте красавчика, – передай, что буду ждать его там же, но в четыре.

Бугай открыл было рот, но я его перебил:

– Только умоляю, ни слова об опозданиях и обрезанных ушах! Моя душа не вынесет такого... такого умиления.

– Ч-чего? – не понял здоровяк, но я уже завел «Лисенка» и рванул прочь со школьной парковки. Пока еще что-нибудь не случилось.

Хм. Тоже мне д'Артаньян нашелся... Впрочем, мои противники на «трех неразлучных» тоже особо не тянут.

По счастью, никаких приключений по дороге не было, и я, не преминув вновь напомнить себе о получении «прав», спокойно добрался до дома и, заварив кофе, устроился на веранде с чашкой и сигаретой, чтобы чуть расслабиться, перед тем как браться за домашние дела. А заодно решил созвониться с Бестужевым, уже не раз удивлявшим меня своей информированностью. Надо же прояснить ситуацию, а то вдруг я ошибся с выводами?

Не ошибся. Уж не знаю, сама Лина придумала затею со слухами или же ей кто-то подсказал, старый такой, с трубкой в зубах и тростью в руке, например... но попытки больно мне напирать вызваны именно пущенным ею слухом. Неужто дедушка решил продемонстрировать, чем чреваты споры с ним? Или Ирина Михайловна подсурошила? Черт его знает. Но тему надо прикрывать. Хорошо еще, что в классе на эти слухи забили. Спасибо Леониду, объяснил одноклассникам всю несостоятельность этих дурацких шепотков...

– Кхм... Кирилл. – Я поднял взгляд на все еще активированный экран. Леонид дождался, пока я отреагирую, и проговорил: – Тут вот какое дело... Вчера я об этом не сказал, нас прервали. Но слух о твоём изгнании первым сообщил мне отец... вечером, накануне начала учебного года.

– Оп-па. А он где это услышал? – неприятно удивился я.

– Хм... – Бестужев демонстративно замолчал, внимательно глядя на меня.

– Ладно-ладно. Достану я тебе это приглашение, – я понимающе вздохнул. – На следующей неделе жди.

Он меня полдня доставал фотографиями военной техники и все вздыхал, что никак не может уговорить родных на поездку в посвященный этим взрослым игрушкам музей. Родичи-де все время отговаривались отсутствием билетов в свободной продаже и необходимостью их предварительного заказа, желательно на группу. Ну откуда мне было знать, что этот самый музей находится под плотной опекой Громовых? Пока дошло, чертов Бестужев мне все нервы вымотал.

– Ага! – Леонид довольно потер руки. – Спасибо, Кирилл!

– Оставь свои восторги и ответь на мой вопрос наконец... – я махнул рукой. Ну, не рассказывать же ему об истинном положении дел и моем искреннем нежелании одалживаться у Громовых. А информация, которую зажал Леня, явно не из общедоступных, иначе бы он и не подумал торговаться. В общем, овчинка стоит выделки, на мой взгляд...

– Да-да. Так вот, шепоток этот мой батюшка услышал на приеме у Томилиных. Тридцатого младшей дочери наследника двенадцать лет исполнилось... Вот они и устроили ей «домашний» выход в свет.

Томилины? Значит, Ирина Михайловна, так? Или все же... Мало, очень мало информации.

– А от кого он это услышал-то?

– Кирилл, ну что ты как маленький, честное слово... – нарочито поморщился Леонид, явно копируя кого-то из взрослых. Впрочем... кого еще он мог копировать, как не обожаемого батюшку. Старший Бестужев для младшего, кажется, бо-ольшой авторитет.

– Не крути, сын дипломата! Отвечай четко, ясно и без кривляний!

– Есть отвечать четко, ясно и без кривляний, – изобразил стойку «смирно» Леонид и неожиданно вздохнул. – Ну, не знаю я, Кирилл. Там же народу было – под полтысячи пригла-

шенных... А учитывая, что такая информация проверяется в Герольдии на раз, никто не стал бы открыто светить свое авторство. Зачем ему... или ей... такой конфуз?

– Поня-атно, – разочарованно протянул я. – Значит, определить, кто именно запустил слух на приеме, не получится.

– Пф, – отмахнулся Бестужев. – Можно подумать, тебе так важно это знать. Среди своих-то, поди, проще болтуна найти. Вон хотя бы тех же кузин... ой.

Тут Леонид словно споткнулся и вдруг стал убийственно серьезным.

– Приношу свои извинения, Кирилл Николаевич, я не должен был позволять себе лезть в дела вашей родни.

– Ты белены объелся? Сойди с трибуны, сын дипломата, – я было отмахнулся, но Бестужев только упрямо покачал головой. Чертовы традиции! Пришлось соответствовать. – Я принимаю ваши извинения, Леонид Валентинович.

– Вот и ладушки, – тут же ухмыльнулся, как ни в чем не бывало, Бестужев. – Так когда, говоришь, билеты будут?

Ну, дите дитем...

Да, беседа с Леонидом оказалась весьма показательным примером отношений в здешнем боярском обществе. Оплатить услугу деньгами – дурной тон, а вот отдариться «борзыми щенками» – совсем другое дело.

Я не стал тянуть время и сразу после обеда стал названивать дядьке. А что? Насколько я знаю, Федор Георгиевич мало того что руководит фактически всей экономической составляющей рода, а это, между прочим, огромный военный концерн, так он еще и фанатик тяжелого вооружения, не меньший, чем Бестужев-младший, и лично курирует дела музея, так что к кому и обращаться за теми самыми «борзыми щенками», как не к нему. Да и к кому еще я мог бы обратиться? К деду, что ли? Ну на фиг. Вот с кем-кем, а с этим монстром я вообще не желаю пересекаться. Пока. К тому же даже если отставить в сторону тот факт, что боярин Громов находится на почетном втором месте в моем «черном списке», просить что-то у этого хапуги – глупость несусветная. Даже такую мелочь. Он же за это идиотское приглашение с меня последние штаны снимет... и я ему еще должен останусь. В общем, не пойдет.

Можно было бы обратиться к Гдовицкому, но... в конечном итоге он сам почти наверняка решит этот вопрос через все того же наследника рода. А я опять же буду должен. Нет, понятно, что долг образуется, как ни крути и к кому ни обратись. Но лучше уж быть чуть-чуть обязанным вполне вменяемому дяде Федору, чем должником начальника службы безопасности. Опять же Гдовицкой состоит на службе у боярина Громова, и мне совсем не климатит перспектива в один прекрасный момент получить от деда напоминание вроде: «А помнишь, Володя тебе помогал... вот и ты теперь НАМ помоги»...

Стоп... Я покрутил так и эдак пришедшую мне в голову мысль и усмехнулся. Почему бы и нет? Я, конечно, не актер больших и малых академических театров, как приснопамятный Жорж Милославский, но с такой ролью должен справиться. А значит, вдох-выдох – и... поехали.

– Добрый день, Федор Георгиевич, – еле успев стереть улыбку с лица, кивнул я появившемуся на экране моего старого браслета наследнику.

– Хм. Ты меня еще господином Громовым назови, – фыркнул тот, откладывая в сторону ручку. Ну да, дед вроде как опять встал в строй и дядька тут же сбежал к любимой работе, с радостным визгом сдав пост главы рода обратно батюшке. Вот и сегодня, судя по размытому фону за спиной, дядька заседает в офисе. – Здравствуй, Кирилл. Поздравляю с новосельем. Видел я запись Владимира Александровича, уютный домик ты себе подобрал... мне понравился. Я прямо так девчонкам и сказал.

– О, благодарю, – кивнул я, мысленно хмыкнув. Намек понятен. Кажется, Ирине Михайловне скоро придется вводить новую статью расходов в домашнюю бухгалтерию и выделять под нее средства из бюджета. Розги-то штука недолговечная...

– Как дела, как гимназия? – поинтересовался Громов.

– Дела, замечательно. С гимназией... – я чуть-чуть запнулся и тут же договорил: – Тоже все в порядке.

– М-да? – недоверчиво хмыкнул мой собеседник. – Точно?

– Точно-точно, – закивал я, но, заметив, как нахмурился дядька, остановился и, вильнув взглядом, нехотя протянул: – Ну-у, есть, конечно, кое-какие шероховатости, но я с ними справлюсь.

– Кирилл, – помолчав, заговорил наследник, проникновенно глядя на меня. – Я понимаю, что ты теперь человек самостоятельный, взрослый и хочешь решать все свои проблемы сам. Это похвально и достойно уважения. Но... не забывай, что помимо знаний и умений, для принятия правильных решений зачастую необходим опыт. И поверь мне, если ты сомневаешься в чем-то или просто не знаешь, как поступить, спросить совета у старших не зазорно. В любом возрасте... Понимаешь?

– М-м, да... – я задумчиво глянул на серьезную физиономию собеседника и кивнул. – Понимаю.

– Хорошо. Расскажешь мне, что у тебя там за «шероховатости» возникли в гимназии?

– Да ничего серьезного. Так, мелочи, – я махнул рукой, очень сильно надеясь, что дядька сейчас не кивнет согласно и не переведет тему на причины моего звонка.

– Кирилл. Дело, конечно, твое, но... Кхм. – Наследник крутанул в пальцах ручку и, недоуменно глянув на нее, вновь отложил в сторону. – Ладно. Не буду влиять. Понимаешь, племянник, твое прежнее обучение на дому и нынешнее в гимназии – вещи очень разные. Учись ты в любой другой школе – и я бы сказал, что это не так уж важно, но... эта гимназия совсем другое дело. Здесь важна не только хорошая успеваемость, но и... общение, так сказать. Отношения между учениками. Большая часть учащихся в будущем неоднократно будет пересекаться друг с другом, по службе или на приемах. И сейчас вы нарабатываете свои будущие связи. Поверь мне, в таких условиях мелочей не бывает.

– Понял. – Я сделал вид, что немного удивлен словам наследника, и, изобразив мучительные раздумья, заговорил: – Наверное, вы правы, дядя Федор. Но, елки-палки, это же действительно сушая ерунда, а не проблема. Я уже даже знаю, как ее решить. Собственно, из-за этого решения и звоню.

– О? – Дядька заметно повеселел. – Ну, тогда не отвертись. Ладно-ладно, не сверкай глазами. Допрашивать я тебя не собираюсь. Просто расскажи в общих чертах, что придумал. Ты, конечно, парень умный, но кому и когда мешал взгляд со стороны? Может, я чего и посоветую, а?

– Эх, – я покачал головой. – Деду бы надо у вас учиться искусству переговоров. Никаких угроз, а все равно все по-своему повернули. Ладно, слушайте.

По мере того как я рассказывал Федору Георгиевичу о бродящих по школе слухах, довольная улыбка на его лице все больше увядала. А к концу моей короткой речи от наследника рода можно было, по-моему, сигареты прикуривать. По крайней мере, листок, лежавший на столе перед ним, обуглился почти что полностью. Да и причина, по которой аквариум у стены стоит пустым, в смысле без каких-либо намеков на обитателей, становится ясной. Судя по тому, как взбурлила в нем вода, любая рыба после очередной вспышки гнева хозяина кабинета рискует стать ухой... Я сделал вид, что ничего не заметил.

– Вот я и подумал: если устроить нашему классу экскурсию по музею военной техники, слухи тут же захлебнутся. Ведь все знают, кому он принадлежит...

– Кхм... интересная затея, – помолчав и немного успокоившись, натянуто улыбнулся Федор Георгиевич. – Думаю, мы решим этот вопрос. В понедельник я свяжусь с гимназией, обговорим условия и время визита. Хорошая идея, Кирилл. Молодец! Только... прими добрый

совет. Утром понедельника поговори на эту тему с кем-нибудь из учителей, а лучше из администрации. На предмет – не станут ли они возражать против такой экскурсии...

– А что, могут? – Я еле удержался от того, чтобы не хлопнуть ресницами. Это точно был бы перебор.

– Могут – не могут... не в том дело. – Мой собеседник окончательно успокоился и откинулся на спинку кресла. – Это усилит эффект твоей затеи. Одно дело, если я сам позвоню с предложением экскурсии. К подобному вниманию со стороны боярских родов, чьи отпрыски учатся в гимназии, там уже привыкли и, скорее, сочли бы странным отсутствие подобной помощи, нежели ее предложение. И совсем другое дело, если заранее станет известно, что поездка в музей – это твоя идея, полностью поддержанная нашим родом. Понимаешь?

– Понимаю... и согласен, – я кивнул.

– Вот о таких моментах я тебе и говорил. Вроде бы мелочи, но из них складывается мнение о человеке. Общественное мнение, Кирилл, изменить которое впоследствии будет ой, как трудно. Поэтому я и прошу тебя: не стесняйся обращаться за советом. Я всегда тебе помогу, – наставительным тоном проговорил наследник и выжидающе посмотрел на меня.

Само собой, всенепременно, дражайший дядюшка.

– Обещаю, дядя Федор. Буду советоваться, – серьезно глядя на собеседника, я вновь кивнул.

– Ну и замечательно. – Дядька улыбнулся, но улыбка почти моментально исчезла. – Хм... слушай, Кирилл, а как сестры отнеслись к этим слухам, не знаешь?

– Знаю, – я хмыкнул. – Милка меня чуть ли не у КПП встретила, так и тащила через полшколы до самого класса, под ручку, словно кавалера по лавкам. Мог бы – сбежал, честное слово. Я еще недоумевал, с чего вдруг такая забота... но когда сам те шепотки услышал, тут же догадался.

– Ну да, не могла же она оставить такие разговоры без внимания, – задумчиво проговорил Федор Георгиевич и тут же встрепенулся. – А Лина что?

– Ничего, – пожал я плечами. – Я ее после тренировки и не видел.

– Понятно, – протянул мой родственник. И прозвучало это довольно угрожающе. Кажется, у кого-то сегодня будут неприятности. Ставим плюстик. Тут Федор Георгиевич вынырнул из своих явно не радужных мыслей и, чуть рассеянно глянув на меня, вздохнул. – Ладно, Кирилл. У тебя есть еще какие-то вопросы или просьбы?

– Нет-нет, – я помотал головой.

– Ну и хорошо. Тогда давай прощаться? А то у меня тут еще дел... – наследник кивнул на солидную пачку бумаг на краю стола.

– О, да. Всего хорошего, дядя Федор. Извините за беспокойство, – кивнул я.

– Ерунда, Кирилл. Я всегда рад тебя видеть. Звони, если что. Удачи. – Экран, потемнев, свернулся, и я, отхлебнув из кружки ароматный кофе, с наслаждением затянулся сигаретой. Выдохнув облачко дыма, поудобнее устроился на лавке и, долив в чашку кофе, насвистывая веселую песенку, принялся набирать номер Леонида. Надо же порадовать заместителя? И кстати, я совсем забыл! Мне же нужен сви... в смысле, секундант на завтрашнем «тройном свидании». В конце концов, я же не д'Артаньян без денег и знакомств. Хм... Интересно, как отнесется Бестужев к перспективе встречи с тремя старшеклассниками, а?

– Ты с ума сошел! – От вопля Леонида, кажется, экран выгнулся. – Конечно, я с тобой! А... с кем драться-то будешь?

– Без понятия, – честно признался я. – Я их именами не интересовался. Как-то не до того было.

– Хм... Ладно, что-нибудь придумаю. У тебя же фиксатор был включен? – нахмурился Леонид.

– В гимназии – постоянно, – кивнул я.

– Уже лучше, – Бестужев воспрянул духом. – Скинешь мне запись? Попробую узнать о них, что возможно.

– Буду благодарен, Леня, – ответил я.

– А то... – Бестужев хмыкнул и договорил: – Но на многое можешь не рассчитывать. Времени немного. Да и не факт еще, что вообще что-то найдется... Все-таки не в архивах Герольдии искать буду.

– Понимаю.

– Вот и замечательно, – Леонид потер руки и вдруг хитро прищурился. – Да, Кирилл. Самое главное-то я спросить забыл. Стволы брать?

Он охренел?

Глава 5. Во имя пафоса

«Нас утро встречает прохладой...» Ага, особенно когда выпрыгиваешь из пруда и тебя тут же прохватывает холодный сентябрьский ветерок. Моментально покрывшись пупырышками, я передернул плечами, с которых тут же во все стороны полетели брызги, и... хлопнув себя ладонью по лбу, одним коротким стихийным импульсом «стряхнул» с тела влагу, после чего запустил вокруг себя теплый поток воздуха. Вот, совсем другое дело!

Довольно хмыкнув, я обзрел свои владения и, пребывая в приподнятом настроении, пошлепал на веранду, где меня, такого предусмотрительного, поджидал сварливо бурлящий, но радостно сияющий надраенными боками самовар, водруженный на него сверху носатый заварочный чайник и накрытая крышкой тарелка с тостами на столе. Чай с лимоном, тосты с сыром и ветчиной... и сваренные «в мешочек» яйца. Еще один идеальный завтрак.

Удобно устроившись на широкой лавке, урча от удовольствия, я с энтузиазмом накинулся на еду, а спустя четверть часа, с недоумением окинув взглядом разоренный стол, вынужден был констатировать, что просчитался. Можно было бы приготовить на парочку тостов больше...

Прикинув, стоит ли добавка того, чтобы вставать с такой удобной лавки и идти в дом возиться со сковородкой, чтобы через пять минут возвращаться обратно с двумя кусочками поджаренного хлеба, плюнул на все и решил следовать мудрости буддийских монахов. Они были уверены, что человек должен вставать из-за стола, будучи чуть голодным, и кто я такой, чтобы с ними спорить?

Ну да, лень. И что? Имею я право расслабиться в выходной день? Особенно учитывая все происшедшее в последнее время? Ведь ни дня покоя! И кто сказал, что каникулы – это время для отдыха? Его бы на мое место, фантазера эдакого. Тьфу.

К небольшой пристани на берегу Егерского пруда я подошел загодя, как мы и договорились с Леонидом. И вовремя.

Стоило деревянному настилу под моими ногами легонько скрипнуть, как на спуске к чаще пруда показался сияющий Бестужев. Глядя, как одноклассник легко сбегает вниз, я невольно и уже не в первый раз задумался о том, не сделал ли ошибки, пригласив Леонида на предстоящую встречу... Не то чтобы я так уж опасался за его безопасность, но, в конце концов, что я знаю о своих противниках? Ну, кроме той довольно скудной, надо признать, информации, что предоставил все тот же Бестужев, получивший запись стычек, сделанную фиксатором моего нового браслета.

С другой стороны, наблюдатель мне действительно нужен. Ведь одно дело запись фиксатора, пусть ее и нельзя подделать, и совершенно другое – свидетельство наследника рода... не верить которому – значит, сомневаться в честности всей фамилии.

Поприветствовав Леонида, довольного, словно обожравшийся сметаны кот, я еще раз пробежался взглядом по составленному им короткому списку моих противников, с неболь-

шими примечаниями. Заметив, что я вожусь с браслетом, Бестужев молча уселся рядом и, кажется, ушел в свои мысли. Надо же, он еще и молчать умеет, оказывается. Это что-то...

Итак, номер первый... начнем с толстяка, пожалуй. Это тот «портос», что налетел на меня уже у мотоцикла. Алексей Стародубов, шестнадцать лет, старший новик, отпрыск боярского сына рода Юсуповых. А Юсуповы – судя по примечанию, это медицина и фармакология. Старшеклассник, член гимназического клуба рукопашников, входит в «свиту» Ильина Ильи Ильича, номера второго в моем списке. Оригинальное ФИО, надо сказать... Так. Ильин... боярич. Единственный сын главы рода Ильиных, здесь все классично. Сельское хозяйство, торговля сельхозпродукцией, мясные производства... А что же сам Илья-«атос»? Тот же возраст, та же ступень. Старшеклассник, заместитель председателя клуба рукопашников нашей гимназии. И третий, как легко понять, «арамис», в миру Григорий Винокуров. Тоже свитский Ильина, второй сын наследника рода... Ну, тут все понятно, обширные владения в Крыму, виноградники и винное производство. Новик? А вот и нет. Вой, ступень получил два месяца назад и почти сразу показал очень неплохие результаты в оперировании стихией Воды. Наследственная склонность? Неясно... нет информации по родовым способностям... И тут два варианта: либо род слишком молод, чтобы иметь развитый наследственный Дар, либо последний выражается не в стихийной направленности, а в определенных «техниках». И это уже хуже. Бывали случаи, когда вои очень неприятно удивляли своих куда более опытных и сильных противников такими вот козырями из рукава... Надо будет присмотреться к господину Винокурову... Аккуратность и осторожность прежде всего. Иначе есть вероятность, что меня унесут отсюда в спичечном коробке... Не лучшая перспектива. Учту.

Так, что еще? Ого, а Гриша-то, оказывается, член философского кружка гимназии. Ну точно, смазливый богослов Арамис... Все. М-да. Негусто. С другой стороны, Леонид сумел отыскать эту информацию всего за полдня, вне школы и... на второй день учебы. Впечатляет, знаете ли... Да, пусть большую часть сведений он узнал, просто воспользовавшись базой отца, как он сам признался, но это не отменяет самого факта...

Бестужев заерзал. Ему явно надоело сидеть молча, но не успел он открыть рот, чтобы опять утопить меня в очередном потоке информации, как над спуском показались массивные «морды» сразу трех машин. Опять вездеходы, опять черные... они что, других цветов не знают?

Пока я задавался этим вопросом, автомобили заглушили двигатели. Следом захлопали двери, и к пруду потянулась длинная цепочка людей.

Свернув экран браслета, я с интересом уставился на шагающих друг за другом гостей...

– Хм. У меня что-то со зрением, или я разучился считать? – пробормотал сидящий рядом Леонид. – По-моему, их здесь несколько больше, чем должно быть.

– Согласен, – кивнул я. – С другой стороны, они же, скорее всего, приехали не дуэли дуэлировать, а поставить на место какого-то изгоя... Так что вполне могли решить попросту отпихнуть меня, а не устраивать поединка с «недостойным»...

– Хм... Если так, то они совершили очень большую ошибку, – покачав головой, медленно проговорил Леонид.

Визитеры тем временем уже преодолели большую часть пути... Охрана. Интересно, «господа мушкетеры» кого-то испугались, что притащили с собой аж по два чернопиджачных бодигарда на брата?

Ну вот, весь ход пьесы порушили. Как теперь быть с текстом? Что делать с беседой о причинах дуэли... Вот обломы. Они же должны были по одному появляться. Нет, это явно не мушкетеры. Судя по количеству, это гвардейцы кардинала... Придется менять всю сцену.

Леонид как-то странно покосился в мою сторону, и я поймал себя на том, что весело улыбаюсь. Ну да, как-то не к месту, согласен...

– Надо было назначить встречу на школьном полигоне, – явно решив забить на мое неадекватное поведение, проговорил Леонид.

– А смысл? – я хмыкнул. – Первым меня пригласил на встречу «атос», именно здесь. Ну а после знакомства с «портосом» и «арамисом» я решил, что мне лень мотаться меж Егерским прудом и гимназией.

Ну, не говорить же Бестужеву, что я просто не знал о наличии такой вещи, как школьный полигон? Ускользнул от меня как-то факт его наличия, когда я знакомился с информацией о гимназии.

– М-м... а почему ты их мушкетерами обозвал? – поинтересовался Леонид.

– Ну, я же тебе рассказывал, как все произошло, – пожал я плечами.

– О? – Бестужев на миг задумался. – Ну, плечо – понятно... этот смазливый – тоже. Но при чем здесь перевязь?

– Ее роль сыграл лопнувший шов брюк. Сверкать голой задницей или неказистым видом перевязи... согласись, у него был повод никому не показывать своего тыла?

Теперь улыбались мы оба, а остановившиеся в пяти метрах от нас «гости» недоуменно переглянулись. Впрочем, не все. Охранники, как и положено крутым бодигардам, демонстрировали абсолютно каменные физиономии. Им вообще для полноты образа не хватало только жевательных резинок и солнечных очков на пол-лица. И все, Секрет Сервис, как она есть...

Краем глаза я заметил, как недоуменно переглядываются Ильин с Винокуровым и побагровел Стародубов, явно подозревая, что мы смеемся именно над ним. Ну, он был недалеко от истины. Впрочем, зареветь сиреной, как явно намеревался, «портос» не успел. От скрытой подъёмом улицы раздался истошный визг тормозов, хлопки дверей, и на спуске показались... близняшки. Вот ведь... Принесла нелегкая! И как только узнали?

А следом за ними шагал Гдовицкой с уже, кажется, ставшим привычным при встрече со мной выражением лица, а-ля «я здесь ни при чем, это все они».

– Братик, привет! – блеснув белозубой улыбкой и простучав стремительным стаккато каблучков по деревянному настилу, Мила подлетела ко мне, мимолетно коснувшись губами щеки и только после того, как подтолкнула ко мне свою сестру, кисло протянувшую нам свой «привет», огляделась по сторонам и соизволила заметить остальных присутствующих. – Кирюша, скажи мне, пожалуйста, а что за дела у тебя с этими... прохвостами?

– Небольшие разногласия, – пожал я плечами под ошарашенными взглядами моих противников.

– Лина! Я не поняла! Ты же староста их класса! Что, так трудно было присмотреть, чтобы эти лоботрясы не лезли к новеньким? – стремительно развернувшись к насупленной сестре, протараторила Мила, но в этот момент она заметила Леонида и тут же принялась его тормозить. – А ты кто? Одноклассник Кирилла, да? А как тебя зовут? Нет-нет, молчи, я угадаю. У тебя очень интересное лицо, необычное. Я точно недавно видела кого-то с таким же овалом лица. Лина, ты не узнаешь?

Надо признать, что на фоне старших ребят, да и моей довольно плотно сбитой фигуры невысокий и худощавый Бестужев смотрелся даже младше своего возраста. В общем, ничего удивительного в том, что изображавшая ураган Мила накинулась на Леонида, не было.

– Мама. Помогите, – отчетливо, чуть ли не по слогам проговорил Бестужев, в ужасе покосившись на меня. А что я? Я сам в шоке! Терпи, казак, атаманом будешь... Если выживешь в стальных объятиях моей кузины... Вот теперь верю, что в гимназии не зря делают такой упор на актерское мастерство.

Но тут Мила временно прекратила теребить Леонида и вновь обратилась к сестре:

– Линка! Я кому говорю! Гони от Кирилла этих идиотов, или я позвоню Ромке и скажу, что ты назначила им свидание!

Все. Взглянув на яростно раздувающую ноздри кузину, могу заключить: хана карапузикам.

Стародубов, кажется, хотел что-то вякнуть, но Григорий, явно просчитав ситуацию, толкнул его в плечо и что-то тихо сказал Ильину. Бровь «атоса» выгнулась в удивлении, но он кивнул и, отдав короткий приказ охранникам, вдруг широко улыбнулся близняшкам, правда, при этом довольно настороженно покосившись на буквально пышущую жаром и злостью Лину. А «портос» с «арамисом» тут же сделали шаг назад. Дескать, не наше это дело разговоры разговаривать.

– Извините, дамы, но, к сожалению, мы очень спешим и вынуждены откланяться. Прошу нас простить. – Ильин с Винокуровым отвесили короткий полупоклон и, взяв на буксир молча разевающего рот растерянно-злого Стародубова, ретировались... Сбежали, проще говоря. Мда. Такого итога нашей встречи я не ожидал... Хотя, если принять во внимание весь идиотизм нашего столкновения... а как еще она могла закончиться?

Впрочем, еще не успели хлопнуть двери их вездеходов, как я почувствовал дрожь Эфира, и по склону пробежал явно неестественный ветерок. Но никакой атаки не последовало. Зато на деревянный настил прямо к моим ногам вынесло клочок бумаги, подняв который я обнаружил внутри пару коротких фраз.

– Что там? – тут же поинтересовалась еще не успевшая выйти из образа Мила.

– Извинения от одноклассников Лины, – коротко улыбнулся я, свернув листок и запихнув его в карман джинсов. – А теперь будь добра, оставь в покое моего заместителя.

– Эм? – Мила отпустила взъерошенного, сверкающего глазами Леонида и, окинув его взглядом, ущипнула себя за мочку уха. – Заместителя?

– Леонид Бестужев, заместитель старосты младшего «Б» класса, – пригладив растрепанные волосы, представился Леня.

– А-а. Кхм. Людмила Громова, старший «А» класс. А это моя сестра Малина Громова, староста старшего «В» класса.

Я покосился на насупленную Линку, но та по-прежнему молчала, даже на свое полное имя не отреагировала. Хм, кто-то вновь получил по нижним полушариям мозга? Что-то она больно тихая...

– Подожди, Леонид, ты хочешь сказать, что мой кузен стал старостой? – вдруг дошло до Милы. Неслышно подошедший Гдовицкой тихонько хмыкнул. Вот уж ни на секунду не сомневаюсь, что он в курсе. Сестра же, окинув меня взглядом, вновь обратилась к Бестужеву: – А ты его заместитель?

– Ну да, – кивнул Леонид.

– Интересно-о, – протянула Мила.

– Не очень, – оборвал я ее. – Лучше поведай – что за цирк вы устроили?

– Цирк? – деланно удивилась кузина, но короткое покашливание Гдовицкого за спиной заставило ее отбросить игру и стать серьезной. – Ладно-ладно... В общем, так сложилось, что в школе кто-то пустил слух о твоём изгнании.

– И ты решила таким образом продемонстрировать всю его несостоятельность, – кивнул я. – Представь себе, это я понял еще вчера, после того как ты протащила меня через полшколы словно на буксире. Хочешь сказать, что внезапно вспыхнула «сестринской» любовью и решила оградить меня от возможных конфликтов?

– Н-ну... да. Как-то так, – чуть замаявшись, подтвердила Мила, бросив короткий взгляд на сестру.

– Знаешь, если бы слух появился только в школе, я бы, наверное, даже посмеялся над этим бредовым предположением, поскольку наверняка знаю, кого ты на самом деле пытаешься выгородить. Только есть одна маленькая проблема. В происшедшем есть вина не только Лины...

В этот момент от упомянутой кухни просто плеснуло злостью в и так бурлящий вокруг нее Эфир.

– Держи себя в руках, – тут же бросила Мила, и Линка послушалась! Даже отступила на шаг назад, смещаясь за спину сестры, точно так же, как это проделали подручные Ильина пятью минутами раньше. Эфир понемногу начал успокаиваться, и Мила вновь повернулась ко мне. – Поясни... пожалуйста.

– Насколько мне известно, этот слушок впервые прошел на последнем приеме у Томилиных. И Лины там не было. В отличие от тебя и Ирины Михайловны.

– Я не... мама?

– Кхм, – Гдовицкой, как всегда, выразителен...

– Да, Владимир Александрович? – Я уставился на своего бывшего тренера, но прочитать по ставшей профессионально непроницаемой физиономии что-либо было невозможно.

– Я могу поручиться, что Людмила Федоровна не причастна к этому... инциденту, – медленно проговорил Гдовицкой. – У нас имеются записи фиксатора ее браслета с того вечера. Непрерывные записи, и в них нет даже намеков на эту тему...

– Мои записи?! – ошеломленно переспросила Мила. – Да как... это же, это... возмутительно!

– Извините, но моя прямая обязанность – следить за вашим благополучием. Если вас что-то не устраивает, обратитесь к боярину Громову, – сухо отрезал Гдовицкой.

– Спасибо, Владимир Александрович, – кивнул я бывшему тренеру и повернулся к возмущенно сопящей Миле. – Я рад, что ты оказалась умнее сестры. В понедельник жду вас обеих в четыре часа дня. А сейчас – позвольте откланяться. Лина, Владимир Александрович...

– Всего хорошего, Кирилл. Рад был увидаться, – махнул рукой начальник СБ. Сестры отделались короткими кивками. Впрочем, Мила пыталась что-то сказать, но я уже отвернулся.

– Леонид, ты идешь?

– Иду-иду, – Бестужев поравнялся со мной, и мы вместе поднялись наверх, туда, где был небрежно припаркован вездеход Громовых. Но стоило нам оказаться на тротуаре Большой Бахрушинской, как рядом тормознул просторный седан...

– Тебя подвезти? – кивнул на автомобиль Леонид.

– Хм... В принципе, тут идти всего ничего, – протянул я.

– О! Ты живешь недалеко отсюда? – поинтересовался Бестужев. – Тогда тем более. Садись-садись. Хочу видеть, как живут жутко самостоятельные и эмансипированные старосты! Куда едем?

– Прошу прощения... – услышавший громкий голос Леонида шофер выскочил из-за руля. – Я только беру кое-что с заднего сиденья...

Хм, судя по мелькнувшим под завернувшимся уголком одеяла «сошкам» этого самого «кое-чего» и общему абрису, на заднем сиденье седана лежало что-то профессионально-убойное из арсенала снайперов. Ну да, кто бы сомневался, что отец отпустит Леонида на такую встречу, не обеспечив ему достойной охраны?

Не то чтобы любой выезд наследников родов сопровождается такими вот предосторожностями, но здесь ситуация была действительно очень неоднозначной. И мой неопределенный в глазах окружающих статус предполагал слишком большое количество возможных вариантов развития событий, включая смерть Леонида, как нежелательного свидетеля моего убийства тремя родовитыми мажорами.

Короче, Валентин Эдуардович Бестужев банально перестраховался, и, положив руку на сердце, я его не могу винить в излишней осторожности.

– Я так понимаю, еще пара человек засела на крыше той пятиэтажки, да? – махнул я рукой в сторону старого доходного дома, выстроенного чуть в стороне от пруда. В ответ шофер только плечами пожал. А Леонид хихикнул.

– Угадал. Геннадий всегда мрачнеет, когда кто-то угадывает, – объяснил Бестужев.

– Так тут и угадывать нечего. Других таких удобных мест здесь нет, – хмыкнул я и заслужил заинтересованный взгляд шофера-стрелка. А, понятно. Геннадий хмурится не тогда, когда кто-то там что-то угадывает, а когда ему надоедают этими самыми «угадайками».

– Так мы едем? Кирилл! – дернул меня за рукав ветровки Леонид.

– Вот ведь настырный. Ладно, поехали, – согласился я, забираясь на заднее сиденье седана. Интересно, а что же тогда лежит в багажнике, если там не нашлось места для снайперской «пушки»? И куда делся кофр или чехол от нее? Или... хм, а зачем вообще было так прямо намекать на свое беспокойство?

Задавать этого вопроса вслух я не стал и, устроившись поудобнее, что не так-то просто, когда под ногами болтается почти полуметровая железка весом под полпуда, попросил усевшегося за руль шофера отвезти нас в парк.

Если Геннадий и удивился, то виду не подал. А вот Леонид хмыкнул так, что мне сразу стало ясно: нынешнее мое место проживания секретом для него не является.

Впрочем, это не помешало ему вполне искренне восторгаться моей «усадьбой», когда мы до нее добрались. Его радовало все. И расположение... ну кто может похвастаться тем, что живет в парке? И то, что в доме я живу один, и прудик, особенно после того как я сообщил, что при необходимости, температура воды в нем регулируется.

Тут Леонид с ходу требовал с меня приглашение в гости на рождественские каникулы. Уж очень захотелось ему поплавать на открытом воздухе зимой.

Через полчаса моя голова уже просто раскалывалась от мельтешения этой сумасшедшей ракеты. Бестужев, как хорек, умудрялся забраться в какие-то совершенно немыслимые уголки дома, обшаривая его от и до. В конце концов, мы с Геннадием все же отловили этого неутомного на чердаке и усадили за стол. Но, посмотрев на чумазую физиономию и припорошенную пылью одежду, вздохнули и отконвоировали в ванную... откуда этот гад просто смылся. На конюшне он, видите ли, еще не был...

Нет, мне интересно – ему пятнадцать или пять?!

Часть четвертая. По пыльному шлему

Глава 1. Память-то девичья...

Напичканный медартефактами автомобиль из хозяйства Иннокентия Львовича укатил, увозя Лину под крылышко штатного доктора Громовых. В принципе, было совершенно необязательно вызывать этот реанимобиль из имения. Лубки на переломанные конечности мы наложили, так что Николай вполне мог доставить Линку в имение на том же «вездеходе», на котором привез сестер на тренировку. Благо подвеска у этого черного монстра достаточно мягкая, а задний диван довольно просторен, чтобы с комфортом разместить пострадавшую и довезти ее без риска смещения сломанных костей ног и рук.

– Кирилл, тебе не кажется, что на этот раз ты переборщил? – тихо проговорил охранник, пока мы дымили на крыльце. После чего выразительно посмотрел в сторону застывшей у ворот Милы, смотрящей вслед катящемуся по просеке фургончику эскулапов. В ответ я только хмыкнул:

– Коля, начиная с десяти лет я не помню ни одного месяца, который обошелся без посещения медблока. Примерно каждый пятый из таких «послетренировочных визитов» я совершал, так сказать, не приходя в сознание... Почему тогда никто не сказал моим двоюродным родственникам, что они, «кажется, переборщили»? Молчишь? Правильно. Дедушка сказал следить и не вмешиваться, пока нет прямой угрозы жизни. Знаю, Гдовицкой мне это объяснил. Как и то, что сейчас у вас имеется такой же приказ в отношении близняшек. Что, не так? Опять молчишь. Так.

– Так это что, месть?

– За мое «веселое» детство? Нет. То дело прошлое, да и я никогда не оставлял их выходок без ответа. Другое дело, что у меня духу не хватало загнать сестер в реанимацию, это да. – Я автоматически отобрал у Николая только что вытащенную им сигарету.

– Ну и... зачем тогда было сейчас вот это делать? – хмуро глянув на дымящийся цилиндр в моей руке, спросил Николай. – Что, теперь духу хватает?

– Говоря высоким штилем, у меня кончилась вера в их разум. Аккурат после инцидента с подложенным боевым артефактом и самого длительного в моей жизни отдыха во владениях Иннокентия Львовича.

– Кхм... и?

– Что «и»? Я пообещал им визит в медблок каждый раз, когда они будут вести себя неподобающе... Как считаешь, пущенный по школе слух об изгнании младшеклассника Кирилла Громова, извините, теперь уже Николаева, – так вот это, по-твоему, подобающее поведение для отпрыска столь древнего и уважаемого рода? Я уж молчу про последовавшие за этим неприятности... А обещания надо выполнять.

– Неприятности? – насторожился Николай, при этом не выказав никакого удивления по поводу слухов об изгнании.

– Хм... ну, если назначение старостой можно рассматривать как курьез, то три пусть и не состоявшихся, но объявленных дуэли за один день – это несколько многовато, а? – пожал я плечами.

– Три? Но...

– Ильин, Стародубов и Винокуров. Все из класса Малины Федоровны. Правда, усилиями Милы нашу встречу с этими господами удалось перенести на школьный полигон... Послезавтра сойдемся.

– Вот это новости... А Владимир Александрович был уверен, что у тебя дуэль только с Ильиным... а Винокуров и Стародубов вроде как секунданты...

– Ну-ну... Можешь передать господину начальнику службы безопасности мое нелестное мнение о работе подчиненной ему структуры, – я хмыкнул, когда Николай в ответ состроил непонимающую гримасу. Ну да, ну да. И расспрашивает он меня исключительно из приятельского интереса. Как же, как же. А я, разумеется, из тех же соображений, тут распинаюсь.

– Я, между прочим, тоже там служу, – недовольно проворчал Николай.

– Вот видишь, как здорово! – улыбнулся я. – Теперь ты в курсе слабых сторон службы и, если правильно себя поведешь, можешь подсидеть нашего дорогого Владимира Александровича. Это же какая перспектива, а!

– Да ну тебя, клоун, – фыркнул в ответ Коля и, вздохнув, сам отдал мне почти полную пачку «румянцевских» сигарет. Вот что значит правильная дрессировка! – Ладно. Поеду я, надо боярышню домой отвезти. Время.

– Счастливого пути, – кивнул я. Николай потоптался на месте, но, так больше ничего и не сказав, махнул рукой и направился к загнанному в угол двора вездеходу.

Машина уже вырुливалась на просеку, когда неожиданно затормозила. Хлопнула задняя дверь, и, выскочив из салона, Мила решительно зашагала в мою сторону.

Оказавшись в паре метров от крыльца, девушка замерла на месте и, растерянно глянув, выдавила:

– Почему?

– Я предупреждал. Разве нет? – пожал я плечами.

– Я о другом. Почему ты избил только ее? – тихо, но непреклонно проговорила Мила.

– Не избил, а продемонстрировал превосходство умения над дурной силой. Но если ты так хочешь, могу и тебе что-нибудь сломать... чтобы завидно не было. – Я удивился, честно.

– Но... но... я ведь... я тоже...

– Она нагадила, а ты попыталась за ней прибрать. Получилось не очень, согласен. Ну, так какие твои годы? Научись еще. Это всего лишь вопрос практики, а уж Линка-то тебе ее обеспечит сколько угодно, – я ухмыльнулся и кивнул в сторону автомобиля и терпеливо ждущего в нем Николая. – Все. Езжай. Следующее занятие в четверг, в три часа дня.

Говорить, что отправка Лины в медблок – это не только ее наказание за дурость, но и прозрачный намек Ирине Михайловне, я не стал. Умному достаточно... Нет, в разум тетки я не верю, но у нее есть муж. Вот он пусть и объясняет...

Проводив взглядом отъехавшую от ворот машину, я вздохнул и, покачав головой, отправился в дом. Я люблю свою работу и терпеть не могу смешивать ее с личными делами. Настроение в таких случаях, гарантированно будет испорчено. Проверено неоднократно и только что в очередной раз подтверждено практикой.

Все удовольствие от учебного процесса насмарку. Эх... С другой стороны, оставить выходку Лины без внимания я тоже не могу. Принцип. Кстати, о принципах... а ведь Гдовицкой при обсуждении источников слухов встал на защиту только Милы, напрочь умолчав об Ирине Михайловне... Хм.

* * *

Пока машина катилась по шоссе в сторону имения, Мила молча перебирала в уме события заканчивающегося понедельника, и... все. Оценивать и анализировать происшедшее мозг отказывался напрочь, но при этом непрерывно крутил одни и те же картинки сегодняшней «тренировки».

Начать с того, что сразу по приезде к Кириллу оправившаяся за воскресенье от событий прошлой недели Линка вновь «прошла» по новому жилью двоюродного брата. А тот даже не

отреагировал. Спокойный как удав, не размениваясь на лишние слова и эмоции, Кирилл вновь погнал сестер на пробежку, правда, на этот раз дело обошлось без подавителей и жалящих техник. Но закончилась пробежка точно так же, как и на предыдущем занятии, трансом и долгими упражнениями по прокачке Эфира через себя. Разве что по окончании тренировки тело уже не болело... Так, чуть-чуть, в первые десять минут. А потом... Сестры как раз выбрались из пруда, когда показавшийся на веранде Кирилл неожиданно размазлся в воздухе и возник рядом. Милу парализовало. Она только успела почувствовать «пулеметную» очередь довольно болезненных уколов пальцами в район позвоночника и безвольно осела на бортик пруда. А дальше ей осталось только смотреть и слушать. Благо по-прежнему неумовимо-стремительный двоюродный братец «позаботился» о ней, оперев спиной на ствол росшей рядом рябины, так что Мила имела возможность видеть все происходящее... и никак не могла в нем участвовать.

Лина замерла в ступоре, наблюдая за нападением на сестру, а когда очухалась, перед ней уже оказался Кирилл.

– Я ведь предупреждал... – покачав головой, произнес он в лицо сестре. Та побледнела и... атаковала.

Абсолютно невозмутимый двоюродный брат легко и незаметно сместился в сторону от любимого огненного хлыста Лины и, ни на секунду не изменившись в лице, влепил сестре кулаком в корпус. От чудовищной силы удара близняшку снесло. А когда она поднялась на ноги, материализовавшийся рядом Кирилл нанес еще один удар. Хруст, вскрик, и упертая Лина пытается подняться с песчаного покрытия полигона, куда ее унесло очередным таранным ударом двоюродного брата. Левая рука висит плетью, а правую она прижимает к боку, куда в первый раз угодил кулак Кирилла. Лина рычит, и вокруг нее вырастает кокон водяного щита, пузырящийся и кипящий, а сверху его покрывают багровые разводы огненного купола.

Лине еще далеко до профессионализма опытных бойцов, в отличие от них, ей нужно хотя бы полминуты, чтобы уйти в боевой транс и избавиться от боли. Но ее противник этого времени не дает. Кирилл вновь размазывается в воздухе, и рдяной кокон лопается с громким хлопком и вспышкой, от которой Мила тут же начинает моргать – единственное доступное ей движение. Даже кричать не получается, в отличие от Лины, чей истошный крик внезапно раздался над полигоном и тут же оборвался.

Проморгавшаяся Мила увидела сестру, валяющуюся, словно сломанная кукла, в центре площадки, и идущего от нее по-прежнему невозмутимого двоюродного брата. Вот он, не обращая никакого внимания на Милу, исчез в доме, чтобы через минуту вернуться вместе с Николаем, несущим под мышкой какой-то сверток. Тихо переговариваясь, они склонились над сестрой и принялись что-то с ней делать. А потом охранник, бережно подняв Лину, чьи руки и ноги оказались уже «закованы» в лубки, унес ее в дом.

Кирилл, шагавший следом, остановился перед сидящей под рябиной обездвиженной Милой и наклонился так, что в его глазах она увидела отражение собственного испуганного взгляда... А через секунду что-то щелкнуло, и ей показалось, что тело окатили кипятком. Но это такая мелочь по сравнению с возможностью двигаться. Только слезы почему-то не слушались и текли, текли по щекам...

* * *

Полигон при гимназии оказался довольно просторной площадкой с плотно утрамбованным песчаным покрытием. Хм. Может, у себя так же сделать? А что, моих невеликих сил должно хватить. Правда... Я прикинул, сколько времени мне понадобится, чтобы утрамбовать домашнюю площадку, и вздохнул. Нормальный вой проделал бы такой фокус минут за десять, раз пять применив «стопу великана». Мне же придется потратить полдня как минимум. На

«стопу» у меня просто не хватит сил, а доступный аналог имеет радиус всего полметра и куда меньшую силу давления... Обидно? Разве что чуть-чуть.

– Кирилл? – раздавшийся за моей спиной голос отвлек от размышлений, и я обернулся. Ну да, кто еще это мог быть, кроме моего верного заместителя...

Да, Леонид прочухал все положительные моменты своей должности и действительно впрягся в работу. При этом весь контроль, официальные бумажки, общение с администрацией и прочие «радости» он свалил на меня, а сам на себя взял общение и взаимодействие с одноклассниками и развил такую бурную деятельность, что я только диву давался. За несколько дней он, кажется, умудрился узнать об учениках нашего класса то, чего не знали даже их родители. Кто по какому предмету не успевает и кто из учеников может взять такого неуспевающего «на прицеп», кто какую музыку предпочитает, у кого когда день рождения... Вроде бы мелочи. Но когда они выстраиваются в систему... Авторитет Леонида ощутимо пополз вверх. И все потому, что он не пытался ни на кого давить или лезть с советами и руководством. Нет. Но когда этот улыбающийся парень вежливо просит увлекающуюся вышивкой одноклассницу помочь с подарком на приближающийся день рождения кого-то из ребят, вручает ей профессионально собранный набор из всяких ниток-иглол и прочих абсолютно неизвестных непосвященным «примочек» для вышивки, о каком давлении тут может идти речь? Или два загоревшихся идеей авиамоделизма орла грустят над каталогом миниатюрных двигателей и систем беспроводного управления для моделей – и тут же с подачи Леонида рядом появляется увлекающийся артефакторикой Осип Резанов, который, просмотрев информацию по представленным в каталоге изделиям, разносит их в пух и прах и, не отходя от кассы, на каком-то обрывке начинает рисовать свой вариант... а полюбовавшиеся на выходящее из-под его руки творение моделисты в ответ клятвенно обещают сделать ему маленькую летающую бабочку... которую тот подарит первой леди нашего класса... Вербицкая же делает вид, что ничего этого не слышит, но довольно улыбается. Все заняты, все при деле и довольны... и благодарят Бестужева. В общем, жизнь кипит. Ну, а раз этот говорливый сын дипломата отыскал меня, значит, пришло время и мне включиться в этот процесс.

Я выудил из кармана приглашение в музей, привезенное вчера Николаем, и, покрутив его в руках, передал Леониду. Но, вопреки моим ожиданиям, он не стал вскрывать неподписанный конверт сразу, а спрятал его во внутренний карман френча. Хм... Интересно...

– Что у тебя? Еще один запрос на помещение? – вздохнув, присел я на одну из лавочек, что спускаются к полигону, образуя эдакий куций амфитеатр.

– Нет. С помещениями все, – довольно ухмыльнулся Леонид. – Даже с запасом получилось.

– Не понял! С каким запасом? – возмутился я. – Да я за каждую комнату бился, аки лев! А у тебя, оказывается, какой-то запас образовался?!

– Ну да, ну да... – покивал Бестужев. – Бился. Правда. До последнего издыхания... За что тебе большое человеческое спасибо от нашего класса. А запас случайный. Осип с моделистами в одном кабинете засел и уходить не хочет. А им и в радость... Вот у нас пустующее помещение по соседству с ними и возникло... Но это ненадолго, знаешь ли.

– Вот как?

– Ага. Я посмотрел списки факультативов и ужаснулся, – с деланой горечью проговорил Леонид и тяжело вздохнул. – У меня остался «неохваченный» кадр. Признавайся, Кирилл Николаевич, чем ты в свободное время увлекаешься?

– Твою же медь...

– Помимо бюрократии и воркования с Катериной Фоминишной, я имею в виду, – уточнил этот... этот. Хорек белобрысый!

– На святое покушаешься, ирод! – нахмурился я. Леонид в ответ хохотнул, но тут же посерьезнел.

– Кирилл, правда... Даже я факультатив себе подобрал. И вообще это была твоя идея, между прочим. Так что нечего отмазываться.

– Ла-адно... – я кивнул. – Пиши: кулинария.

– Че-эго? – вытаращился на меня Бестужев.

– А чего такого? – пожал я плечами.

– Хм, и чем тебя не устраивает наша столовая? – не понял он.

– Люблю домашнюю еду. Не заговаривай мне зубы, – фыркнул я. А что? Умывальник в помещениях, выделяемых под факультативы, есть всегда. Найти плиту и маленький холодильник тоже не проблема, паутинные барахолки мне в помощь. Равно как и посуду, по минимуму.

– То есть ты серьезно? – уточнил Бестужев.

– Ну да... А что? Готовить я люблю, и возможность поесть горячей домашней еды сразу после уроков, когда желудок урчит от голода, вполне неплоха. Да просто чаю попить на большой перемене, не толкаясь в столовой, уже хорошо... А потом, на сытый желудок, можно и домой ехать.

– Хм. Ладно, запишу, – помедлив, кивнул Леонид и, развернув экран браслета, принялся стучать по клавиатуре. – О! А ведь у гимназии уже был такой факультатив... Закрылся пять лет назад...

– Вообще замечательно. Если окажется, что их «реквизит» не сдали в утиль, Катерина М... кхм, Фоминишна подпишет бумаги с легкостью... и не придется ее уговаривать, – порадовался я.

– Ну да, ну да. А в крайнем случае можно будет обратиться к Осипу. Если уж он движки для моделей делает, то с холодильником и плитой тоже должен справиться, как думаешь? – проговорил белобрысый и свернул экран браслета. – Вот так. Кстати, Кирилл. До начала урока осталось семь минут.

– Понятно, – вздохнул я и, бросив короткий взгляд на площадку полигона, нехотя поднялся с нагретой нежарким осенним солнцем лавки. – Тогда идем.

Заметив мой взгляд, Леонид неопределенно хмыкнул, и мы потопали в сторону главного корпуса.

– Осматривал будущее поле боя? – поинтересовался Бестужев, которому явно не нравилось идти молча.

– Можно и так сказать. Кстати, я тут искал информацию о правилах поединков, но ничего не нашел, кроме обязательного присутствия представителя школы в качестве судьи. У тебя нет сведений на этот счет? – поинтересовался я.

– Да какие там правила... – махнул рукой Леонид. – Это же не официальная дуэль. Так, скорее жесткий спарринг. Бой до падения одного из противников, запрет на дистанционные техники.

– На все?

– Нет, конечно. Только на те, что бьют по площадям. Всяческие «хлысты» и «кулаки» с «таранами» разрешены. В общем, как-то так.

– Понятно.

– Волнуешься? – спросил Леонид.

– Не сказал бы, – я в ответ пожал плечами. – Скорее, просто не хочу сделать что-то идущее вразрез с правилами. На кой мне нужны обвинения в неспортивном поведении, согласись?

– Это да... – покивал Бестужев. – Кстати, о спорте. Ты не знаешь, куда делась Лина Громова?

– Хм... Нормально. И при чем здесь спорт? – не понял я.

– Так ведь вчера они с сестрой чуть ли не половине школы разболтали, что после уроков едут к тебе на тренировку. Вот кстати, а что за тренировки?

– Да так, по рукопашке их подтягиваю, – отмахнулся я. – А то стыдно даже. Вои, а в ближнем бою – один пшик.

– Я-асно, – протянул Леонид. – Кхм. Я-то думал... Ну ладно. Так что случилось с Линой?

– Неудачно упала.

– Как это? – не понял Бестужев.

– Ну... вот как-то так. Упала, поломала ноги и руки. Да ничего, к пятнице ее Иннокентий Львович приведет в порядок, и госпожа Громова вернется, чтобы продолжить муштру вверенного ей подразделения.

– Упала. Неудачно. Ну да, ну да, – тихо проговорил Леонид и согласно покивал. – То-то, наверное, ее мамочка расстроилась. Небось, теперь и на тренировки к тебе пускать не будет.

– Расстроилась? Не знаю, может быть. Но насчет тренировок... это решает дед. А боярина Громова такими мелочами, как пара переломов, не переубедить.

– Верю, – хмыкнул Бестужев. – Отец мой такой же. Особенно когда дело касается серьезных тренировок. Говорит, без пота и крови не бывает результата.

– Что, и ноги-руки переломать не боишься? – протянул я, и Бестужев кивнул.

Мы дошли до класса, и разговор сам собой увял. Впрочем, главное было сказано и услышано...

Глава 2. Чистописание и угольки

Я сидел за столом в своем доме и пытался понять логику этих долбанных бояр. Один устраивает из жизни внука полосу препятствий, другой подталкивает своего сына к тренировкам, на которых переломы рук и ног считаются рабочими моментами... Как вообще это сословие смогло выжить, с такими-то нравами?!

Я фырчал, как закипающий чайник, бросая недовольные взгляды на узкий конверт кремового цвета, валяющийся на столе, и никак не мог успокоиться. Да уж, задал мне Бестужев задачку. Я ведь отказал ему в тренировках... и не учел, просто не понял, что эта завуалированная просьба исходила не столько от него самого, сколько от боярина Бестужева. Просчитался. Мог бы и догадаться, что боярина Бестужева заинтересует первый приятель его наследника в гимназии. Тем более если этот приятель умудрился свалить результаты довольно глупой шутки сына на него самого и при этом не стать Бестужеву-младшему врагом номер один... а в том, что Леонид доложил папеньке все перипетии нашего знакомства, я даже не сомневаюсь. В общем, очередной прокол, Обжора.

Вот результат этого просчета сейчас и мозолил мне глаза. Аккуратный прямоугольник дорогой бумаги, лежащий на дубовой столешнице, надписанный от руки четким уверенным почерком с сильным наклоном...

Полюбовавшись на витиевато выведенный адрес, я хмыкнул, вспомнив слова учительницы громовских отпрысков по этикету Агнессы Поляковой.

– Знаете ли вы, какое дело каждый боярин без исключения считает самым муторным? Нет, вы не знаете этого. А я вам скажу. Самым нудным и неприятным делом, в чем он, кстати, никогда не признается даже под пытками, каждый боярин считает рассылку личных приглашений на торжества. Будь то бал или прием, свадебный пир или именины, всем личным гостям хозяин торжества обязан собственноручно написать приглашение и указать адрес получателя на конверте. От руки. И вам придется когда-нибудь заниматься тем же самым, так что не ленись в чистописании, дети. Ведь ваш почерк увидят влиятельнейшие люди нашего государства... – Приятный голос с мягким, почти незаметным киевским акцентом, округлое лицо и добрая улыбка. Ну прямо ангел во плоти... пока не провалишь какое-то из ее заданий. Стоило оконфузиться, и Агнесса превращалась в самую настоящую фурию. Ее боялись больше, чем изощренных наказаний тренера. Страшная женщина. Она могла смешать неудачника с грязью

всего двумя словами и одним взглядом. Даже дед, уж на что старый солдафон, и тот старался держаться с нею подчеркнуто вежливо. Какое счастье, что занятия этикетом закончились еще до моего «появления» здесь. Хм...

Я вынырнул из воспоминаний Кирилла и вздохнул. Именно такой лично подписанный конверт сейчас и лежал передо мной. Приглашение в городскую усадьбу Бестужевых, присланное от имени главы рода. Отвертеться можно, только улегшись в гроб или, на худой конец, оказавшись в коме.

Раздавшийся со двора грохот ударившихся о стены распахнувшихся ворот отвлек меня от созерцания чертова письма, и я скривился, представив, кто именно мог заявиться в мой дом с такой «помпой». Но тут же нахмурился. Не сходится. Мила вроде бы была в адеквате во время нашей последней встречи, а Лина раньше пятницы точно не вылезет из медблока. Интенсивное лечение, даже проводимое таким высококлассным специалистом, как Иннокентий Львович, все же требует времени... Алексей?

Впрочем, гадать было поздно. Раньше, чем я успел сделать хоть что-то, в сенях хлопнула дверь, потом распахнулась следующая, и я понял, что ошибся.

* * *

– Игорь, а куда это старшая боярышня отправилась... да еще и одна? – заметив выезжающий за ворота золотистый «Сапсан», задумчиво поинтересовался Гдовицкой у дежурного.

– Вроде бы на трек собралась. Развеяться, – пожал тот плечами. – Отвлечься от переживаний за дочку... так она, кажется, сказала.

– Понятно, – Владимир Александрович кивнул и, покинув пультовую, направился в библиотеку, куда его вызвал Громов-младший. Сегодняшний день наследник решил провести дома, но это не значит, что он собирался бездельничать...

После долгого разговора с Федором Георгиевичем, во время которого он получил вожденное добро на модернизацию давно дышащей на ладан системы наблюдения на одном из производств, Владимир Александрович вышел из библиотеки в приподнятом настроении. Но по дороге к своему кабинету Гдовицкой вдруг понял, что хмурится, а руки его непроизвольно сжимаются в кулаки. Что-то было не так... какое-то смутное беспокойство все больше охватывало начальника СБ, но с чем оно связано, Гдовицкой не понимал.

Владимир Александрович остановился, не доходя нескольких шагов до двери, замер на месте, пытаясь справиться с неожиданно возникшим порывом куда-то бежать, и, пересилив наконец себя, все-таки добрался до своего рабочего места.

Усевшись в удобное кресло за широким столом, на котором не было ничего, кроме выключенного стационарного вычислителя, он некоторое время просто сидел, откинув голову на спинку кресла, и, прикрыв глаза, мысленно перебирал все недавние разговоры в попытке выпестить подсказку, на которую так нервно отреагировало его подсознание. Утренняя беседа с боярином... Чисто. Ничто не екнуло, не отозвалось тревожным звоном. Завтрак... то же самое. Планирование визита в подразделения, охраняющие личные владения рода... ничего. Обед? Нет. Разговор с наследником об ужесточении контроля на объекте-два? Нет...

Пусто. Ни-че-го. Но Гдовицкого не оставляла мысль, что он что-то упустил. Она билась в голове, противно пищала, но... не давалась. Прямо гонка за комаром в темной комнате... Гонка? Стоп. Есть! Гонка... машина... трек...

Перед внутренним взором Владимира Александровича промелькнул вызывающе золотистый спортивный автомобиль, выезжающий за ворота поместья, и фоном – слова охранника: «Поехала на трек...» Но сегодня вторник, и на Кубинском кольце проходят квалификационные заезды Большой Версты. А значит, для частных «покатушек» трек точно закрыт...

Дернувшись так, что кресло недовольно скрипнуло под немаленьким весом одного из лучших боевиков рода Громовых, Гдовицкой с силой шарахнул ладонью по идентификатору вычислителя, встроенному в столешницу, и, едва перед ним развернулся экран, вызвал одного из наблюдателей.

– Басов, где сейчас находится Ирина Михайловна?

Охранник, ответственный за контроль браслетов всех членов рода, моментально уловил, что шеф не в настроении, и его пальцы запорхали по невидимой клавиатуре с удвоенной скоростью. Не прошло и тридцати секунд, как наблюдатель выдал ответ:

– Гимназия в боярском городке. Стоп. Объект смещается... поворачивает на запад. Все. Сигнал потерян.

– На запад? Что там?

– Да ничего, парк, – пожал плечами охранник и отшатнулся от экрана, увидев, как искажилось лицо обычно невозмутимого начальника СБ.

– Тревога по городской усадьбе. Уровень А-2, группе захвата на выход. Объект – «лес». Действовать по «сонному» варианту, – скороговоркой произнес Гдовицкой и, заметив, что наблюдатель замер, рявкнул: – Чего ждешь, идиот?!

– Приказ сформирован, прошу подтверждения. – Экран перед начальником СБ мигнул, и он, шипя от злости, вновь хлопнул ладонью по идентификатору. Текст приказа исчез с экрана вычислителя и сменился лицом наблюдателя. Тот кивнул. – Пост «Беседы». Приказ принят.

– Пост «Город». Приказ принят. Готовность группы – две минуты, – тут же продублировал получение распоряжения наблюдатель из городской усадьбы, подключившийся по требованию коллеги.

– Работайте, – Гдовицкой погасил вычислитель и, вздохнув, поднялся из-за стола. Нужно ехать к месту событий. Но прежде... прежде придется доложить о случившемся боярину... и его сыну.

Вездеход с громовскими номерами неся через Москву, словно ужаленный, гудком сгоняя в сторону оказывающиеся на его пути автомобили, но, несмотря на сумасшедшую скорость, подъезжая к парку, по выющемуся над деревьями дыму Гдовицкой понял, что опоздал.

Автомобиль вкатился во двор почти одновременно с пожарным расчетом, через развороченные ворота, створки которых теперь валялись на земле. Впрочем, brave пожарные, глянув на потушенные одним из боевиков рода остатки конюшни, почти тут же свернулись и уехали, не забыв перед этим заставить Гдовицкого, как старшего представителя рода Громовых, присутствующего здесь, подписать кучу бумаг. Впрочем, бюрократия сейчас беспокоила Владимира Александровича в самую последнюю очередь, так что он едва дождался отъезда пожарных.

– Докладывайте, – повернулся он к командиру группы захвата.

– Группа прибыла на объект через шесть с половиной минут после получения приказа. Живых на территории обнаружено не было. Материального урона объект не понес... если не считать конюшни.

– Живых нет... а мертвых? – тихо спросил Гдовицкой, вглядываясь в поляризованное забрало шлема своего подчиненного...

* * *

Когда в комнату вошла Ирина свет Михайловна, я ох как удивился. А вот когда следом за ней нарисовалась парочка абсолютно незнакомых мне мордovorотов в городском камуфляже, понял, что время эмоций вышло. Я дернулся в сторону от стола и, уже уходя в разгон, заметил, как медленно осыпается осколками оконное стекло и дубовая столешница украшается чуть изогнутым, частым рядом вонзившихся в нее стальных оперенных игл.

Очередь длинная, но вот она стихает, и я, не дожидаясь продолжения, рвусь к окну. Чуйка работает на полную, и я знаю: там только один противник. От дверей раздается стрекот, и стену перечеркивает еще одна очередь. Камуфляжник не успевает за мной, и я рыбкой ныряю в окно, прямо на поднимающего ствол «тихушника», разворотившего окно моего дома. Удар отбрасывает в сторону тело, слабо замерцавшее схлопывающимся щитом, и я вновь мчусь вперед. Опять меня зажимают в собственном доме, и опять за стеной лес и свобода... Но теперь... теперь все будет иначе. Все должно быть иначе!

Передо мной вырастает стена конюшни, оббегать которую просто нет времени. Взлетаю вверх и, ужом ввернувшись в узкое чердачное окно, несусь к противоположному скату крыши. Там спуск к дренажному колодцу и выход в овраг, к старому руслу ручья, куда выведен сток от моего пруда...

Я буквально ощущаю, как Эфир за спиной поднимается чудовищным валом, и понимаю, что опоздал. Вспышка, треск огня – и я лечу наземь, отброшенный взрывной волной. Хана конюшне.

С этой мыслью и выбитым от удара о землю воздухом из легких сознание меня покидает.

– Гаденыш... – Я прихожу в себя от неумелого, смазанного удара по ребрам, гляжу на нависающую надо мной фигуру Громовой, но не успеваю даже подумать о сопротивлении, как чьи-то руки подхватывают мое тело, а в следующую секунду слышу знакомые щелчки. На моих запястьях оказываются подавители...

– Оставь его, сестренка. У нас найдется чем отплатить этому за Малину. – Меня мутит, и глаза застилает какая-то пелена, но я вижу, как один из камуфляжников обнимает Громову за плечи и отводит в сторону, одновременно кивая удерживающему меня бойцу. Удар...

Прсыпаюсь от писка браслета на руке. Вокруг темно, хоть глаз выколи... и тесно. Похоже, я в каком-то ящике, но... Благодарю Провидение за то, что подавители не глушат Эфир, и пытаюсь ощупать пространство за пределами коробки. Тщетно. Кажется, меня закопали...

– Очнулся, уродец? – Голос Громовой доносится из самостоятельно активировавшегося браслета. Понятно, кто-то в нем поковырялся.

– И? – А в горле словно наждачкой провели... Это же сколько я здесь провалялся?

– И все. Вот хочу полюбоваться, как ты сдохнешь. Да, можешь не надеяться, что кто-то тебя найдет. Браслеты полностью очищены от всех «маячков». Так что можно сказать, что здесь только ты и я. Романтично, не находишь?

– Хм... Нет, не хватает мне душевной тонкости, очевидно, – подумав, вздыхаю я.

– Ну что ты... – А голос такой ласковый-ласковый. Так и хочется удушить. – Смерть одаренного от асфиксии – всю нелепую красоту такого конца должен оценить даже такой ублюдок, как ты...

– Не дожدهшься. – Обволакиваю браслет коконом, отрезая его от любой возможности фиксации происходящего, и, убедившись, что щит работает, пытаюсь определиться, в каком направлении копать. Нет, я вовсе не собираюсь изображать крота, по крайней мере, пока. Тем более что наверху наверняка есть наблюдатель. Если они не совсем идиоты, конечно. Я поступлю иначе...

«Прощупав» подавители, я довольно хмыкнул и принялся целенаправленно накачивать питающие их кристаллы Эфиром. Десять минут деструктивной деятельности – и «напульсники» едва не падают мне на колени. Еле успеваю удержать их от этого. Вот что значит вера в печатное слово... Покажи я реальные возможности в управлении Эфиром – и давешние экзаменаторы долго бы еще ломали головы, какой ранг вписывать в сертификат. А так – мастер, и баста. И мои захватчики поверили в написанное. А если бы не поверили, то и возиться с подавителями не стали... да и со мной, скорее всего, тоже. Забили бы до смерти, и все.

Острая воздушная игла, в прямом соответствии с давними рекомендациями Гдовицкого, разогревается, шипит, соприкасаясь с заваренным краем металлической крышки моего «гроба», и начинает медленно, но верно нагревать кривой сварной шов. Чувствую, как по лицу струится пот. Жарко... Но я старательно удерживаю концентрацию и выплесками Эфира затираю следы воздушной техники. Оперировать стихией и Эфиром одновременно чрезвычайно сложно. Но надо. Я не знаю, что именно передает мой «почищенный» браслет на экран этой твари, но очень не хочу, чтобы у нее или еще у кого-то из наблюдателей возникли какие-то подозрения насчет происходящего здесь.

Облизав пересохшие губы, расширяю получившееся отверстие, а потом та же игла с легкостью вворачивается в еще не слежавшийся грунт, проплавляя в нем небольшое отверстие и тут же спекая его стенки. А еще через час, уже чувствуя, как мутнеет в глазах и тело наливается слабостью от нехватки кислорода, я делаю глубокий вдох, и легкие наполняются живительным свежим воздухом... Получилось.

Пора. Снимаю кокон с браслета и довольно натурально сиплю, выпучивая глаза. Сжимаю горло руками и, дернувшись, замираю, старательно изображая труп. Даже сердцебиение замедлил и скрыл в Эфире, аккуратно размыв соответствующие возмущения. Получилось очень похоже на отвод глаз... частичный такой, ага...

И через десять минут, как награда, слышится довольный смех Громовой и голос камуфляжного:

– Вот видишь, Ириша. Согласись, это лучше, чем марать руки его кровью?

– Согласна. Спасибо за хорошую идею, Рома. И за помощь.

– Мы же родня, сестренка. Пусть и дальняя, – усмехается камуфляжный и тут же добавляет, явно куда-то в сторону: – Убирайте охрану.

А еще через час браслет на моей руке осыпается пеплом. Пора идти...

* * *

Установить, куда делся Кирилл, удалось только к утру, и то лишь благодаря личному визиту боярина Громова в полицию, которая, поворчав, все-таки предоставила ему доступ к архивам системы наблюдения.

– Ты уверен, что он должен быть где-то тут? – хмуро поинтересовался Федор Георгиевич.

– Других удобных мест поблизости нет, а на записи следующего дорожного фиксатора ее машина отсутствует, – ответил Гдовицкой, обращаясь одновременно к обоим Громовым. И, дождавшись кивка боярина, махнул рукой своим подчиненным. Те тут же рассыпались цепью и принялись прочесывать карьер.

Солнце как раз показалось над верхушками сосен, когда охранники вытащили с трехметровой глубины металлический ящик, больше всего похожий на запаянный мусорный контейнер. Огненное лезвие с легкостью срезало плохо приваренную крышку, и, откинув ее в сторону, Громов-младший заглянул внутрь.

– Живой, – выдохнул он, доставая из контейнера осунувшегося племянника.

– Как же ты...

– Все потом, Володя. Организуйте ребенку воды, ну и... прочее, – рыкнул Громов-старший, и Гдовицкой, кивнув, тут же утащил Кирилла к машине.

– И все-таки я не понимаю. Почему было не вернуться домой для допроса Ирины? Хотя бы одному из нас? – тихо проговорил наследник, глядя вслед начальнику СБ. – Насколько быстрее управились бы!

– Кому, например? Мне? И кто бы вас пустил в полицейский архив в мое отсутствие? Или ты сам хотел бы допросить свою жену? Смешно. – Боярин вздохнул и кивнул в сторону автомобилей, куда Гдовицкой увел Кирилла. – Или он? Ты готов доверить допрос первой жен-

щины рода собственной службе безопасности? Однако. В общем, не говори ерунды, мы поступили правильно. А с Ириной я сам побеседую. Пора уже.

Спустя полчаса Кирилл сидел на заднем сиденье громовского вездехода и, уплетая огромный бутерброд из запасов охраны, довольно бодро отчитывался о своих приключениях... Только рассказ этот был довольно куцым, и самое главное – Кирилл не узнал никого из нападавших. Мешок на голове как-то не способствует зрительной памяти. А перед тем как загрузить его в багажник, оказывается, похитители и вовсе вырубili Кирилла... на всякий случай, очевидно. Громовы переглянулись с Гдовицким.

– Если бы близняшки не сломали на прошлом занятии подавители, я бы до утра не дожид, – заключил спасенный и зло договорил: – Знать бы, кто меня туда замуровал...

Федор Георгиевич хотел было что-то у него спросить, но в этот момент зазвонил браслет Гдовицкого, а через секунду и его собственный. Тут же и браслет боярина дал о себе знать. Громовы и начальник службы безопасности обеспокоенно переглянулись и развернули экраны. По мере того как они выслушивали то, что говорили абоненты, их лица все больше и больше вытягивались, но они так и не сказали ни слова, пока не свернули экраны.

– По машинам. – Отдав приказ охране, Владимир Александрович тяжело вздохнул и, забравшись на водительское сиденье вездехода, завел двигатель. Хлопнула задняя дверь, и рядом с клюющим носом Кириллом на сиденье уселся явно недовольный дед. Глянул искоса на внука и вздохнул.

– Судьба, наверное.

– Примите мои соболезнования, – тихо проговорил Гдовицкой, обращаясь к сидящему рядом наследнику. Тот в ответ лишь кивнул и махнул рукой.

– Дядя Федор, что-то случилось? – нахмурившись, спросил Кирилл, когда вереница автомобилей уже вывернула на шоссе.

Но вместо ушедшего в себя наследника рода ответил дед:

– Тетка твоя преставилась. Сегодня ночью. Опоздали...

Глава 3. Ходячие мертвецы, неходячие мертвецы

Выкапывался я долго, чуть ли не дольше, чем срезал приваренную жестяную крышку моего «гроба», но не потому что было так уж сложно или тяжело. Хотя назвать простым этот процесс у меня язык не повернется. Жутко муторное и... «неудобное» занятие, осложнявшееся тем, что, выкапываясь, я одновременно пытался «прощупать» пространство надо мной в Эфире. И, лишь убедившись, что в радиусе полукилометра нет ни одной живой души, я наконец обрушил тонкий «потолок», который удерживал над собой слабым кинетическим щитом.

Выбравшись в конце концов из этой могилы, я на всякий случай огляделся по сторонам и, узрев «лунный» пейзаж вокруг, невольно выматерился. В сгущающихся сумерках песчаный карьер, на дне которого меня похоронили, производил весьма унылое впечатление. Но причина моей реакции была в другом. В городе нет мест, подобных этому. А значит, я за пределами Москвы... Плохая новость, учитывая мои планы...

Да, я решил не пускать дело на самотек и как можно скорее вернуть долг Ирине Михайловне. А если повезет, то и ее «братiku Роме». Не дурак ведь и понимаю: стоит мне теперь «засветиться» – и в ход пойдут куда менее изощренные, зато более надежные способы убийства. Оно мне надо? Вот уж на фиг. А значит... значит, надо действовать. И первым делом мне необходимо добраться до города.

Выбравшись из карьера и оказавшись на шоссе, я очистил воздухом свою одежду... насколько это было возможно, и поднял руку. Автостоп – он и в другом мире автостоп!

Движение на трассе оказалось довольно оживленным, так что спустя каких-то десять минут я уже забирался по высоким ступенькам в о-очень просторную кабину огромного седель-

ного тягача. К моему удивлению, кресло в нем было только одно – понятное дело, водительское. Оно оказалось расположено точно на продольной оси кабины, и сам водитель в нем в результате больше напоминал пилота какого-то футуристического летательного аппарата. А панорамное лобовое стекло, изящной дугой обогнувшее «подкову» приборной доски, и вовсе наводило на мысли о «звездолетах», как их показывали в старых фантастических фильмах Там. В общем, место для меня нашлось только на расположенной за спиной водителя широкой спальной полке. Очень широкой полке...

Грузовик неожиданно мягко тронулся с места, и тут... в общем, я понял, что забыл сделать одну важную вещь. Сообщив об этом водителю, я удостоился легкого смеха и снисходительного объяснения.

– Парень, это же континентальник! Спустись в прихожую, дверь в туалет будет справа от тебя... Только смотри, не перепутай, а то еще вылетишь на дорогу, – бросил мне водила этого монстра.

Честно говоря, находясь под впечатлением от такого «сервиса», я даже на время позабыл о своих планах. Спустившись обратно в закуток у входной двери, прозванный водителем «прихожей», я покрутил головой и заметил справа от себя низкую неприметную дверцу, отодвинув которую в сторону, оказался в небольшом помещении, расположенном, кажется, аккуратно под спальным местом водителя. Точнее, нижней полкой. А я еще удивлялся ее ширине и понимающе хихикал. Однако... Да, места в туалете оказалось совсем немного, пожалуй, даже меньше, чем в санузле пассажирского вагона, зато здесь даже имелся душ! Хочу такую машину. Вместо полуприцепа засандалить нормальный кузов с кухней и спальней – и готова натуральная «вилла на колесах»... Мечта!

Насладившись достижениями цивилизации, я вернулся в кабину тягача и, устроившись на полке за спиной водителя, уставился на пролетающий за изогнутым стеклом пейзаж.

Первым моим порывом, когда я выбрался из карьера, было добраться до дома, а уже оттуда рвануть в имение, но после недолгих размышлений я отбросил эту идею как неподходящую. Кто его знает, что меня там ждет. А значит, мой путь лежит напрямую в имение. Сомневаюсь, что супруга наследника рода Громовых позволит себе не вернуться вечером домой. По крайней мере, раньше такого не было, а визиты в гости, тем более не на вечер, а, так сказать, с ночевкой, всегда обговаривались заранее. Очень-очень заранее. Московские традиции, однако. Суровое наследство средневекового прошлого и т. д., и т. п. М-да уж.

Мимо промелькнула кольцевая, и наш тягач, шипя, притормозил и скатился по «лепестку» развязки на его внутреннюю сторону. А через несколько минут и вовсе остановился у башни подвесного пешеходного перехода, рядом с автобусной остановкой.

– Приехали, парень, – констатировал водила, кивая в сторону пустого навеса, подсвеченного табло расписания.

– Спасибо, Виктор Кузьмич. Выручили, – я пожал руку водителю и, пожелав ему счастливого пути, выбрался на улицу. Тягач тихо загудел и покатил по кольцу, плавно набирая скорость.

Перейдя на другую сторону широкого десятиполосного шоссе, я запрыгнул в подошедший полупустой автобус и, продемонстрировав голые запястья, скорчил шоферу извиняющуюся мину.

– Что, ограбили? – оценив мой слегка потрепанный вид, спросил тот, закрывая двери.

– Если бы. Друзья пошутили, – вздохнул я. – Заснул на пикнике, а проснулся... ни друзей, ни шашлыка... ни денег с браслетом. Вот теперь до дома добираюсь.

– Ладно... занимай место, жертва обстоятельств, – покачав головой, усатый шофер махнул рукой в сторону салона и, захлопнув двери, тронул автобус с места. Нет, можно было бы, конечно, попробовать укрыться отводом глаз, но тогда водитель просто проехал бы мимо остановки. А что? Выходящих нет, под навесом пусто. Имеет право. Вот и пришлось выдумывать...

Через сорок минут я уже был недалеко от имения. По прямой от кольца до Бесед не больше пяти километров, так что действительно недалеко. Только добираться до бывшего дома по шоссе я не стал и свернул в лес. На кой мне светиться на дорожных фиксаторах?

Добравшись до знакомой опушки, я взглянул на темную громаду каменного забора, опоясывающего имение, и, предельно аккуратно, можно сказать, нежно тронув Эфир, прислушался к откликам. Раз, два, три... шесть разных, но компактно расположенных датчиков. Все, как и должно быть. Уж за прошедшие-то годы, за все эти игры в «зарницу» с близнецами и Алексеем систему безопасности усадьбы я выучил, что называется, на «ять»...

Нет, стоп. Должно быть что-то еще... Припав к земле, отправляю легкий эфирный посыл в сторону стены и довольно киваю. Вот и «подстраховка». Хм, а теперь надо решить, как их обойти так, чтобы не побеспокоить...

Покинув на всякий пожарный опушку, я добрался до небольшой полянки в лесу и, усевшись на поваленное дерево, задумался. Можно было бы, конечно, просто выжечь фиксаторы, как браслет Гдовицкого тогда, на заимке... но могу поспорить, стоит мне это проделать, как к месту «обрыва» сбегутся жутко недовольные тревогой охранники. Оно мне надо? Нет. И как быть? Стихии здесь мне тоже не помощники. Ни на секунду не сомневаюсь, что львиная доля фиксаторов здешней системы контроля как раз и заточена на улавливание стихийных воздействий... В общем, не вариант.

Опомнившись, я скинул отвод глаз, под которым рассматривал систему защиты поместья, и...

Стоп! А что я, собственно, мучаюсь? Ведь здешние датчики-фиксаторы – это не Тамошняя техника. Они реагируют не на реальное изменение физических параметров в контролируемом объеме, а воспринимают эфирные искажения, возникающие в результате тех самых изменений. А потом уже переводят их в понятный любому неодаренному вид. Считается, что такие записи невозможно подделать и нельзя пройти через фиксируемый датчиками объем незамеченным. Ха... Ну-ну.

Но ведь отвод глаз как раз и создан для того, чтобы снижать возмущения в Эфире! Он не делает человека невидимым или неосязаемым, а лишь выравнивает эфирный фон, размывая те возмущения, что укрытый отводом глаз объект вносит в окружающую среду своим присутствием... Именно поэтому порой обмануть неодаренного отводом глаз бывает сложнее, чем иного стихийника. Не всех и не всегда, конечно, но тем не менее... Что наводит на определенные размышления о природе Дара. Впрочем, об этом можно подумать и в другой раз, как выдастся свободное время. А сейчас у меня совсем другая задача, скажем прямо, не располагающая к философским размышлениям...

Конечно, для идеального размытия, вплоть до полного исчезновения всех «лишних» возмущений, нужна огромная концентрация и филигранная работа с Эфиром, но кто сказал, что мне это не по плечу? Ничего принципиально невыполнимого здесь нет. Тем более что частично этот прием я уже использовал совсем недавно, между прочим, когда скрывал от фиксаторов браслета возмущения, оставляемые моим телом, изображая труп. А значит... за работу.

Я глубоко вздохнул и одним отработанным до автоматизма усилием накиннул на себя давно ставший привычным отвод глаз. Тронув Эфир, оглядел себя со всех сторон и принялся за работу. Максимально выровняв биение потоков силы в теле, я начал потихоньку сливать их с окружающим меня морем энергии. Через минуту я чувствовал себя так, словно погрузился в воду, температура которой идеально совпадает с температурой моего тела. Я уже не мог сказать, где кончается моя собственная энергия и начинается то самое море Эфира, да и самого тела почти не ощущал, оно будто растворилось в окружающей среде... Зато... поморщившись от возмущения Эфира, разошедшегося от меня в разные стороны волнами, словно кругами по водной глади, я окинул себя взглядом «со стороны» и улыбнулся. Сработало...

Поднявшись на ноги и старательно поддерживая концентрацию, я сделал несколько шагов из стороны в сторону, подпрыгнул, пробежался по полянке и, убедившись, что поддержание отвода не требует слишком уж больших усилий, ускорившись, ударил кулаком по бревну. Хруст треснувшего дерева да легкая, почти мгновенно растаявшая рябь в Эфире – вот и все последствия. Замечательно. Я скинул с себя доработанную технику и, прислушавшись к ощущениям, тихонько хмыкнул. Теперь понятно, почему гранды так не любят распространяться о своих умениях. За такое, пожалуй, и убить могут... *если* смогут.

Перемахнуть через трехметровую каменную стену усадьбы в тени «отвода», да еще и под разгоном, не составило никакого труда. И я, в очередной раз поблагодарив судьбу за то, что имение Беседы не является крепостью вроде тех, что были популярны у здешних бояр еще пару веков тому назад, скользнул уже вдоль внутренней стороны стены к жилому корпусу.

М-да. Крепости снесли, а привычки-то остались. Вот и сейчас, оказавшись у входа в основной корпус, я застыл на месте, пережидая, пока вышедшие на крыльцо охранники докурят и скроются в доме. Теперь мне надо пройти следом за ними, через сени и своеобразную кордегардию, где постоянно находятся пять-шесть бойцов рода, что называется, в готовности номер раз. Именно об этом я и говорил, когда упоминал о традициях. Правда, теперь это помещение зовется не «дружинной» или, на европейский манер, кордегардией, а «людской»... будто от этого меняется смысл. Хм.

Без опаски прошупав Эфир, благо подступы к усадьбе контролировались на порядок серьезнее, чем сама территория, поскольку у охраны нет никакого желания бежать по тревоге на каждый эфирный всплеск, я изменил решение и, нырнув в тень под стеной дома, скользнул вдоль нее в поисках места, более удобного для проникновения, чем набитый народом парадный вход.

Проходя под открытым окном пультавой, соседствующей с людской, я невольно замедлил шаг, услышав разговор охранников. Уж больно тема беседы оказалась интересной.

Узнав, что Громы вместе с Гдовицким в полном составе отправились на поиски моей персоны, я даже на миг опешил. Только подслушать что-либо еще мне не удалось. Старший смены рывкнул на болтунов, и те заткнулись. Впрочем, нет. Кое-что еще понять получилось. Информация о моей пропаже скрывается, причем в том числе и от родовичей. Хм... честное слово, если бы не прошлое бездействие боярина, я бы, наверное, мог сейчас со спокойной душой вернуться домой. Да только если припомнить его безразличие, мне кажется, что первая леди рода, как и ее отпрыски в прошлом, выйдет сухой из воды. А значит... все-таки придется наказать ее самому... а потом быстро-быстро бежать обратно в карьер и закапываться. Грех упускать такое алиби, а в том, что Громы обязательно меня там отыщут, я не сомневаюсь.

С этими мыслями я и отчалил от окна пультавой... чтобы через минуту обнаружить открытую балконную дверь на втором этаже дома. То, что доктор прописал!

* * *

Сон не шел. Стоило Ирине чуть глубже погрузиться в дремоту, как она слышала сдавленное сипение и хрип, а перед внутренним взором представало бессмысленно разевающее рот лицо пятнадцатилетнего мальчишки... Ирина вздрагивала и тут же просыпалась в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. Вот и сейчас, вынырнув из дремы, она тяжело вздохнула и, открыв глаза, вдруг замерла в ужасе. Сон не закончился! Лицо Кирилла, бледное, отрешенное, нависло над Ириной, а в следующую секунду сердце женщины пропустило удар, в глазах потемнело, и... привидевшееся лицо убитого ею племянника растворилось в темноте... вечной.

* * *

Самым сложным в моем экспромте оказался вовсе не вопрос незаметного проникновения на территорию поместья, и даже не маскировка убийства столь чутко спавшей в своей спальне супруги наследника рода под обычный insult. Нет, куда сложнее оказалось закопаться обратно в тот ящик, что по задумке брата покойной должен был стать моим гробом. А уж выгребсти из него весь сброшенный на дно во время выкапывания, песок... потом приварить обратно срезанную крышку бака и – вслепую! – ориентируясь только по эфирным возмущениям, на пределе своих невеликих сил, пользуясь воздушным щитом, как банальной лопатой, погребсти свой «гроб» под наваленной рядом с ямой кучей грунта, а потом еще и выровнять поверхность «водяной дорожкой», – вот это было по-настоящему трудно!

Но я справился. Хотя как подумаю, на каком волоске висело все это мероприятие, дурно становится. Ведь с момента моего «самозахоронения» до появления в карьере вереницы громовских вездеходов прошло всего полтора часа! Повезло, что по дороге в Москву мне попался тот водила и не пришлось тратить время на общественный транспорт. За городом он ходит куда реже. В этом случае я прибыл бы на место не раньше полуночи. И вдвойне повезло, что о поисках, проводимых Гдовицким и Громовым-младшим, я услышал в имении от ночной смены охранников, убивавших время дежурства болтовней. Из-за этого я даже отказался от идеи допроса Ирины Михайловны насчет ее «помощников». Пришлось ограничиться беглым просмотром инфы с ее браслета... А потом бежать под разгоном добрых сорок километров. В результате, когда меня изымали из «гроба», я действительно чуть дышал... правда, тут дело было не только в выматывающем беге на пределе сил, но и в самом процессе «закапывания». Клянусь, никогда больше не пойду на такую авантюру. Ведь и вправду чуть не сдох...

Передернувшись от дурных воспоминаний прошедшей сумасшедшей ночи, я не заметил, как задремал на заднем сиденье вездехода, под чутким присмотром вдруг ставшего чрезвычайно внимательным ко мне деда.

А проснулся уже в постели, в знакомой комнате... Имение Беседы, моя бывшая спальня. Хм. А неплохо. И не скажешь, что здесь ремонт делали... если, конечно, не знать, куда смотреть. Вот, например, новенький подоконник и оконная рама. А здесь – чуть отличающиеся по цвету, явно замененные плашки паркета... Стол, шкаф, тумбочка... ну, тут ничего нового. Огонь их пощадил, так что стоят себе, как стояли... Мысли медленно ворочались в голове, сонно, неторопливо. Я зевнул и, бросив взгляд на часы, висящие над дверью в ванную, скрикнул. Половина третьего! Подскочив с кровати, метнулся в ванную... наскоро приняв душ и почистив зубы, вернулся в комнату и, надев свои шмотки, к счастью, не очень-то пострадавшие этой ночью, распахнув окно, сиганул прямо на клумбу.

– Кирилл?

Я оглянулся и мысленно застонал. Ну почему именно он?!

– Здравствуй, Алексей, – я кивнул стоящему на дорожке двоюродному брату и окинул его настороженным взглядом. Знает. Лицо осунувшееся, бледное. Веки красные... Ну извини, Леша, никто не заставлял твою мамочку живьем закапывать родного племянника. По делам и награда.

– Ты слышал? – проигнорировав мое приветствие, тихо проговорил Алексей.

– Дяде Федору при мне сообщили. Сочувствую... – коротко ответил я.

– Да что ты... – Алексей осекся и, шумно выдохнув, продолжил уже мягче: – Извини. Кому и понимать, как не тебе. – И тут же сменил тему: – Ты сбежать хочешь?

– Да. – А как еще объяснить мои прыжки в окно? Лучше уж правду сказать.

– Давай подброшу до метро, – неожиданно предложил Алексей и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: – Не хочу здесь оставаться. Все носятся, суется... и каждый норовит со своими соболезнаваниями в душу влезть. Достали...

– Буду благодарен, – кивнул я.

До машины Алексея мы добрались без приключений, а на КПП нас даже ни о чем не спросили. Только Гдовицкому доложили... и шлагбаум взвился вверх.

– Что ты там с Линкой сотворил? – поинтересовался Алексей спустя четверть часа полной тишины.

– За длинный язык наказал, – пожал я плечами. – Она по гимназии слухи обо мне распускать начала... мягко говоря, нехорошие. Вот и огребла.

– Понятно, – коротко кивнул в ответ Алексей, не сводя взгляда с дороги. – Доигралась все-таки.

– А тебя это не... хм-м... не раздражает? – спросил я.

Честно говоря, сидя рядом с человеком, матери которого совсем недавно организовал то, что раньше именовалось апоплексическим ударом, я чувствовал себя не в своей тарелке. Неуютно... Не могу сказать, что у меня кошки на душе скребли от осознания совершенного убийства... сколько их за моей спиной... привык. Только тогда была служба, война... И мне не приходилось общаться с родственниками моих противников. А сейчас, глядя на вот этого хмурого семнадцатилетнего пацана, сжимающего рулевое колесо и вперившего взгляд в дорогу, я чувствовал себя... совсем не хорошо. И я действительно сочувствовал Алексею. Да, его мать, мягко говоря, не была образцом добродетели, но ведь это не его вина, правильно? С другой стороны, других вариантов она мне не оставила. Так что... Совесть, к ногге.

Алексей в ответ на мой вопрос только неопределенно дернул плечом.

– Не знаю, Кирилл. Я сейчас вообще ничего не знаю... – Автомобиль резко затормозил и прижался к обочине. Алексей кивнул на вход метро: – Ладно. Выходи, приехали.

– Спасибо за помощь. – Я распахнул дверь и спрыгнул на тротуар.

– Не за что. Похороны послезавтра. Если надумаешь, позвони, я пришлю машину.

Покачав отрицательно головой, я захлопнул дверь, и вездеход Алексея сорвался с места.

Посмотрев вслед автомобилю, я тряхнул головой и устремился к метро. И только оказавшись у турникетов, вспомнил, что у меня нет ни копейки денег. Ну, не хожу я по дому с кошельком в кармане. Не хожу. Ну и черт с ним. Разгон, и злобные турникеты захлопываются уже за моей спиной. Короткая пробежка по эскалатору – и вот я уже на станции метро «Пресненская»⁷. А полчаса спустя, выйдя на Каланчовую площадь и не увидев ни одной машины на перекрестке, я плюнул на правила и помчался напрямик через проезжую часть. Времени до встречи на полигоне оставалось все меньше, а значит, надо было поторопиться.

Запах гари достиг моего носа раньше, чем глаза увидели снесенные ворота бывшего конного клуба. Я прошел через пустой проем в заборе с покосившимися воротными столбами и, оказавшись во дворе, решительно двинулся в дом. У меня еще будет время оценить весь ущерб. А пока нужно собрать запасную одежду, оседлать мотоцикл и ехать на школьный полигон...

Рыжий взревел и, выбросив из-под заднего колеса облако пыли, рванул по просеке. Дуэль – не самое важное дело на сегодня. Но если я ее пропущу, о нормальной учебе можно будет забыть. А это три года, между прочим, и я совсем не хочу, чтобы они были потрачены на постоянное доказывание окружающим своей силы и самостоятельности.

– Кирилл, ты рехнулся? – Бестужев нервно вышагивал по скамейке за моей спиной. Я же просто наслаждался хорошей солнечной погодой и сигаретой, последней в пачке, как оказалось. Нервное состояние после прошедшей ночи и короткой беседы с Алексеем нехотя растворялось в ароматном дыму и таяло вместе с ним. Хо-ро-шо.

⁷ «Пресненская» соответствует реальной станции московского метро «Баррикадная».

– Леня, успокойся. Ну хочется нашему старосте оказаться в больнице. Так кто ему злобный доктор? – лениво взглянув на мечущегося Бестужева, спокойно проговорила Вербицкая и вернулась к своему чрезвычайно важному занятию – доведению ногтей до совершенства.

– Маша! И ты? – с интонациями умирающего Цезаря возопил Бестужев. – Их же трое! Трое, понимаешь? Да они и поодиночке-то его к врачам отправят. А всей компанией сразу – вообще уложат в могилу... И не надо мне говорить, что это спарринг, а не дуэль! Все равно закопают!

– Кто-нибудь, уговорите этого белобрысого, – пробормотал Резанов, сидевший на лавке, следующей за той, по которой метался Леонид. – У меня уже голова от его беготни кружится...

– Леня, действительно сядь уже и успокойся, – я дернул приятеля за штанину, и тот нехотя, с сопением опустился на лавку.

М-да, когда я сообщил Бестужеву, на каких условиях хочу провести «спарринг», он чуть не рехнулся. Но, вздохнув и успокоившись, пошел договариваться с противной стороной. Я же просто не желал тратить свое время... и очень сильно рассчитывал пресечь этим шагом дальнейшие наезды, хотя бы на полгода... Естественно, что посмотреть на представление собралось чуть ли не полшколы. Кому-то было просто интересно, кто-то желал полюбоваться на то, как старшеклассники «раскатают в блин наглого новичка»... а кто-то и вовсе на полном серьезе утверждал, что таким образом я решил покончить с собой, не в силах вынести позора изгнания... М-да. В общем, равнодушных не было. Я окинул взглядом забитый зрителями «амфитеатр» и хмыкнул. Но насладиться этим зрелищем мне не дал усиленный эфирной техникой голос распорядителя, роль которого взял на себя наш физрук.

– Поединщики, в круг.

Не знаю, как Леонид умудрился договориться о варианте боя с условием «трое против одного», но он это сделал. Мало того, этот реактивный белобрысый хорек еще и тотализатор успел организовать... нелегальный, разумеется. Так что сейчас, заняв свое место в кругу и наблюдая, как противники расходятся по своим местам, метрах в двадцати от меня, я отрешенно пытался подсчитать свой будущий барыш и ждал отмашки судьи.

Глава 4. Ловкость рук, и никакого мошенства

Вспоминаю школу Кириллова отца – и начинаю «отыгрывать стихийника». Прыжок в разгоне, правда, необычно медленным для меня, сопровождаемый легким «воздушным шлейфом» за спиной, по внешнему виду и ощущению в Эфире мало отличается от техники «паруса», используемого новиками для быстрого перемещения на короткие расстояния. А диск кинетического эфирного щита в оболочке водной стихии очень похож на «лезвие». Жаль, что его мощь уступает настоящему «радужному лезвию». Пришлось добывать водный щит Стародубова, почему-то решившего изобразить статую, эфирной «иглой», охлажденной до температуры жидкого азота.

Защита новика с хрустом рассыпается ледяным крошевом, и удар простейшего «кулака» опрокидывает первого противника наземь. Долго? Для зрителей с начала нашего боя прошло не больше пяти секунд. Ильин за это время успел швырнуть по моей «стартовой» площадке ледяной же «шрапнелью», разогнанной до бешеной скорости. Мимо. А вот «арамис» в бурлящем коконе мощного щита принялся смещаться в сторону. Сокращает дистанцию?

Увернувшись от очередного удара здоровым таким воздушным «веретеном», я пустил в сторону Ильина пару таких же замаскированных кинетических щитов, каким «угостил» Стародубова, но «атос», удивительно точно просчитав траекторию их полета, просто развернулся боком, одновременно наращивая мощь собственного щита с атакуемой стороны. Есть! Повинуясь моей воле, кинетические щиты резко сменили направление в попытке слиться в один и... грохнули с двух сторон по Илье. Удержать равновесие, когда тебя с двух сторон лупит,

словно тараном, довольно трудно, а если в этот момент еще и получить мощный удар ногой в лицо, пусть и защищенное стихийной техникой... Ильин ошибся: ему надо было привязывать щит не к себе, а к собственному местоположению, но он не захотел терять подвижности... Ошеломленный сразу двумя ударами, «атос» не успел отследить моего приближения и закономерно проиграл. Хотя щит его так и остался активированным. А вот теперь пришла очередь Винокурова.

Пока я бегал по полигону, выводя из строя его дружков, этот ушлый парень после первой попытки приблизиться разорвал дистанцию и внимательно наблюдал за моими действиями, не делая ни единого поползновения помешать. Некрасиво? Зато он сделал выводы из поражения приятелей. Кипящий водяной кокон преобразился. Теперь это был не стесняющий движений диск, зафиксированный на левой руке, словно настоящий щит. А в правой возник уже виденный мною водяной хлыст.

Честно говоря, увидев приготовления Григория, я разочаровался. От воя я ожидал куда большего. Кажется, накрылся мой выигрыш...

Или нет? Увернувшись от полоснувшего воздух хлыста, я еле успел прикрыться эфирным щитом от ударившего во все стороны ледяного крошева, взорвавшегося там, где удар плети пришелся по земле.

Ринувшись вперед, я едва ушел от следующего удара хлыстом и, поднырнув под руку Григория, засветил ему по ребрам. «Арамис» отшатнулся и, скользя «водяной дорожкой», подался в сторону. Понимая, что на средней дистанции мне ничего не светит, я рванул следом за отступающим противником, пытаюсь сократить расстояние. Облом. Здесь меня встретил неожиданно разросшийся в стороны щит Григория. Трансформированная техника, словно локомотив, снесла меня к самому куполу, вдавила в него и спустя секунду рассыпалась водяной пылью. А я с облегчением сполз по вибрирующей от удара стенке купола наземь.

Глянув на вяло махнувшего рукой зрителям Григория, я с легким удивлением понял, что он не очень-то доволен исходом боя, да и косится в мою сторону с каким-то странным выражением лица. Ну и ладно. С этим можно и потом разобраться. А пока у меня есть куда более важные дела...

Купол сняли, и одноклассники бросились на полигон растаскивать тела «гладиаторов». Рядом со мной тут же оказался недовольный Леонид и улыбающаяся Вербицкая.

– Ты специально это сделал, – ткнул меня пальцем в грудь Бестужев, когда вокруг не осталось никого, кроме все той же довольной, словно кошка, придавившая мышку, Вербицкой.

– Кхм...

– Ай, оставь, – отмахнулся Леонид, проследив мой выразительный взгляд, обращенный на Машу, тут же состроившую из себя олицетворение наивности. Ну да, ну да, это у нее замечательно получается. – Она в курсе дела и поставила ту же сумму и на тот же исход, что и твой агент.

– МОЙ агент? – «удивился» я, и Леонид надулся. Правильно. Если уж не смог сохранить в тайне такое дело, не надейся, что с твоими секретиками не поступят так же.

– Ладно-ладно. Это был мой агент. Доволен? – Бестужев тяжело вздохнул. – И все-таки ты сделал это специально. Я уверен.

Засунь свою уверенность подальше, дорогой друг-товарищ. Я не собирался устраивать шоу мастера Эфира. Кто знает, тот знает, а остальным и не надо.

– Машенька, милая, скажи, пожалуйста, тебе не стыдно? – вздохнув, обратился я к однокласснице.

– Стыдно? За что? – захлопала ресницами наша актриса.

– Ты же ополовинила мой выигрыш. Фактически ограбила сироту, – улыбнулся я.

– Во-первых, не ополовинила, а уменьшила едва ли на четверть. А во-вторых... Хм. Прошу прощения, но... где доказательства? – мило улыбнулась девушка. – Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь, *дорогой*...

– Она воспользовалась услугами того же агента, – вздохнул Леонид. – Ну, и сам он тоже поучаствовал, но это было оговорено заранее.

– А думать надо было, кого в агенты выбирать. Солидарность рода, слышал о такой? – рассмеялась Вербицкая. – Твой агент, Леня, мой родной брат. Неужели, заметив, как вы с ним секретничаете, я не поинтересовалась, о чем шла речь?

– Издержки системы, – фыркнул я в ответ на печальную гримасу, скорченную Бестужевым.

Обижаться на Вербицкую, равно как и беспокоиться о том, что она может меня выдать, я не собирался. Ни ей самой, ни ее родственнику – агенту Леониду – это просто не выгодно. Ведь тогда придется вскрывать информацию о том, что они сами наварились на этом... инсайте.

Это был очень долгий день. И слишком насыщенный, тем более для пятнадцатилетнего пацана. Так что, добравшись до дома, я даже не стал заморачиваться с приготовлением ужина и, бросив сверток с выигрышем на стол... почти две тысячи рублей, между прочим... поплелся в спальню.

Утром я поднялся отдохнувшим, но вот насчет свежести... Хм. М-да... Приняв душ, я вышел в общую комнату, и мой взгляд упал на брошенные на столе конверт и сверток. Мотнув головой, я решил разбираться с делами на сытый желудок и двинулся готовить завтрак.

С подозрением осмотрев имеющийся в холодильнике выбор, я решил, что сегодняшней завтрак должен быть посущественнее, и, выудив из морозилки солидный шмат мяса, принялся пластать его куцыми «воздушными лезвиями». Получилось четыре порции. Воздух вокруг разложенного на разделочной доске мяса нагрелся, и через несколько минут я бросил первые два куска прямо на раскаленную ребристую поверхность плиты, предварительно сбрызнутую маслом. Пока мой завтрак подрумянивался, я как раз успел порезать овощи и приготовить лимонный соус.

На все про все у меня ушло едва ли четверть часа, но я все равно чуть слюной не изошел, когда по комнате пополз сногсшибательный аромат жареного мяса.

Стейки на тарелку, крупную соль в плошку, салат в миску, и все это на стол. Оголодавший за прошедшие сутки желудок что-то радостно рявкнул, и... Через десять минут я задумчиво глянул на опустевшую посуду, покосился в сторону кухни, но в конце концов оставил мысль о добавке и решил заняться делами.

И тут меня ждал облом. Браслетов-то нет... а значит, ни позвонить кому, ни в паутинку залезть не получится. Пришлось отбросить мысль о созвоне с Леонидом с последующей отмазкой от посещения гимназии и, вздохнув, выбираться из дома.

Алексеевские ряды встретили меня непрекращающимся гомоном снующих туда-сюда покупателей. Нырнув в первый же попавшийся магазин подходящего профиля, я недолго думая выбрал себе «Дакомовский» браслет из той же линейки, что и прошлый, купленный в этих же рядах, разве что на этот раз артефакт был из разряда действительно «неубиваемых». Но и цена у него оказалась соответственной – почти шестьдесят рублей. И еще десятка ушла на «чужой» кристалл-идентификатор. Гады. А в прошлый раз было дешевле... в два раза. У-у... крохоборы.

Скинув свой новый номер Леониду, я ничуть не удивился тому, что спустя минуту браслет задрожал, сообщая о входящем вызове.

– Кирилл, здорово, – тут же затараторил Бестужев. – Слушай, а можно увеличить количество человек в группе? А то у нас желающих сходить в музей набирается чуть ли не в полтора раза больше.

– Извини, Леня, но мне кажется, пока не время обращаться к Федору Георгиевичу с таким вопросом. У него сейчас другим голова забита... Извини, – покачал я головой.

– О... И ничего нельзя сделать? – погрузился Бестужев.

– Вряд ли. Я, по крайней мере, не возьмусь.

– А...

– Можешь попытаться узнать у своего отца, но если я не ошибаюсь, и он достаточно информирован и скажет тебе то же самое, – перебил я приятеля.

– Понятно, – медленно проговорил Леонид и тут же повеселел. – Ладно. Ты как, сегодня почтишь гимназию своим присутствием или будешь изображать раненого героя?

– Почту-почту. Куда же я денусь! – вздохнул я.

Мне нужно отдохнуть. Это очевидно. Вал событий скоро просто погребет меня под собой. И в то же время я понимаю, что времени на отдых у меня нет. Дамокловым мечом нависает ситуация с братом Ирины Михайловны. Ждет встречи глава рода Бестужевых, нервирует странная суэта Громова-младшего с Гдовицким и странное поведение Громова-старшего... а тут еще и Григорий Винокуров нарисовался.

Вот он, стоит передо мной и ждет ответа на свой вопрос. И что я ему должен сказать?

– Господин Винокуров, я не понимаю, о чем вы говорите, – развожу руками.

– Вы, господин Николаев, могли выиграть, но не стали. Вы мастер Эфира, это я знаю точно. Так почему? – Григорий сверлит меня сердитым взглядом и, кажется, совершенно не желает отступать. А придется. Я не намерен всем и каждому объяснять свое нежелание становиться инструментом для доказательства чьей-то силы. А полная победа в тройном поединке стала бы красной тряпкой для желающих показать свою крутизну «мажоров». С другой стороны, бился бы я с каждым из этих «недомушкетеров» по отдельности – сам прослыл бы забиякой. То есть вошел бы в когорту все тех же меряющихся своими... хм, техниками юных балбесов. Те же яйца, вид сбоку. Нет уж. Частичный проигрыш был золотой серединой... заодно и денег поднял. Будет на что баню поставить вместо сожженной конюшни, не залезая в и так уже основательно распотрошенную кубышку. Но объяснять все это? Увольте.

– Это ваши домыслы. На полигоне я сделал все, что мог, – покачал я головой.

– Скорее, все, что хотел, – хмыкнул Винокуров... и сменил направление атаки. – До меня дошли слухи, что вы тренируете своих двоюродных сестер. Могу ли я поинтересоваться возможностью присоединиться к этим занятиям?

– Хм. Мы привыкли тренироваться вместе. Это единственная причина, почему время от времени сестры составляют мне компанию. Извините, господин Винокуров, но мне пора идти...

Вот ведь вцепился, а... Я отвесил своему собеседнику короткий поклон и, не дожидаясь ответа, слинял. Благо до звонка осталась всего пара минут.

Хм. Интересный вопрос... и ведь он не первый, кто мне его подкидывает. С чего бы это, спрашивается...

Но поразмышлять на эту тему мне не дал вошедший в класс учитель. История... для меня, человека из другого мира, этот урок должен был бы стать одним из самых интересных. Если бы не одно «но». Память Кирилла хранила, пусть и в общих чертах, довольно большой объем знаний. В том числе и об истории. Только, сравнивая наши знания, я так и не понял, когда же здешняя история пошла иначе, чем Там.

Когда выжил и занял престол Иоанн Иоаннович, сын Ивана Грозного, здесь зовущегося Монахом? И, кстати, заслуженно зовущегося. Оставив власть сыну, он действительно принял постриг и ушел в Кирилло-Белозерскую обитель под именем монаха Ионы... Так ведь нет. В том же веке, только чуть раньше, Франция и Испания дружно поделили Наваррское королевство, и семисотлетняя монархия исчезла с карты Европы куда раньше, чем это произошло Там. А объединенная в XV веке Италия, которой до сих пор правят Сфорца? Да и с Византией как-

то неудобно получается. От нее, правда, остался лишь небольшой огрызок по ту сторону пролива, и Никейские цари до сих пор время от времени плачутся, что гады-болгары отобрали у них Константинополь, начисто забывая о том, что болгары отбили этот город у крестоносцев, кстати, не без активной помощи Руси и давно ушедшей из-под власти иконоборцев Греции, и до самого издыхания Османской империи поддерживали никейцев войсками и деньгами. Но ведь осталась же!

В общем, все не так... И непонятно, когда оно все так изменилось. Или это результат появления бойцов-стихийников? Так непохоже. Если верить историкам, то до правления все того же приснопамятного Иоанна Монаха никаких упоминаний о подобных войнах почти нет. А вот позже... Хроники просто начинают пестрить описанием богатырей, повелевающих огнем и водой, воздухом и землей... А потом и вовсе появляются сведения о царской академии, готовящей знатных механикусов, гранильщиков и... божьим соизволением воинов пламени, воды, ветра и тверди...

Но что интересно, в Европе о стихийниках всерьез начинают говорить еще позже, примерно во второй половине семнадцатого века, и большей частью речь идет о представителях старых дворянских родов.

Звонок прозвенел неожиданно... и вовремя. Я вновь проголодался. А потому, едва учитель покинул класс, кинулся в столовую. Где меня и поймал удивленный Леонид.

– Кирилл, ты что здесь делаешь?

– Ем, – честно ответил я, нагружая поднос тарелками и плошками.

– А кабинет кулинарии на что? – прищурился Бестужев.

– Так там же и оборудования никакого нет! – удивился я.

– Да ты что! – деланно покачал головой Леонид и, раскрыв небольшую папку, продемонстрировал мне какой-то лист. – Подпись узнаешь?

– Ну? – заметив свою закорючку на бумаге, кивнул я.

– Что «ну»? Сам запрос подписал. Утром из запасников притащили все необходимое. Хоть сразу к плите становись, – усмехнулся Леонид.

– Замечательно. Продукты тоже из запасников вытащили? – вздохнул я, обходя Бестужева и опуская поднос на стол.

– Кхм... Ну, тут уж ты сам, – развел руками Лёня.

– Когда бы я успел, а? – отмахнулся я. – Я же в том кабинете еще не был ни разу.

– Кстати, о кабинетах. Тут «параллельные» интересовались на предмет присоединиться к нашим внеклассным занятиям... – проговорил Бестужев, опускаясь на стул напротив меня.

– И в чем проблема? – пожал я плечами. – Хотят – пусть присоединяются. Наши же не возражают?

– Нет, конечно. Вопрос в другом. Как это оформить?

– Леонид. Есть такая штука, называется «разумная инициатива». Например, берешь лист бумаги и пишешь на нем: «Заявление о допуске к участию в факультативных занятиях младшего «Б» класса Гимназии имени равноапостольного святого князя Владимира, от гимназиста имярек». Потом этот самый имярек добывает разрешающую резолюцию от ответственного за факультатив, и я, заверив указанную бумажку, тащу ее в администрацию. Но можешь придумать что-нибудь другое...

– Ты где такому научился, а? – ошарашенно проговорил Леонид. В ответ я активировал экран браслета и сбросил ему содержимое новенького кристалла-накопителя, полученного мною этим утром у Катерины М-Ф... да черт с ним, просто Катерины. Кристалла, положенного по уставу каждому старосте.

– Читай и наслаждайся. Здесь мудрость веков и тысяч наших предшественников, – пафосно провозгласил я и улыбнулся, глядя на кислую физиономию Бестужева, впечатленного объемом информации.

* * *

– Значит, так, да? – Рослый мужчина лет сорока на вид прошелся из угла в угол небольшой комнаты и, остановившись перед Григорием, окинул его внимательным взглядом. – Интересно. Очень интересно... А ты знаешь, что вчера он мог вообще не явиться?

– Как это? – не понял молодой человек. – Да ему за такое потом жизни в школе не дали бы.

– У него были очень серьезные основания для отмены встречи. Пока вы пытались с ним справиться, Громы вовсю готовились к похоронам супруги наследника рода, неожиданно скончавшейся той ночью.

– Он знал? – нахмурился Григорий и, получив в ответ кивок, вздохнул. – И все равно пришел.

– Именно. Но есть еще кое-что. Всего пока не расскажу, но... Вот послушай. На территории, арендованной Кириллом, сторает постройка, и там же обнаруживается полноценная группа захвата, которой руководит Гдовицкой. Команда сворачивается и, потушив пожар, уезжает в неизвестном направлении. Той же ночью умирает Ирина Михайловна, с которой, судя по слухам, в том числе и тем, что она сама распускала о племяннике, Кирилл находится в очень натянутых отношениях... На следующий же день этот самый Кирилл, изрядно потрепанный, кстати, *приезжает* домой и, оседлав мотоцикл, мчится на полигон, где раскидывает двух друзей и... спотыкается о тебя. На чем зарабатывает две тысячи рублей.

– Так вот зачем он проиграл! – воскликнул Григорий.

Но его собеседник только покачал головой.

– Ты не понял. Ничего не понял, – вздохнул взрослый. – Он продемонстрировал, что не может справиться с тобой, воем. А Ирина Михайловна, между прочим, была гриднем, слабым, но гриднем...

– Хочешь сказать, ему нужно было продемонстрировать, что он не мог убить тетку?

– Да, я крутил так и эдак, информации, конечно, маловато, но если не брать в расчет совсем уж сказочных вариантов, то позавчерашней ночью Гдовицкой доставил в Беседы юного Громова-Николаева для судебного поединка с Ириной. Парень эмансипирован и, в отличие от родичей, вполне мог объявить таковой. Хотя, судя по пожару, очень этого не хотел... Ну да, старый Георгий наверняка нашел подходящий аргумент для заартачившегося внука... А это означает, что Громы разорвали союз с Томилиными.

– Хм. А если ты ошибаешься? Как-то это все... слишком притянута за уши, – вздохнул Григорий.

– Просто есть тут кое-какие моменты, о которых рано говорить. Кое-какие шевеления между Томилиными и Громыми в области военных разработок. Трения, так сказать. Не слишком явные, но... они имеются, и не учитывать их нельзя. Да и... мы же не собираемся действовать наобум. Подождем, присмотримся... – усмехнувшись, протянул мужчина. – Нам ведь одного знака хватит, чтобы определиться, а там... Повоюем, сынок?

Григорий не был идиотом и отвечать на этот вопрос не стал. Ведь и так понятно, что тот был риторическим, а решение отец примет и без наследника...

Глава 5. Есть время разбрасывать камни – и время собирать камни

Дома, конечно, хорошо. Но только не в тот момент, когда на тебя вот-вот начнется охота. А я ни на секунду не сомневался, что стоит тому «братику» Роману узнать, что я выжил, – и он приложит все силы, чтобы избавиться от своей несостоявшейся жертвы. И до момента, когда

эта информация дойдет до родственничка покойной Ирины Михайловны, кажется, осталось совсем чуть-чуть. Так или иначе, но сомнений у меня в этом нет. Зато есть ощущение, что точкой отсчета, с которой я начну жить, так сказать, «в кредит», станет момент, когда гроб Громовой-Томилиной опустят в землю... То есть завтра после полудня. Надо что-то делать...

Окинув взглядом общую комнату, служащую мне и столовой, и гостиной, я задумался, но ненадолго. Как говорилось в одном старом анекдоте: «Чего тут думать? Прыгать надо». А значит, вспоминаем приключения в одной очень жаркой и очень душной стране – и вперед... за покупками. Конечно, ствол мне не продадут, не вышел ни именитостью, ни возрастом, да и в местных стрелковых клубах не числюсь, так что приобретение даже охотничьего ружья становится проблемой. Но кто сказал, что покупка – это единственный способ разжиться чем-то стреляющим? Вспоминая ту самую жаркую страну, со всей уверенностью могу заявить: обойдусь. Равно как и без покупки карманной артиллерии... тем более что гранаты, как и автоматическое оружие, к продаже частным лицам запрещены вообще, кроме разве что автоматических пистолетов... Но это не совсем то, что мне нужно. А то, что хотелось бы купить, могут приобретать только боярские роды для вооружения своих дружинников. Но пара заходов по хозяйственным лавкам-магазинам и несколько часов муторной возни в подсобке решат эту проблему. Так что за работу!

Составив список, я почесал затылок, и тут мой взгляд упал на деревянную тарелку, где были сложены выцарапанные из стен, стола и пола оперенные иглы, с помощью которых подручные Романа Томила пытались превратить меня в ежика. Хм. А кто сказал, что обязательно нужно делать все так же, как тогда?

Подбросив на ладони одну из игл, больше похожую на миниатюрный полностью металлический дротик для «дартс» с гибким оперением, я внимательно осмотрел иглу через мощную линзу, тут же сотворенную из воздуха, и невольно улыбнулся. Кажется, и здесь есть такая штука, как переснаряжение... Или инженеры, состряпавшие сей боеприпас, просто так удачно расположили на иглах гнезда для кристалла. В самой что ни на есть... кхм... короче, в перекрестье оперения. Повезло, вставить новые кристаллы труда не составит... А вот над остальным придется немного подумать. Рунескрипты и правила их составления хоть и были очень хорошо знакомы Кириллу, но того, что я хочу сотворить, он никогда не делал. А значит... значит, запускаю на браслете редактор – и за работу... Сложного здесь ничего нет, но нужно учесть форму, массу и размеры иглы, чтобы нанесенные руны не унесли ее хрен знает куда. И обсчитывать подобные вещи все же удобнее на комп... вычислителе, пусть даже и таком вот, облегченном его варианте.

Описание объекта и переменных, описание действия, контроль... не забыть учесть те самые переменные... триггер... Не-не-не. Стоп. Помимо самого действия, нужно внести кое-что еще... или? Ладно, проверим. Пары иголок мне не жалко. Вроде бы все просто, но, черт возьми, если бы не знания Кирилла, хрен бы я чего сейчас написал. Ну, далек я был в той жизни от этих заморочек. На компе разве что какую-нибудь игрушку мог запустить, не больше. А тут... не знаю, то ли Кирилл был гением, то ли это результат его исступленных поисков возможных способов собственного усиления... А может, действительно это очень просто... но через полтора часа корпения за экраном я получил вполне устраивающий меня результат. Осталось только его проверить на натурных испытаниях, так сказать.

Сохранив введенные данные и скомпилировав рунескрипт, я бросил взгляд на часы и, выматерившись, свернул экран браслета. Время-время-время...

Подхватив куртку, я выбежал из дома и, оседлав Рыжего, помчался за покупками... Но не успел вырваться на просеку, как вынужден был затормозить, заметив впереди какой-то отблеск. Тронув Эфир, я прислушался и хмыкнул. Автомобиль, большой, тяжелый. Внутри двое... и, кажется, я их знаю.

Откатив «Лисенка» за угол, образуемый стеной моей «усадьбы», я заглушил движок и, накинув отвод глаз, метнулся на противоположную сторону дорожки. Серая куртка и джинсы – не лучший камуфляж, но с помощью Эфира это не так уж важно... хотя...

Я сделал в памяти зарубку насчет покупки подходящей одежды и затаился. Рокот двигателя вездехода приближался, и уже через минуту я смог разглядеть тяжелые рубленые обводы машины, блистающую хромом решетку радиатора, такой же «кенгурятник» и номер... громовский. Ну конечно, сегодня же Мила должна была прийти на занятие... Но, честно говоря, я не думал, что она появится. Все-таки сейчас несколько неудачное время... Да и сомневаюсь я, что она сможет нормально заниматься, когда дома готовятся к похоронам ее матери.

Вездеход аккуратно въехал во двор, хлопнули двери, и Мила удивленно покосилась на до сих пор валяющиеся на земле створки ворот. Ну-ну. Это она еще не видела, во что превратилась конюшня...

– Николай, что здесь произошло? – тихим голосом спросила девушка у водителя. Тот хмыкнул и выудил из кармана пачку сигарет. Удачно. Мои как раз закончились... позавчера.

– Гости у меня были... веселые, – ответил я вместо Николая. Тот дернулся. Рука метнулась к кобуре, но, увидев меня, охранник только прошипел что-то невнятное сквозь зубы и попытался вытащить из зажатой в левой руке пачки сигарету. Вотще. Ни пачки, ни сигареты там не обнаружилось. Я успел раньше.

– С-стрелок, твою дивизию, – Николай явно хотел сказать что-то другое, но, покосившись на Милу, сдержался. Почти.

– Вернуть? – протянул я ему пачку. Но охранник только обреченно махнул рукой.

– Оставь. Тебе их не продадут, значит, все равно «стрелять» будешь.

– Беспокоишься о репутации фамилии Громовых, – понимающе кивнул я. – Конечно, просящий сигарету отпрыск боярского рода – это дурной тон. Правильно-правильно.

Я обернулся к серьезной и грустной Миле, отрешенно наблюдающей за нашим разговором, и кивнул:

– Здравствуй.

– Привет, – тихо ответила девушка. – Ты куда-то собрался? А наше занятие?

– Честно говоря, я не думал, что ты сегодня приедешь. Все-таки... – я не закончил, но Мила меня прекрасно поняла.

– Я хотела позвонить, но твой браслет не отвечал, – все тем же ровным и тихим тоном заговорила сестра. – А когда обратилась к отцу, он только пожал плечами и сказал, что если я не могу договориться об отмене занятия, то должна на него идти... Вот я здесь.

– Ясно, – кивнул я. – У меня действительно случилась неприятность с браслетом. Вот, запиши новый номер... только учти, он «левый», так что информацию на него лучше не присылать. Это только для звонков. Ладно?

– Неприятность? – Мила покосилась на створки ворот.

– Да, небольшая неприятность... – подтвердил я. – Может, пройдем в дом? Разносолов не обещаю, но чай с вареньем и ватрушками точно есть.

– Ты приготовил ватрушки? – удивленно хлопнула ресницами Мила, на миг вынырнув из своего безразличия.

– Нет, пока руки не дошли. Купил в лавке напротив Алексеевских рядов. Там замечательная выпечка, не хуже чем у вашего Ратмира.

– У нашего, – поправила меня сестра. В ответ я только пожал плечами.

– Извини. Но мне надо отвыкать от отождествления себя с Громовыми, – заметив тень недоумения, мелькнувшую на лице кузины, пояснил я.

– Понятно, – странным тоном протянула Мила. – И что, даже на похороны ма... Ирины Михайловны не приедешь?

– Зачем? Изображать скорбь по усопшей? Это будет лицемерием. Сочувствие? Я выражаю его тебе сейчас. С Алексеем и дядей Федором я уже объяснился. Мне нечего делать на похоронах Ирины Михайловны.

– Наверное, ты прав, – задумчиво проговорила Мила и попыталась улыбнуться. – Ты действительно мне сочувствуешь? Это не то лицемерие, о котором ты только что говорил?

– Я всегда думал, что в своем поколении ты самая умная в роду Громовых. – Я хмыкнул, отворяя дверь в сени. – Не разочаровывай меня, Мила. Ты не единственная, кто потерял мать.

– О... извини. – Надо же, она смутилась... Однако.

– До Алексея это дошло быстрее, – покачал я головой. И махнул рукой в сторону распахнутой двери: – Заходите, не стойте на пороге.

– А что, заниматься сегодня не будем? – заглянув в дверной проем, спросила сестра.

– Нет. В таком состоянии тебя к Эфиру на километр подпускать нельзя, – вздохнул я. – Да и у меня уже есть планы на оставшуюся часть дня, отменять которых я бы очень не хотел. Идемте в дом.

Николай попытался было отвертеться, но не вышло. Я усадил визитеров за стол, выставил перед ними чашки-сласти и занялся самоваром. А через каких-то полчаса мы уже вполне мирно беседовали, запивая теплые ватрушки крепким чаем. Даже странно как-то... В гости того и гляди один неудавшийся убийца нагрянет, а я, убийца вполне состоявшийся, с другой неудачницей чаи гоняю. Полный сюр...

Впрочем, разговор наш довольно быстро угас. Мила все чаще замыкалась в себе и смотрела невидящим взглядом куда-то за окно, а потом и вовсе замолчала, и за столом воцарилась тяжелая тишина. В общем, через час мои гости решили, что пора и честь знать, и свалили. Выпроводив визитеров, я облегченно вздохнул и, глянув на часы, поспешил на выход. В принципе, времени у меня было более чем достаточно, но... кто его знает, как пойдет дело с рунной затеей? Вдруг что-то засбоит, и мне придется обратиться к старым проверенным способам? Так что пусть лучше будет запас, тот самый, который карман не тянет.

«Лисенок» выстрелил песком из-под заднего колеса и, выбравшись на просеку, прибавил ходу. До закрытия магазинов еще часа три, а то и все четыре, но стоит поторопиться. Чем меньше времени я потрачу на покупки, тем больше его у меня останется на работу...

Казалось бы, имея схему вполне рабочего варианта, к чему выдумывать что-то новое? Но тут есть одно «но». Обычным огнестрелом, тем более такой «плевалкой», которую я только и способен собрать в условиях ограниченного доступа к нормальному металлу и инструменту, стихийника можно завалить разве что во сне. Мало того что любой одаренный *всегда* чувствует направленное на него негативное или, скорее, агрессивное внимание... ну, за исключением случаев вроде моего отвода глаз, да и то не уверен, что этот прием такая уж панацея. М-да... Так вот, мало этого – каждого одаренного, вне зависимости от его происхождения, первым делом обучают рефлекторной постановке стихийного кинетического щита в ответ на конкретное возмущение Эфира, сопровождающее выстрел. Причем хватит даже такого щита, какой мог бы выставить я сам. Собственно, именно поэтому подельники тетки и орудовали заряженными стрелками, а не обычным огнестрелом.

Это правило было введено в «Уложение о выявлении и обучении обладающих Даром» в восьмидесятых годах девятнадцатого века, то есть почти сто пятьдесят лет назад. Тогда как раз в моде оказался превентивный отстрел одаренных вероятного противника. Правда, практика эта достаточно быстро сошла на нет ввиду того, что стихийники разных стран, поняв, к чему идет дело, моментально забыли все межродовые склоки и, скооперировавшись, зачистили затеявших этот отстрел умников – последовательно, в каждой стране. Но уложение, как реакция на сам прецедент, осталось.

Кстати, ни на Востоке, ни в Азии и Африке почему-то стрелки не действовали, в отличие от Европы. Почему – уж бог весть. Соответственно и досталось больше всего именно Европе,

по которой стихийники прошли частым гребнем, причем кое-где, как, например, во Франции, под ответный удар попали и первые лица государства. Так, на оставшийся вакантным трон после смерти Наполеона III сел Антуан де Бурбон, принц Конде.

Хотя нет, была страна, вляпавшаяся куда глубже, чем вся Европа, вместе взятая. САСШ, бедная на одаренных молодая держава, в которой нашла свою опору католическая церковь, давний и последовательный противник одаренных. Она с удовольствием спонсировала своих европейских «друзей» и в результате получила десант из двухсот «ярких», или, по европейской классификации, «экселенц», которые, недолго думая, просто выжгли столичный Бостон огненным штормом, причем умудрились прихватить вместе с городом расположенную в пятидесяти километрах от него так называемую «заморскую резиденцию Римского престола» и духовную Академию святого Игнатия⁸, после чего вдвое увеличили Гудзонов залив, на берегу которого был возведен финансовый центр САСШ под названием Новый Амстердам⁹. Там, кстати говоря, постарались члены рода Оранье-Нассау, так и не забывшие голландцам отказа от института штатгальтера, хоть этот давний казус и привел в свое время представителя их рода Вильгельма Оранского на английский престол. Вот что значит настоящая злопамятность!

Так размышляя об извивах здешней истории, я сам не заметил, как добрался до магазинов, которые должны были дать мне все необходимое для создания небольшого арсенала. Вот чем хороши Алексеевские ряды – так это тем, что здесь можно найти все что угодно. В том числе и вполне приличные прицелы... Нет, я не собираюсь делать снайперскую винтовку. Да и без серьезной мастерской это гиблое дело, а я вовсе не гениальный механик. Так, с миру по нитке... как говорил один мой друг Там: «Я – дилетант широкого профиля... Ну, если не касаться основной профессии». Вот он как раз был настоящим механиком. Жаль, стигнул во взрыве... И ведь самое паршивое – не где-то в «зеленке» или песках погиб, хотя возможностей было хоть отбавляй, а уже в запасе. Вернулся Испанец в мастерскую чуть раньше окончания обеденного перерыва, а она возьми да и взлети на воздух. Только дым и пыль из выбитых окон столбом. Хоронить и то нечего было. Если бы не запись камеры, на которой было видно, как он входит в подвал, Игоря до сих пор бы, наверное, в пропавших без вести числили.

– Извините, вы что-то выбрали? – нарисовавшийся рядом консультант выдернул меня из размышлений-воспоминаний, как морковку из грядки.

– Да. Вот на этот прицел разрешите взглянуть? – кивнул я, указывая на знакомую по тренировкам в имении Громовых вещицу. Сам прицел мне ни к чему, а вот направляющее кольцо, идущее в комплекте с ним, – это то, что нужно. Очень важная штучка, которая должна исправить самый большой недостаток задуманной мною «плевалки», а именно – повысить точность боя до разумных пределов.

– О, увлекаетесь стрельбой из арбалета? – улыбнулся консультант. – Это замечательный выбор. Подойдет как для легкого... спортивного варианта, так и для серьезной охотничьей машинки. Кольцевые направляющие обеспечат точность выстрела, можно сказать, что его даже не нужно специально настраивать... Достаточно выставить на планке по оси – и... на расстоянии до ста пятидесяти метров попадание точно в цель обеспечено. Да, направляющему кольцу для работы требуются стандартные питающие кристаллы типа ноль-два. Лучше всего подойдут «горючие» у них очень высокий коэффициент при преобразовании Эфира в воздух. Да, забыл сказать, направляющее кольцо действует по принципу разреженного тоннеля. Работа не постоянная, кольцо включается, только когда болт проходит его приемный контур. Это обеспечивает сравнительно долгий срок службы кристаллов и великолепную скрытность, что осо-

⁸ Духовная академия Святого Игнатия – учебное заведение под патронатом Общества Иисуса, иначе называемого Орден иезуитов, получило свое имя в честь основателя Ордена Игнатия Лойолы. Орден является единственной католической организацией, принимающей в свои ряды одаренных.

⁹ Новый Амстердам – в описываемой истории город был построен в устье реки Мус. Уничтожен вместе со всем штатом Онтарио атакой кругом «экселенц» (ярких), собранным родом Нассау-Оранье, в 1881 году.

бенно ценно при охоте на животных, имеющих высокую чувствительность к Эфиру... Впрочем, возможен и ручной режим включения, но я им, честно говоря, не пользовался.

– Угум... – Я покрутил в руках прицел, соединенный изогнутой жесткой балкой с коротким цилиндром направляющего кольца, а консультант уже вытащил один из арбалетов, висевших на витрине.

– Вот, смотрите. Здесь простейшее соединение, унифицированное. – Продавец сноровисто привинтил прицел к выступающей над каналом планке, так что закрепленное на балке направляющее кольцо оказалось вынесено за «плечи» арбалета. Щелкнул фиксатор на стремени, и вся конструкция уже жестко закреплена на арбалете, так что при выстреле болт волевым пролетит сквозь направляющее кольцо. Ничего сверхсложного...

Кивая в такт тараторящему консультанту, оказавшемуся большим любителем самострелов, я мысленно прикидывал варианты и в результате вынужден был согласиться с выводом моего собеседника, что уйти из его магазина без такого вот арбалета я просто не имею права. Только его аргументы были здесь совершенно ни при чем. Нет, самострел действительно стоил того, чтобы его приобрести, но... для меня он был прежде всего частью алиби. Было бы странно, если бы кто-то заинтересованный вдруг обнаружил, что некий Громов зачем-то приобрел прицельное приспособление, при том что самострела, к которому оно только и подходит, у него и в помине нет.

Повздыхав над уменьшившимся на добрых две сотни рублей выигрышем, я сложил в рюкзак купленный арбалет со всеми его примочками, прицелом и сменным облегченным (специально выбрал раздельное, чтоб не портить высверливанием под магазин) «анатомическим» ложем и направился за дальнейшими покупками, оставив продавца с искренним убеждением, что он встретил родственную душу. Для этого даже не пришлось прикладывать каких-то усилий, консультант говорил за нас обоих, отвечал на собственные же вопросы... в общем, фанат. Что ж, оно и к лучшему.

Как-то незаметно моя идея «плевалки» трансформировалась в нечто странное, но... в строку же, честное слово, каждое слово в строку!

Вернувшись домой нагруженный, словно мул, я заперся в подсобке и, рассортировав покупки по принципу: железо в одну сторону, химию в другую, – принялся ваять. И начал с самого привычного, а именно – взрывчатки. Кто бы знал, что можно сотворить из пары коробок, купленных в хозяйственном магазине, некоторого количества реагента, взятого в аптеке, и пакета, приобретенного в цветочном...

Пока руки привычно отмеряли необходимые порции реактивов, я размышлял над одним важным вопросом: а собственно, кто такой этот «братик Рома»? Мало того что в памяти Кирилла сей персонаж присутствует лишь в виде смазанного образа, смутно мелькавшего в массе родственников со стороны тетки, – так он еще и ничуть не напоминает ни одного из ее родных братьев. Ирина Михайловна в свои тридцать шесть была младшим ребенком в семье, а Роману едва ли больше двадцати пяти. Но, как бы то ни было, очевидно, что он был довольно близок тетке, а значит, вполне может заявиться на ее похороны...

И кто бы сказал, почему у меня такое ощущение, что я уже где-то слышал об этом уроде?

Часть пятая. Вот и пришел архангел с трубой

Глава 1. Иногда смерть – это только начало

Как говаривал Испанец, если имеешь возможность сделать хорошо – незачем делать плохо. Что ж, думаю, старый друг был бы рад увидеть то, что получилось у меня в результате полуночного приступа вдохновения, отягощенного столь присущим Игорю перфекционизмом. Первый экземпляр «плевалки» я сделал, что называется, «на коленке» и, лишь опробовав на нем построенные рунескрипты и убедившись в принципиальной работоспособности системы, принялся воплощать будущий автомат «а натюрель».

Работу я закончил только в третьем часу ночи, зато полностью! Даже доставшиеся мне от гостей оперенные иглы проштамповал, снарядил кристаллами и проверил работу... Минус пять снарядов – и окончательно превращенные в труху недогоревшие остатки конюшни, эх. Оставшиеся шестьдесят штук как раз забили два магазина... со свернутым оперением. Мало-вато, конечно, но ведь я и не собираюсь полагаться только на «плевалку» и самодельные гранаты. Черт, жутко не хватает нормального качественного огнестрела. Эх! Где мой верный «Яра»? Были у меня стволы и поухватистее, и посовременнее, но вот прикипел я к «Ярыгину»...

Кстати, надо будет прошерстить паутинку на тему тиров. Закончится вся эта бодяга – пойду восстанавливать навыки, точнее, нарабатывать заново, поскольку это тело в жизни не занималось «стрелковкой». Хорошо еще, что ввиду отсутствия порохового заряда моя самоделка лягается куда меньше обычной «плевалки», а то пришлось бы придумывать что-то другое.

Так, стоп, раз в голову полезла всякая не связанная с предстоящим делом чушь, значит, пора идти спать...

Сбежать из школы оказалось не просто, а очень просто. После второго урока я отдал своему заместителю журнал и, соорудив умное лицо, вышел из класса. Добрался до туалета на первом этаже, переоделся в черные джинсы и водолазку, сверху накинул рыжую куртку, достал шлем и, упиав форму в рюкзак к оружию, спокойно вышел из здания.

В одиннадцать ноль-ноль я оседлал «Лисенка», а уже без четверти двенадцать был недалеко от фамильного кладбища Громовых. Все церемонии с участием священника и близких Томиной-Громовой проходили в имении, и до выноса тела времени еще было достаточно, так что сейчас собиравшийся на погосте народ в темных одеждах просто ждал, когда прибудет процессия и приглашенный священник прочтет литию, чтобы бросить по горсти земли на гроб у... усопшей, высказать пару слов сочувствия ее мужу и отправиться по своим делам. И если я не ошибаюсь, то где-то среди этих вот не очень близких людей, не приглашенных в имение, и должен находиться искомый Рома. А может быть, и нет... В любом случае проверить не мешает.

Мотоцикл я оставил на стоянке в поселке, по другую сторону шоссе, и, устроившись на пустой автобусной остановке, с которой открывался великолепный вид на кладбище, создал перед собой воздушную линзу вместо бинокля, ага, и принялся высматривать знакомое лицо.

Но то ли я ошибся в расчетах и Роман оказался приглашен на отпевание, то ли он пока просто не приехал... в общем, среди ожидающих его не оказалось.

– Здравствуй, Кирилл. – Черный «вездеход» лихо развернулся на пустой трассе и остановился точно передо мной. За опустившимся тонированным стеклом показалась физиономия Гдовицкого. – Когда мне доложили, что в периметре оказался какой-то любопытный одаренный, я почему-то сразу про тебя подумал. И угадал.

– И вам не хворать, Владимир Александрович, – кивнул я со вздохом.

– Приехал все-таки, – констатировал начальник СБ. – А что же в имение не зашел?

– Не хочу, – пожал я плечами. – Там наверняка народу не протолкнуться, а здесь хорошо, тепло и солнышко светит. Редкостно хорошая погода для осени...

– Ясно, – кивнул Гдовицкой и ткнул пальцем в расплывающееся передо мной белесое облачко, в которое превратился мой «бинокль». – Ищешь кого?

– Да нет, настраиваю, чтоб потом впопыхах не напортачить.

– А может, проще присоединиться?

– К умершей? – «не понял» я.

– Да тьфу на тебя! – скривился мой бывший тренер. – К прощающимся!

– Нет уж, Владимир Александрович, – покачал я головой. – Нет там людей, которых я хотел бы видеть. Разве что Федор Георгиевич, но с ним я и позже могу созвониться.

– Созвонись-созвонись, обязательно... Ладно, дело твое, – проговорил Гдовицкой и, уже собравшись поднять стекло, вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Кстати, о звонках! Держи браслет. Там уже стоит твой новый идентификатор и записана вся информация, что была на твоём прежнем... ну, до тех пор, пока ты не съехал, конечно. С основного вычислителя резервную копию залили. – Заметив мое желание отбояриться от артефакта, Гдовицкой нахмурился. – Не отказывайся, это не подарок, а средство связи с Громовыми. Не будет же Федор Георгиевич разговаривать с тобой по незащищенному каналу, правильно? Мало ли что вы надумаете обсудить... или кого. Не маленький уже, сам понимать должен.

– Благодарю, – я медленно кивнул и, взяв протянутый мне браслет, тут же пристроил его на правом запястье.

– Да не за что... И это, Кирилл, как надумаешь баньку ставить, со мной свяжись, я тебе с проектом помогу, – слабо улыбнувшись, проговорил Гдовицкой и, не дождавшись моего ответа, махнул рукой водителю. Джип сорвался с места и вскоре исчез за небольшим перелеском, скрывавшим Беседы от любопытных взглядов с шоссе.

Вот он! Приехал! Картинка в заново настроенном «бинокле» дернулась, приближая изображение выбирающегося из шикарного седана подтянутого молодого человека. Да, а в прошлую нашу «встречу» он показался мне чуть старше. Теперь же я пришел к выводу, что парню не больше двадцати – двадцати двух лет. Ба, да он еще и с помощниками... Ну-ка, ну-ка. Точно. А вот этого я не видел...

На спине куртки одного из подручных Ромы, как раз протянувшего шефу небольшой аккуратный венок, виднелась какая-то эмблема. В этот момент второй помощник повернулся спиной к машине, и я увидел точно такой же знак и на его куртке. Внимательно рассмотрев и запомнив эмблему, вновь фокусирую изображение на Роме и, заметив аккуратно вышитый на нагрудном кармане герб, удивленно хмыкаю. Что за клуб такой? Проводив «клиента» взглядом до наибольшего скопления ожидающего народа, замечаю процессию, медленно идущую по устланной брусчаткой дорожке, ведущей от имения к кладбищу.

А вот следующий момент меня удивил... Хотя если сопоставить недавнюю попытку Милы развести боксеров «по углам» на Егерском пруду и имя моего «могильщика»... в общем, ничего удивительного в том, что сей ходячий труп нежно обнимает бледную Лину за плечи, я не вижу. Равно как и в недовольных и злых взглядах, которые бросает на эту парочку Федор Георгиевич. Как подумаю, чем может обернуться союз садиста и безбашенной эгоистичной дуры, так плохо становится. Не-не-не... придется позаботиться о будущем генофонда Громо-вых. А то, не ровен час, понаделают потомства – замучаешься выпалывать...

Убедившись, что по окончании погребения мой должник направился не к поместью, а на стоянку, я свернул «бинокль» и припустил в поселок за своим мотоциклом, а спустя пять минут уже поджидал Романа, держа «Лисенку» под парами. Чуть в стороне от поместья и кладбища, как раз на пересечении поселковой дороги и шоссе. Заметив его роскошный седан, я

мысленно перекрестился и тронулся следом. Вообще ездить на мотоцикле под отводом глаз – последнее дело. Но по обочине и на пустой трассе... в общем, я рискнул. Правда, чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше машин становилось на дороге, так что, едва оказавшись за кольцом, я вынужден был снять свою «маскировку». Тем более что в ставшем плотным потоке в ней уже не было насущной необходимости.

Честно говоря, когда «Руссо-Балт» Романа свернул в сторону боярского городка, я было расстроился. Выходит, вся эта моя сегодняшняя слежка была просто бессмысленной. Уж место проживания Томилиных мне знакомо... и неплохо. Но нет. Не доезжая Каланчовой площади, автомобиль должника свернул направо, чтобы тут же запетлять по старым фабричным кварталам. Да так шустро, что я еле успел «сбросить» браслет Гдовицкого. А потом пришлось опять накинуть отвод глаз и притормаживать чуть ли не на каждом повороте, рискуя быть сбитым каким-нибудь автолюбителем. Хорошо еще, что мой «Лисенок» куда приемистей, чем движок фасонистого «Руссо-Балта», на котором рассекал Роман, иначе я бы давно потерял его из виду. А так, отставая на перекрестках, я успевал догнать его на прямых.

Но вот наконец наши гонки подошли к концу, и мой «ведомый» притормозил перед массивными воротами в высокой стене красного кирпича с выложенными на ней узорами, в стиле позапозапрошлого царствования. То ли старинная фабрика, то ли тюрьма... фиг разберешь. Понятно, что внутрь меня не пустят, но... Я тронул мотоцикл и, проезжая мимо закрывшихся за седаном ворот, заметил ту же самую эмблему, что была вышита на кармане пиджака Романа и на куртках его подручных... И что бы это значило?

Наемник! Он чертов наемник! Что же мне так не везет-то, а?! Я с ненавистью покопился на экран купленного в Алексеевских рядах браслета и выматерился. С черного щита мне ехидно подмигивал стоящий на задних лапах золотой лев, вонзающий в землю крест-копье. Пафосно и с претензией на аристократичность... Причем европейскую. Графы-бароны, герцоги-маркизы... Впрочем, если учесть наличие там некоего Романа, можно допустить, что в отряде он не один такой... титулованный. Но самое паршивое – что кроме скупой информации о принадлежности этого знака наемничьему отряду «Гончие» никаких более конкретных сведений ни об эмблеме, ни о самом отряде я не нашел. Глухо... и непонятно. Другие «банды» куда серьезнее относятся к саморекламе, и информации о них в паутинке не в пример больше.

Звонок застал меня, когда я потрошил урну, в которую получасом раньше скинул «подаренный» Гдовицким браслет...

– Да... – Кажется, на моем лице было написано слишком много всякого интересно-нецензурного. Иначе с чего Леониду так отшатываться от экрана?

– Кхм... Я, кажется, не вовремя? – осторожно спросил Бестужев. Я глубоко вздохнул и, чуть успокоившись, покачал головой.

– Извини. Просто я тут чуть не потерял новый браслет. Вот и перенервничал.

– Хм. Надеюсь, не так же, как преды... эм-м. Да чтоб его. – Леонид резко умолк, получив подзатыльник сильной, явно мужской рукой. Папа слушает? О... стоп. Он хотел сказать «предыдущий»? Однако осведомленность рода Бестужевых начинает меня беспокоить. Очень. Такой интерес уже явно выходит за рамки обычного и, прямо скажем, понятного любопытства, направленного на шепутного одноклассника, то и дело вовлекающего наследника рода в странные авантюры... Но ладно, с этим можно разобраться и попозже.

– Леонид, я рад тебя видеть, но не мог бы ты перейти к делу? Это касается моего сегодняшнего прогула?

– Э-аэ... м-м-м, нет, – помявшись, выдавил Бестужев и, бросив взгляд в ту сторону, откуда только что прилетел подзатыльник, затараторил: – Извини, Кирилл. Я понимаю, что сейчас у тебя довольно сложный период и не самое лучшее время для визитов вежливости, но не мог бы ты ответить на наше приглашение... сейчас. Это важно!

– Леонид... я... – Но договорить мне не дал появившийся в кадре отец одноклассника.

– Кирилл Николаевич, прошу извинить за резкость, но вам жизненно необходимо со мной встретиться. И чем скорее, тем лучше, – кивнув вместо приветствия, хмуро проговорил Бестужев.

– Вот как? Мне необходимо? – сделав ударение на местоимении, я удивленно вскинул бровь.

– Именно так, молодой человек. Жизненно необходимо, – на полном серьезе повторил дипломат.

– Что ж, Валентин Эдуардович, я верю, что столь мудрый человек не станет понапрасну разбрасываться словами. Куда мне ехать? – Такого толстого намека не поймет разве что дуб... который дерево, а не человек...

– Я рад, что не ошибся в вас, Кирилл Николаевич. Ждем вас в нашей городской усадьбе, – скупой улыбнулся Бестужев-старший, и экран браслета погас. Да что же это такое-то, а? Ни секунды передышки. Я так не выматывался, наверное, со времен той самой, крайней командировки Там, на действительной службе...

Рыжий обиженно взревел и помчался вниз по улице. Поворот, еще один... Оказавшись на Стромьинском тракте, я заложил полукруг по Каланчовой площади и вылетел к Полевым переулкам. Еще один поворот – и вперед по шоссе, вдоль парковой ограды...

Боярский городок я пролетел почти насквозь и, затормозив у обширной усадьбы на самой окраине, остановил было мотоцикл перед массивными стальными воротами, но в этот момент тяжелые створки разошлись в стороны, и показавшийся между ними охранник махнул рукой – мол, заезжай.

Заехал.

– Добрый день. Прошу, езжайте по дорожке к Красному крыльцу, там вас встретят, – неожиданно тихим голосом проговорил встретивший меня мордорот с выразительным таким укороченным автоматом на плече.

– Благодарю, – я кивнул и покатыл в указанную сторону по отсыпанной разноцветной галькой широкой аллее, обрамленной уже начавшими одеваться в желтизну и багрянец кленами.

Крыльцо оказалось действительно Красным, в смысле красивым. Белокаменные двойные арки в византийском стиле, резные подвесы на высокой шатровой крыше, набранной из серебристого осинового теса, выложенного хитрым узором, и низкие, но широкие мраморные ступени, поднимающиеся метра на два над землей. Да и сам дом... это даже виллой не назвать. Палаты, не иначе. Тот же белый камень стен, небольшие забранные причудливыми переплетами византийские же двухарочные окна в затейливом каменном кружеве... Век семнадцатый, должно быть, не позже. По крайней мере, по Тамошним меркам.

От разглядывания фасада меня отвлек тихий, но отчетливый скрип двери, низкой, мощной, набранной из огромных дубовых досок толщиной, по-моему, не меньше дециметра. Тарахом не возьмешь. Хоть обычным, хоть стихийным. Наверное.

– Кирилл! – показавшийся на крыльце Леонид махнул мне рукой и тут же схлопотал еще один подзатыльник от появившегося на пороге отца. Я окинул взглядом боярина и впечатлился. Кажется, Бестужев-старший был полной противоположностью своего наследника. Темные волосы, глубоко посаженные серые глаза, нос-картошка и ухоженные, гордо завивающиеся вверх усы над густой бородой-эспаньолкой... Высокий и широкий что в плечах, что в пузе, он производил обманчивое впечатление эдакого добродушного увальня... панды. Но только до тех пор, пока не начинал двигаться. Увидев, с какой легкостью и ненапряжной стремительностью боярин шагнул в сторону, освобождая дверной проем, я тут же переменял мнение. Не панда... медведь. Причем, зараза, белый медведь. Олицетворение русской дипломатии. Ага. К такому не захочешь, а прислушиваться будешь и стеречься, чтобы голову не свернул, что тому тюленю.

А потом мысли из моей головы куда-то пропали... и я вместе с ними. Бестужев-старший, оказывается, не просто так отошел в сторону. Стоило боярину освободить место, как мимо него в дверной проем проскользнула девушка лет эдак семнадцати-восемнадцати на вид, с корцом в руках. Высокая, статная, ладная... красавица! Катерина? А что Катерина? Ну да, хороша, согласен, но это... М-м! Я даже о проблемах своих забыл, на это вот чудо глядя. Наверное, гормон память отбил... так что ни о каких «могильщиках» даже не вспоминаю. Стою, любуюсь. Как шедевром, честное слово! Какая девушка! А глаза... а гр... губы... руки... Э-э. А зачем мне эта посуда? Пить? Все? Да ради твоей улыбки хоть бочку!

– Кха-а! Бестужев, сволочь!

– Какой из них? – улыбнулось это видение, наблюдая, как я прихожу в себя после хорошего такого глотка крепчайшей наливки, которая оказалась в корце. Думаешь, сбила с панталыку? Ну нет. Я хоть и не из посольских, но в дипломатии тоже мал-мала понимаю, правда, больше прикладной, так сказать... В общем, каков привет, таков ответ. Я глянул на ухмыляющихся боярина и его наследника – и вот тут поверил, что они родня. Так похоже, практически одинаково похабно улыбаться могут только близкие родственники. Вздохнув, я перевел взгляд на угостившую меня наливкой девушку и заключил: – Оба. Однозначно.

– Ты бы закусил, Кирилла, – насмешливо прогудел в ответ Бестужев-старший. И девушка, вдруг зардевшись, неожиданно согласилась с моим выводом.

– Точно сказал. Он меня заговорил так, что я про закуску забыла... а братец под шумок ее стянул... и наверняка сожрал. Проглот.

Ну как тут было не вспомнить о традициях Тамошней старины?!

– Ничего, мы справимся. – Я улыбнулся девушке и, подмигнув, осушил чертов корец до дна. А потом, пока она не успела ничего понять, закусил... ее губами. Сла-адко...

От мощной оплеухи я ушел под разгоном... под дружный хохот Бестужевых. Только синеватый след какой-то крепкой воинской техники над головой мелькнул. Сместившись чуть в сторону и вернув обычное восприятие, я взглянул на алеющую боярышню. Но вот смущение прошло, и в глазах девушки мелькнули искорки веселья. Уф. Не сердится. Уже хорошо.

– Ну что за молодежь пошла, а? Имен друг друга узнать не успели, а уже целуются. Распустились, понимаешь! – неожиданно забурчал неизвестно когда оказавшийся рядом Бестужев-старший, и мы отшатнулись друг от друга. Кажется, на этот раз румянцем запылали оба. Е-мое, нет, это точно должны быть гормоны, просто обязаны... пубертатный период, да... точно-точно. Иначе я пропал.

– Прошу прощения, Валентин Эдуардович. Извини, боярышня. Кирилл Николаев, мещанин из рода Громовых, – кое-как успокоившись, я поспешил исправиться. Шутки шутками, но меру знать тоже надо.

– Ольга, боярышня Бестужева, – кивнула в ответ девушка.

– Ну вот, теперь и целоваться можете сколько влезет, – усмехнулся боярин под хихиканье Леонида, наблюдающего за этим цирком с крыльца.

– Папа! – взвилась Ольга и, зыркнув на меня, неожиданно заключила: – Это ты виноват. Он теперь мне месяц будет этот поцелуй поминать.

– Думаешь, твой брат меня меньше подкалывать будет? – вздохнул я. Ольга присмотрелась к широко ухмыляющемуся Леониду и сочувственно хмыкнула.

– Ладно-ладно, идемте в дом, у нас не так много времени, а поговорить и решить нужно столько, что... – Боярин посерьезнел и, не договорив, аккуратно подтолкнул нас к крыльцу.

Так что, нам с Ольгой не осталось ничего иного, кроме как следовать под его конвоем в царские палаты, которые Бестужевы скромно именуют своей городской усадьбой.

Глава 2. Личная жизнь? А что это?

Вас когда-нибудь били пыльным мешком по голове? Из-за угла? Нет? А вот нам «повезло». Нам – это, в смысле, мне и Ольге. После объявленной нам Бестужевым-старшим информации даже мои грядущие проблемы с Романом показались какими-то надуманными и несерьезными. О еле-еле нейтрализованном алкоголе и вовсе речи нет. О чем я тогда? О помолвке. Вот-вот. Услышав от боярина сию... ох, какую новость, я моментально протрезвел и чуть не впал в шок... даже восхищение красотой Ольги как-то незаметно отошло на второй план. Да и сама девушка устала на папеньку с оч-чень характерным выражением лица.

– Хм, Валентин Эдуардович, а можно поподробнее? – попросил я боярина, чуть оправившись от известия.

– А что, ты имеешь что-то против? – задал провокационный вопрос Бестужев-старший. Заметив настороженный взгляд, брошенный Ольгой в мою сторону, я вздохнул. Осторожнее надо, осторожнее. А то жизнь моя рискует стать еще веселей, чем была до этого, и, возможно, даже короче... А я хочу жить долго и счастливо! И, честно говоря, никакие помолвки, и уж тем более браки, в эти планы не вписываются! Пока, по крайней мере.

– Отчего же? – я пожал плечами. – Ольга – невеста завидная...

Тут Леонид сдавленно фыркнул, но, наткнувшись сразу на три внимательных взгляда, постарался задавить улыбку, что так и норовила вылезти на его физиономию.

– Так вот, – убедившись, что Бестужев-младший не собирается вносить коррективы в мой текст, продолжил я. – Ольга невеста завидная, но мне хотелось бы узнать историю заключения помолвки. Поскольку слышу о ней впервые в жизни. Оля, – я повернулся к сверлящей взглядом боярина девушке, – а ты в курсе дела?

– Я... – начала было боярышня, но смешалась, и отец пришел ей на помощь:

– Оленька знает, что у нее есть нареченный жених. Но до сегодняшнего дня она не знала, что этот жених – ты, – проговорил Бестужев-старший. – Одним из условий нашего соглашения с Николаем и Людмилой стала отсрочка вашего знакомства до тех пор, пока тебе не исполнится пятнадцать лет.

– Ор-ригинально, – только и пробормотал я, на что боярин снисходительно улыбнулся.

– Это какие-то заморочки Людмилы. Она была очень сильным биологом... и евгеником. И настояла именно на таком условии, еще и мою жену подговорила. До сих пор вспоминаю, как они хихикали. Но добиться от жен признания, в чем дело, нам с Николаем так и не удалось... М-да. – Бестужев усмехнулся своим воспоминаниям, но почти тут же вернулся в настоящее и, переведя взгляд с меня на дочь, гулко хохотнул. – Но, честно говоря, стоило взглянуть на вас там, у крыльца, чтобы все смешки ваших мам и их перешептывания стали ясны как божий день. Вот уж действительно мастер евгеники!

– А биохимией она не увлекалась? – поинтересовался я, и удивленный боярин кивнул.

– В том числе.

– Мастер? Скорее уж гений. Такое предусмотреть... Меня же при виде Ольги словно молниейшибануло! Как только мозги не спеклись? – констатировал я, и от этого признания, принятого сидящей рядом со мной девушкой за неумелую лесть, Оля покраснела.

– И в чем же была выгода этой помолвки, кроме радости мам от биохимического взрыва в наших организмах? – тихо поинтересовалась Ольга, и мои брови уверенно поползли куда-то на макушку. Да и Леонид вытаращился на сестру с каким-то странным выражением лица. С другой стороны, по идее матери нас и должно было накрыть обоих, иначе какой смысл такое затевать? Так что и удивляться вроде бы нечему... ну, разве что тому, как легко Ольга призналась, что я ее тоже «зацепил».

– Выгода... выгода была, – задумчиво проговорил Бестужев-старший, теребя эспаньолку. – Кирилл, ты знаешь о своем наследстве? Не капитале матери, а об отцовской части?

– Кое-что читал, но... насколько я помню, в завещании отца речь шла только о некоем комплексе зданий в Костромском воеводстве и пая в товариществе, зарегистрированном там же, но у него нет ничего, кроме уставного капитала. Счета заморожены, отчетность не сдается... – пожал я плечами. – Вот, в принципе, и все.

– Да. Все. – Бестужев вздохнул. – У твоего отца не было достаточно средств, а одалживаться у родни он не пожелал. И деньги в это товарищество вкладывал именно я. Я же оплачивал и покупку зданий... Мы хотели создать школу, Кирилл. Школу, где твой отец смог бы передавать свои знания гранда Эфира. Не срослось. Та авария поставила крест на нашем начинании. Но! Незадолго до своей смерти Николай уверил меня, что ты сможешь продолжить его дело. Я не поверил, но сейчас, посмотрев на тебя и узнав о статусе мастера Эфира, я... скажем так... изменил свое мнение.

– Хм... – Честно говоря, слова Бестужева-старшего основательно выбили меня из колеи, а уж поймав изумленный взгляд Ольги, я и вовсе смешался. А потом на память пришло воспоминание о не таком уж давнем разговоре в... ну, пусть будет междумирье, что ли... и желание удивляться такому вот совпадению моих желаний и истории Бестужева отпало напрочь. Черт его знает, что этот среброусый мог колдануть... Хотя сказать, что такое совпадение меня оставило равнодушным, тоже нельзя. Напрягло. Ведь кто его знает, чем придется расплачиваться за такие «подарки»? А в том, что мой давешний собеседник по завершении истории вполне может предъявить к оплате счет, я почему-то не сомневаюсь, ни на секунду... Я вздохнул и, скрипнув зубами, постарался загнать эту мысль подальше. Ну его к бесам! Еще не хватало мне волноваться о том, чего я не могу изменить. Опять же никаких жестких условий среброусый мне, помнится, не ставил, в отличие от того же дедушки Жоры, например. Так что клеим на эту мысль ярлычок – и ну ее куда-нибудь поглубже... в память, да... Кстати, о памяти! Вспомнив об изначальной постановке вопроса, я все же справился с собой и обратился к боярину: – Идея школы мне по душе, но... какое она имеет отношение к помолвке?

– О! – вдруг в один голос протянули Леонид с Ольгой, словно что-то неожиданно поняли.

– По закону, принятому еще Иоанном Иоанновичем, подобные школы могут быть либо государевыми, либо родовыми, то есть принадлежащими боярским родам. Более никто на Руси не имеет права «учати отроков або мужей зрелых таинствам святого Ильи и Архистратига Михаила». Понимаешь? Нет, мы и без того мечтали, что когда-нибудь наши дети поженятся, а тут еще и перспектива со школой... своей, родовой. Это же... это же на века!

– Понятно. – Мы с Ольгой переглянулись, и я вздохнул. – Только, боюсь, теперь эта возможность для нас утеряна. Я эмансипирован и соответственно выведен из рода. То есть, по меркам нашего в меру сословного общества, не более чем мещанин безродный, не забыли, Валентин Эдуардович?

– Вот уж мелочи, честное слово. В примаки пойдешь, к Бестужевым, в дети боярские, и всего делов. Или... – Боярин было отмахнулся, но тут же прищурился и вперил в меня настойчивый взгляд. – Или ты решил от помолвки отказаться?

– Хм, это вы опять за нас все решить вздумали, что ли? – насупился я в ответ. – То женить собирались, не спрося ни дочери, ни потенциального зятя, а теперь решили обратный ход дать?

– Стоп-стоп-стоп, – покосившись на притихшую Ольгу, замахал руками Бестужев-старший. – Я на вас не давя и ничего не решаю. Сами определяйтесь. Благо времени у вас еще предостаточно и неволить никто никого не собирается.

– И определимся, – неожиданно твердо заявила Ольга и повернулась ко мне: – Правда, Кирилл?

– Точно. – А что еще я мог ответить? Тем более что идея школы мне нра... Стоп. Это гормон! Это все проклятый пубертат!

– И чего определяться, когда и так все понятно, – тихо, но отчетливо пробурчал Леонид и схлопотал дежурный подзатыльник от отца.

– Вот и замечательно, – улыбнулся боярин и повернулся на стук в дверь. – Что там еще?

– Ужин готов, Валентин Эдуардович, – ответила женщина, проскользнувшая в отворенную дверь.

– Вот и славно. Ну что, молодежь, раз самое главное обговорили, может, пойдем поснедаем?

Отказываться никто из нас не стал, и через несколько минут мы уже сидели в небольшой столовой. Не знаю, как Леня с Олей, а я проголодался страшно и потому был почти недоступен для беседы. Бестужев-старший следил за тем, как с моей тарелки исчезают кушанья, и довольно кивал, время от времени прикладываясь к лафитничку и сопровождая каждый глоток горькой большим количеством закуски. В результате «медведь» ничуть не захмелел, но подобрел изрядно. А в конце ужина и вовсе огорошил...

– А что, Кирилл, может, погостишь у нас пару-тройку дней? – Да только в глазах его вместо расслабленности и довольства – холодное убеждение. Еще не приказ, но уже далеко не просьба... Хм.

– Можно и погостить. Если не стесню, – киваю я. Правда, мысленно признаюсь, что причиной такого скорого согласия вовсе не прислушивающаяся к нам Ольга, а банальный жизненный расчет. Усадьба Бестужевых, в отличие от моего дома в парке, куда лучше защитит меня от возможных неприятностей со стороны Романа. А в том, что «могильщик» непременно захочет закончить начатое, я ни на секунду не сомневаюсь. Но если у него есть хоть капля разума, то сюда он точно не сунется...

* * *

– Отец, ты звал меня? – Возникший на пороге кабинета Федор Георгиевич Громов настороженно взглянул на сидящего за рабочим столом главу рода и удивился. Куда только девался усталый старик, каким выглядел отец после приступа. Сейчас перед наследником был не магнат и промышленник из заштатного «клуба», а настоящий опричник, волчара. Воин из тех, что зачищали страну от оборзевшей от вседозволенности знати и брали на копье непокорные городки удельных княжеств.

– Томилины окончательно потеряли берега и требуют виры за дочь, в подтверждение союза. Ценой будет закрытие проекта «Витязь»... и наша поддержка польского «Гусара» на испытаниях в Оборонном приказе, – резко заговорил боярин.

– Роман подсуетился? – скривился сын, моментально поняв, откуда ветер дует.

– Он самый... паскуда папская, – кивнул в ответ Громов-старший и, ощерившись совершенно по-волчьи, приказал: – Переводи заводы на осадное положение и поднимай бойцов, сынок. Мы идем на войну.

* * *

Тень надежно укрывала меня от возможных наблюдателей, а полную уверенность в невидимости придавал отвод глаз, сейчас работающий на полную мощность. Да, в движении я под ним долго не продержусь, проверено в громовском поместье, но сегодня мне это и без надобности. Пока я пришел просто посмотреть на хозяйство наемного отряда «Гончих», прикинуть возможное расположение охраны... ну и так, полюбопытствовать, в общем.

Московской базой наемникам служил отгороженный высокой стеной от общей территории старой фабрики небольшой корпус, примерно в два этажа высотой, но с высокими, под самую крышу, окнами, старательно замазанными изнутри белой краской. Не любят наемники,

когда на них через стекло пялятся. Стесняются, должно быть... Но самым паршивым было не это. Все здание оказалось опутанным какой-то артефактной защитой, мутившей Эфир так, что даже мое чутье не могло пробиться через этот заслон. Плохо. Придется что-то придумывать... Соваться в эту коробку без предварительной разведки будет величайшей глупостью. Все же это далеко не имение Громовых, которое я помню до последнего закоулка и минут смены постов в любое время дня и ночи, и потому мог вломиться туда без всякой подготовки...

Спрашивается, почему я сижу на крыше бывшего барака и пытаюсь изображать из себя вуайериста, когда мои одноклассники дружно грызут гранит науки? Ответ простой. По просьбе боярина домашний врач Бестужевых сделал царский подарок в виде справки. Короче, «болею» я, на зависть зашивающемуся врио старосты младшего «Б» класса Леониду Бестужеву... А боярин оказался тем еще темной. Я ведь сначала и не понял, с чего это он так легко пошел мне навстречу в деле получения «липовой» справки. Даже не дослушал выдуманных причин, по которым мне якобы необходимо было на неделю оставить школу. Прервал на середине монолога и, вызвав из медблока врача, в приказном порядке велел тому написать нужный документ... Что интересно, врач с готовностью взял под козырек и тут же, не сходя с места, вывел на печать нужный бланк со своего браслета, быстренько вписал в него пару профессионально невнятных строчек и, прихлопнув сверху своим перстнем-печаткой, так же молча ретировался. Я даже удивиться толком не успел. Вот что значит правильно поставленная служба.

Вообще чем больше времени я провожу в усадьбе Бестужевых, тем заметнее становится здешняя повальная милитаризованность.словно в родную часть вернулся, честное слово! Не хватает только пьяного «замка» второй роты, играющего со срочниками в «слоников», ну и казарм, само собой. Здешние палаты на это «почетное» звание не тянут совершенно... да. Ну как же это, на всю усадьбу ни одной двухъярусной койки, приходится на пятиспальном траходроме ворочаться... одному. Тьфу ты, бесова сила! Опять он!

Да уж, подкинули родители Кирилла проблему. И ведь не отмахнешься – дескать, вранье это все и чушь! Ибо документ соответствующий имеется. Да не абы какой, а зарегистрированный в Малом реестре Герольдии. Я проверил, зашел на государственный инфор и вбил номер документа. Действительно, зарегистрирован. Нет, можно, конечно, плюнуть на скрепленную подписями Громовых и Бестужевых длинную бумагу договора о помолвке да и послать подальше все эти матримониальные планы... Только до этой возможности еще дожить нужно. Поскольку отказаться от заключения обговоренного брака мы с Ольгой сможем лишь по достижении совершеннолетия... уточню, моего совершеннолетия, поскольку никакая эмансипация буквоедам Герольдии не указ. Сказано в законе – восемнадцать лет, и точка. Подкалывал меня Бестужев, как оказалось, когда решил допрос устроить на тему отказа от помолвки...

Хм... А девочка умница, между прочим. Взбалмошная слегка, но... без перегибов. А так – самостоятельная и очень трезвомыслящая особа. В этом я уже успел убедиться. Но тут, как признал Бестужев-старший, скорее не заслуга его, а вина. Супруга Валентина Эдуардовича умерла, когда Ольге меньше месяца до двенадцатого дня рождения оставалось, а других женщин в небольшой семье Бестужевых нет. Сам боярин вечно пропадал на службе, вот и пришлось боярышне учиться дом вести да за озорным братцем присматривать. Конечно, женщины из подчиненных роду семей помогали, но... субординация, однако. Не могут боярские дети, пусть даже и самые близкие и доверенные, в доме сюзерена распоряжаться. Никак... Вот и легла вся ответственность за домашнее хозяйство на юную боярышню. Тут поневоле самостоятельным станешь... Ох, что-то меня не туда понесло.

М-да, если бы не теткино самодурство, глядишь, сейчас и близняшки такими же были... умницами-разумницами... Мечты-мечты... Впрочем, кажется, для Милы еще не все потеряно, а вот Лина! Черт знает, что делать с этой психованной дурой.

Мысли сами собой перескочили на полученное из рук Бестужева письмо... и я нахмурился. Станным оно было, это послание от Федора Георгиевича. Нет, вопрос на тему «как

они меня нашли» здесь задавать бессмысленно. Чего меня искать, если браслет, свинья такая, стучит о моем местонахождении, как дятел. А вот содержание... С первых строк письма у меня возникло ощущение, будто наследнику рода Громовых известно о моих проблемах. Уж больно хорошо это предположение соответствовало изложенным в начале письма намекам на некую грозящую мне опасность. Эдакий легкий намек... Я невольно замер, когда эта мысль возникла в голове, поскольку единственным результатом такой осведомленности Громовых станет увеличение моих недоброжелателей. Причем многократное. Ведь одно дело ничего не подозревающий о моих планах Роман, с его отрядом наемников в два-три десятка человек, и совсем другое – боярский род, который, особо не напрягаясь и не отвлекая личный состав от выполнения текущих задач, может «поставить под ружье» до двухсот бойцов... Сдохну же, и крикнуть не успею!

Но, справившись с оцепенением, я все-таки нашел в себе силы продолжить чтение и, пробежав взглядом следующий абзац, успокоенно вздохнул. Не знают! В нем дядька хвалил меня за то, что я навестил Бестужевых, настоятельно не рекомендовал появляться в бывшем конном клубе и не менее настоятельно советовал принять посильную помощь Бестужева, когда тот ее предложит. Обратившись за разъяснением к присутствовавшему при чтении письма боярину, я с удивлением узнал, что наследник Громовых ему звонил и просил организовать для меня охрану, которая бы сопровождала меня в гимназию и обратно. Бестужев согласился. Вот интересно, а почему дядька со мной не связался по браслету?

– И звонил он вам не сегодня, а... позавчера, скорее всего, – вздохнул я, выслушав боярина.

– Как догадался? – усмехнулся Бестужев в свои щегольские усы, с интересом глянув на меня.

– Просто. Именно позавчера доктор сделал мне справку, – пожал я плечами, и мой собеседник довольно кивнул.

– Соображаешь. – Это типа комплимент был? Я хмыкнул... но мысли мои тут же перескочили на письмо, и я потянулся за следующим листом дорогой плотной бумаги с вензелем Громовых. А дочитав его до конца, чуть не застонал.

– Какая интересная реакция. Дай, угадаю. Ты прочел о скором приезде двоюродных сестер, – все с той же усмешкой проговорил боярин и кивнул в ответ на мой невысказанный вопрос. – Да, о них мы с Федором тоже говорили. И, учитывая ваши отношения, я счел возможным принять их в нашем доме.

– Отношения? – меня аж передернуло.

– Я имею в виду их ученичество, – уточнил Бестужев, явно заметив искажившую мое лицо гримасу.

– Вы с ними знакомы?

– Не имел чести. Но судя по твоей реакции, меня ждет что-то незабываемое. Не так ли? – покачав головой, поинтересовался боярин.

– О да... мягко говоря, – только и смог проговорить я в ответ. И задумался.

У Громовых явно что-то происходит, и они пытаются обезопасить молодежь. Кстати, а почему именно к Бестужеву? Что, других мест нет?

– Боярский городок, нейтральная зона, – ответил на мой вопрос Валентин Эдуардович. – Государь не терпит шума в своей столице, так что попробуй кто-то из бояр развязать здесь боевые действия – и гвардейцы сожгут его вместе с вассалами и имениями одним ударом... если успеют.

– То есть могут и не успеть? – уточнил я.

– Ну, бояре тоже не любят шума рядом с домом. Так что гвардейцам, если те не поторопятся, могут достаться только загородные имения буяна да производства.

– Получается, Федор Георгиевич решил воспользоваться вашей усадьбой как нейтральной территорией. У вас такие хорошие отношения с Громовыми? – спросил я, одновременно пытаюсь понять – с чего вдруг дядька так обеспокоился безопасностью младшего поколения рода. К войне, что ли, готовится?

– Хорошие отношения у меня были с твоим отцом, – покачал головой Бестужев. – И тебе я помогаю, потому что ты нареченный моей единственной дочери. Будущий родственник. Ну а раз так, как я могу отказать в гостеприимстве твоим родичам, тем более что речь идет о детях?

– Но... я же уже не член рода Громовых, – нахмурившись, пробормотал я. А боярин услышал.

– И что, штамп в паспорте отменяет кровные узы? Или лишает Малину и Людмилу «звания» твоих сестер? – холодно осведомился Бестужев.

– Хм. Их и раньше этот факт не особо беспокоил, – невольно вздохнул я, и боярин хмыкнул.

– Что, такие плохие отношения? – Я в ответ только рукой махнул, но мой собеседник, кажется, прекрасно понял невысказанную мысль и нахмурился. – А как же ты их тогда учишь?

– На совесть. Да и сестры, надо отдать им должное, чтут договор. Справляемся...

От воспоминаний меня отвлек шум, донесшийся от базы наемников. Ну-ка, что у нас там...

Глава 3. Работа не волк, но если догонит, мало не покажется

Я все-таки смог рассмотреть, что именно прячут наемники в фабричном корпусе. И то, что увидел, мне совсем не понравилось. В открывшемся проеме распахнувшихся ворот была отчетливо видна боевая платформа... вроде полицейской, только я сильно сомневаюсь, что мощная спарка, установленная на ней, – это такой новомодный брендспойт для разгона толпы. Приземистая шестиколесная машина тускло поблескивала серо-стальным цветом отключенного маскировочного покрытия, призванного глушить собственные эфирные эманации напичканного артефактной техникой агрегата и менять свой цвет в угоду окружающему фону. Эдакий стальной хамелеон с десантным отсеком вместо резервуара для воды. Как я это понял? Так успел рассмотреть заднюю часть платформы, украшенную характерными люками, пока ее вместе с еще одним таким же агрегатом переставляли с места на место, чтобы без помех загнать в здание три длиннющих морских контейнера, только что доставленных на базу. И как они только там поместились-то?

Поднявшаяся суeta позволила мне хотя бы примерно прикинуть количество бойцов, находящихся на базе. И судя по всему, их тут не меньше трех-четырех десятков... Неужто весь отряд в Москву притащили? Или их просто больше, чем в обычных «бандах»? Черт. Нужна информация. И не только по «Гончим». Сведения о самом Романе тоже нужны, как воздух. Но где их взять? Бестужев?

Нет, старший тут же начнет интересоваться – зачем да почему, а младший наверняка не в курсе дела. Если же он полезет с вопросами к отцу... хм. Скорее всего, результат будет тем же, только еще и подозрений не пойми в чем у боярина прибавится. Да и как замотивировать этот самый интерес, особенно в отношении Романа? Нет, этот вариант не подходит. Гдовицкой и дядька? Ну-у, как-то где-то... Попробовать завязать свой интерес на эмблемах и Лине... можно, наверное.

Самое-то Лину спрашивать об ухажере явно будет бессмысленной тратой времени с моей стороны. Ответа в этой жизни я от нее точно не дождусь. Действовать через Милу... кхм. Тоже не вариант. С момента приезда обе близняшки сторонятся меня, словно прокаженного, даже на тренировках стараются не подходить ближе двух метров... Конечно, можно было бы свалить их поведение на последствия нашей последней тренировки в моем доме, но это глупость. Страха

у них нет, я бы почувствовал. Осторожность? Да, присутствует... но и только. И в чем тогда здесь дело?

Проводив взглядом закрывающиеся ворота фабричного корпуса, я вздохнул и потихоньку убрался со своего НП. Пора домой... в смысле, к Бестужевым. Раиса-повар, которую, как хвастался боярин, он с боем отбил у лучшего ресторана столицы, обещала на обед свой замечательный борщ, и пропускать его я не намерен. Да и обещанной притихшим близняшкам тренировки тоже не стоит сбрасывать со счетов...

Связываться по браслету с Федором Георгиевичем я решил из усадьбы Бестужевых, и не без причины. Пару дней назад я уже рискнул созвониться с ним, находясь в городе, и он прочел мне короткую, но крайне емкую нотацию, из которой следовало, что я вообще не должен покидать дом Валентина Эдуардовича, кроме как для поездок в гимназию. Тоже мне заботливый родственник выискался. Где он был предыдущие годы, хотел бы я знать?

Кстати, действительно – а с чего вдруг в нем проснулось такое чадолюбие? Что изменилось-то? Ну, если не учитывать нового витка обострения боярской вражды, из-за которой род Громовых вдруг перешел на военное положение... Да-да, именно так Федор Георгиевич объяснил причины, по которым он сплавил сестер из имения. А вот Алексей остался при нем. Вроде бы как для учебы... Хм. Хорошо, что для подобного обучения дядька счел меня слишком юным, или просто решил, что мне это без надобности. Не хотелось бы участвовать в войне родов, до которых мне, как мещанину, не должно быть никакого дела. Пусть и мещанин я вре... кхм. Прочь, гормон, фу, зар-раза такая! Я еще ничего не решил, совсем ничего. Сначала надо дожить до совершеннолетия. Ар-р... Гадство.

А ведь дядя Федор был в курсе матримониальных планов своего младшего брата и его супруги. Он сам это признал, в том же разговоре. Но почему никогда не говорил об этом с Кириллом, мне непонятно. Как и то, почему об этом не знал дед... Странно все это. Очень странно.

Я вздохнул и, спустившись по шаткой, давно проржавевшей пожарной лестнице, завел стоящего под ней «Лисенка». Вопросы, вопросы... разберусь с ними после Романа. Придя к такому решению, я поддал огня, вывернув рукоять, и Рыжий запетлял по узким проулкам и дворам.

Пока мотоцикл катился по старому фабричному району в сторону Стромынки, я размышлял об увиденном на базе наемников и, в конце концов придя к выводу, что без личного осмотра фабричного корпуса изнутри мне не обойтись, сосредоточился на дороге, временно выбросив все мысли о Романа и его наемниках из головы. За стол лучше садиться в спокойном и расслабленном состоянии, иначе даже самая вкусная и лучшая еда не пойдет впровок...

* * *

– Нет, ты мне объясни, за какими бесами нас спихнули на попечение... этого! – кипятилась Лина.

– Не «этого», а Кирилла, – флегматично поправила ее сестра. Она сама не очень-то понимала, чем руководствовался отец, принимая это решение, но недавно взятая за правило мысль придерживать экспрессию сестры заставила Милу ее поправить.

– Пф. Какая разница... – сердито буркнула та. После смерти матери она, в отличие от Милы, не стала более сдержанной, зато злое ворчание, кажется, теперь прекращалось, только когда Лина засыпала. Все остальное время срывавшийся с ее язычка яд разве что одежды окружающих не прожигал. А уж когда она узнала о решении отца отправить их на попечение Кирилла, как учителя, даже Мила постаралась ограничивать общение с сестрой парой-тройкой минут за единый раз.

– Договор, Лина. Там прямо сказано, что мы должны проживать либо у родителей, либо у учителя, по их выбору. А учитель, как видишь, обосновался здесь... Только не спрашивай, пожалуйста, почему мы не могли остаться дома. Я не знаю, – вздохнула близняшка, расправляя складки платья.

– Кстати... да. Впервые моя мудрая сестра чего-то не знает. Вот это событие, – скривила губы Лина. В ответ Мила только покачала головой, но... тут она краем глаза заметила идущую по двору Ольгу и сама еле сдержала рассерженное шипение. С первой минуты их появления в доме Бестужева хозяйка дома ясно дала понять, что к Кириллу она их не подпустит. Как будто им это нужно?! А один раз заметив, как эти двое весело смеются над какой-то немудрящей шуткой Леонида, Мила почему-то почувствовала какую-то иррациональную злость. Как будто она вернулась в детство и Линка опять отняла ее любимую игрушку... Как же так?! Это же мое!

Покосившись на сестру в надежде, что та еще не заметила Ольги, действовавшей на близняшку как красная тряпка на быка, Мила мысленно застонала. Поздно! Лина с какой-то кривой полуулыбкой на губах, прищурившись, будто прицеливается, внимательно следила за каждым танцующим шагом хозяйки дома.

– И что она в нем нашла? – тихо прошептала Лина.

– То, чего ты не видела никогда. Человека, – неожиданно раздавшийся над головами близняшек холодный и безэмоциональный голос Кирилла заставил обеих дернуться. – Плохо. Совсем не следите за происходящим вокруг. А теперь встали и побежали. Даю вам десять минут, чтобы войти в транс.

Перед сестрами упали на пол две пары подавителей, и близняшки, скривившись, надели их на руки. Кирилл застегнул затейливые замки «напульсников» и, глянув на недовольных сестер, покачал головой.

– Чего стоим? Вперед! – Резкий, как щелчок хлыста, приказ заставил сестер бежать раньше, чем они осознали, что делают.

– Хоть бы переодеться позволил, – буркнула Лина, злым взглядом провожая шагнувшего с гульбища на крыльцо Кирилла.

– Противника ты тоже будешь просить подождать, пока сменишь туфли от Ли Ен на кроссовки? – бросила ей сестра на бегу.

– О! Я прошу тебя, помолчи, а! – закатила глаза Лина. – Мне и Кирилла с этой нудятиной хватает. А теперь и ты туда же?

– Как знаешь, – фыркнула Мила и, пожав плечами, прибавила ходу, одновременно начиная мысленный отсчет и сопровождая каждую цифру эфирным выплеском под ноги.

Устроившаяся в беседке Ольга заметила идущего в ее сторону Кирилла и, скрывшись в тени вечнозеленого плюща, оплетшего деревянное сооружение до самой крыши, принялась наблюдать. Вот юноша показался на дорожке, поправил соскользнувший было с руки рыжий шлем и двинулся вперед чуть расслабленной, но пружинистой походкой. Замер... Ольга видела, как мгновенно напряглось тело Кирилла, а только что спокойный взгляд, вдруг став холодным и жестким, полоснул из стороны в сторону и остановился на беседке... а в следующую секунду Кирилл моргнул, и наваждение пропало. Перед Ольгой опять был беспечный юноша, губы которого тронула легкая улыбка, а вовсе не боец вроде командира папиной дружины Аристарха Хромова, единственного неименитого ярого, проживающего в Москве.

Ольга поежилась от накотивших воспоминаний о том, при каких обстоятельствах она видела у дяди Аристарха такой же вот пустой и в то же время пронзительный взгляд, и вздохнула.

– Вот ты где! – улыбающийся Кирилл заглянул в беседку, отвлекая Ольгу от тяжелых мыслей. Моментально оказавшись рядом, он заговорщицки подмигнул девушке и, выудив из шлема одуряюще пахнущий бумажный кулек, покрытый фиолетовыми разводами, протянул

его Ольге. Девушка втянула носом нежный аромат лесных ягод и благодарно улыбнулась. И как только узнал, что она обожает чернику?!

* * *

Сидя за столом напротив Ольги, я все никак не мог избавиться от одной мысли: а что она сама думает о нашей помолвке? Вроде бы не один день провели вместе, а так ни разу этой темы и не затронули. Словно по молчаливому уговору... Ну, со мной-то все понятно. Ольга, конечно, девушка замечательная, но брак в восемнадцать лет – это все-таки совсем не то, о чем я мечтаю. А она? Сидит вон чернику клюет, аж жмурится от удовольствия... и до всего мира ей дела нет.

– Что ты на меня так смотришь? – неожиданно заинтересовалась Ольга, вперив в меня взгляд своих ясных глаз.

– Любуюсь, – честно ответил я.

– Понятно. – Девушка улыбнулась и, как ни в чем не бывало, вновь принялась уписывать чернику. М-да. Я вздохнул и почувствовал на своей ладони руку Ольги. – Кирилл, не ломай себе голову. До твоего совершеннолетия у нас целых три года, так что расслабься.

– Тебя что, совсем не трогает вся эта ситуация? – удивился я.

В ответ девушка пожала плечами и, отправив в рот очередную ягоду, улыбнулась.

– Не забывай, с того момента прошло больше двух лет. Так что у меня было время подумать и принять свою помолвку как факт. Хотя когда папа рассказал мне об этом, я на него месяца три дулась.

– Да? Странно. Всегда считал, что девочки только и мечтают, как бы побыстрее выскочить замуж... – пробормотал я. Ольга услышала и весело рассмеялась.

– У меня есть оправдание. К тому времени, когда отец решил «порадовать» меня новостью о помолвке, мне было пятнадцать, и я уже три года как управляла усадьбой. Успела, знаешь ли, привыкнуть к определенной свободе и самостоятельности, так что известие, что моя вольная жизнь продолжается ровно до тех пор, пока отец и жених не скажут, что пора идти в церковь, как-то не очень обрадовало. – Ольга зашуршала бумагой и, не найдя ни одной ягоды, вздохнула. Пришлось доставать второй кулек и мысленно благодарить Леонида за совет. У меня бы от такого количества черники давно уже скулы свело, а она трескает запросто...

Увидев, как радостно подпрыгнула на месте девушка при виде второй порции ягод, я не сдержал улыбки. Честно говоря, в ее эмоциях я просто купался. Чистые, яркие и такие... ощутимые, что ли? Нет, вот честное слово, здесь не обошлось без выкрутасов Кирилловой мамы. Я так отчетливо раньше ощущал разве что эмоции Лины, но там радостью и не пахло... А тут... Вот, кстати, о Лине!

Я хотел было извиниться перед Ольгой и отправиться на поиски близняшек, которые как раз сейчас должны завершать свою пробежку, но девушка меня опередила:

– Да-да... Ты должен идти на занятие, – на миг оторвавшись от поглощения ягод, покивала Ольга и, облизнув синие от сока губы, хитро прищурилась. – А хочешь, я тебя обрадую?

– Эм? – честно говоря, я удивился...

– Пока будешь заниматься с сестрами, подумай вот о чем. Меня, например, никто не может принудить к браку, поскольку место уже занято, а сроки свадьбы не определены. А тебя? – Ольга взмахнула полупустым кулком в сторону выхода из беседки. – Кстати, о принуждении, там твои кузины бегут.

– Знаю, – кивнул я. Действительно приближение характерно пульсирующих в Эфире близняшек я почувствовал еще минуту назад... Поднявшись со скамейки, шагнул на выход, но тут же обернулся: – А за совет спасибо. Идея помолвки, как защиты от покушений на «личную свободу», мне в голову не пришла.

– Всегда пожалуйста. Только... Кирилл, тут есть и отрицательные стороны, – вдруг потупилась Ольга. Я нахмурился, пытаюсь понять, на что намекает девушка, а когда до меня дошло, расхохотался в голос.

– Хочешь сказать, что как только твои знакомые узнают, кто именно является твоим нареченным, у меня могут начаться проблемы с некоторыми их представителями мужеска пола? – уточнил я и, получив в ответ смущенный кивок, вздохнул, стараясь сдержать рвущийся из глотки нервный хохоток. Покосился в сторону приближающихся близняшек и поинтересовался: – Среди них есть гридни?

– М-м... нет, – на секунду задумавшись, качнула головой Ольга.

– Тогда, никаких сложностей, – улыбнулся я. – Если, конечно, они не решат воевать деньгами.

– Ты самоуверен, – прищурившись, заметила Ольга. – А что если «они» как раз и надумают воевать именно деньгами?

– Выпору. А не поймут... Уж извини, рисковать своей жизнью я совсем не хочу... – полушутя ответил я и, махнув девушке рукой, двинулся навстречу медленно и размеренно бегущим близняшкам. Биение Эфира ровное, эмоций ноль... ну, ведь могут, когда захотят! Мне бы сейчас так... М-да.

* * *

Ольга проводила взглядом вылетевшего из беседки юношу и, прокрутив в голове окончание их беседы, невольно усмехнулась. Серьезный такой, самоуверенный... Нет, ну действительно забавно смотрится! Хм... Девушка посмотрела вслед Кириллу, на миг задумалась и, забросив в рот последнюю горсть черники, тоже выскользнула из беседки. Оглядевшись по сторонам, она прислушалась к своим ощущениям и, определив направление, в котором исчез молодой человек вместе со своими сестрами, двинулась в ту же сторону. Интересно же, чему новик будет учить воев? К тому же... нет, ну Кирилл действительно выглядит комично в своей «взрослости»...

Ольга замерла в тени старого раскидистого клена и уставилась на происходящее на тренировочной площадке... А там было на что посмотреть. Близняшки, почему-то с момента своего приезда сторонившиеся Ольги, как и своего кузена, закрыв глаза, сидели на двух неизвестно откуда притащенных валунах, предусмотрительно застеленных вспененными ковриками, и... перебрасывались постепенно тускнеющим, непонятным шариком света. Вот он мигнул и пропал. Стоящий рядом Кирилл тяжело вздохнул и, создав?! как?! еще один светящийся комок, вбросил его между сестрами. Ольга присмотрелась внимательнее – и удивление ее выросло еще больше. Близнецы не касались «снаряда» руками, они просто выставляли ладони на его пути, и светящийся шарик тут же менял направление. Эдакий пинг-понг... без ракеток.

Комок света летал все быстрее, мерцая всполохами от желтого до синего цвета. Кирилл морщился, но молчал. Но стоило лишь свечению пойти на убыль, как юноша что-то процедил сквозь зубы и подбросил сестрам сразу три шарика, одновременно включаясь в их противостояние. Пинг-понг превратился в жонглирование, скорость росла, шарики начали угрожающе гудеть и даже потрескивать.

Ольга видела, что девушки, несмотря на то что находятся в трансе, уже порядком устали, но их учитель словно и не замечал этого. С легкостью, чуть ли не взглядом перенаправляя сгустки света то Лине, то Миле, он вдруг начал резко менять скорость и траекторию движения шариков, а потом заставил их менять собственный цвет. Теперь девушки были вынуждены не только отталкивать сгустки света от себя, но и поддерживать именно тот цвет, который выбирал Кирилл. Отразить шарик в ином случае просто не получалось, и он, судя по возмущениям Эфира, ударяясь о выставленные ладони, причинял несильную, но весьма ощутимую боль.

В конце концов девушки окончательно выдохлись. Одна из близняшек не смогла отразить два шарика подряд, а другая просто опустила руки, и огненно-красный сгусток света на бешеной скорости впечатался... точнее, едва не впечатался в грудь Милы. Ольга не поверила своим глазам, когда стоящий в пяти метрах от близняшек Кирилл вдруг исчез и появился точно перед летящим в Милу шариком пронзительно-алого цвета. Полыхнул розовыми отсветами неизвестно когда возведенный им эфирный щит, потоки алого света, расплескавшегося по его поверхности, потекли наземь и застыли идеально ровной дугой мутного моментально потрескавшегося наплыва на песке.

Кирилл сделал неуверенный шаг назад, поморщился и, утерев со лба выступивший пот, что-то тихо сказал близнецам, указывая на закрепленные у девушек на руках широкие черные «напульсники». Мила опустила взгляд на спекшийся в стеклянистую массу песок в полуметре от ее валуна и, поблуднев, что-то быстро-быстро заговорила. До Ольги не долетали фразы, только отдельные слова в захлебывающемся монологе... А вот Лина, кажется, была просто в ступоре. Но... она даже не смотрела на след, оставленный пойманным Кириллом сгустком света. Взгляд сестры Милы был прикован к сердитому Кириллу, а Эфир вокруг Лины так и кипел недоумением и изумлением... Этого Ольга не поняла совершенно. Зато не упустила момента, когда на полигон ворвался зло зыркающий по сторонам командир бестужевской дружины Аристарх Хромов и попытался прореветь что-то об идиотах, устраивающих бурю в Эфире вместо нормальных тренировок, отчего половина охранных артефактов с ума посходила. Не упустила она и реакции Кирилла, который, с видимой легкостью выдержав наезд дружинника, выслушал все его матерные рулады и вдруг рявкнул так, что клен над головой Ольги тут же потерял половину своего золота и багрянца.

– ВОН ИЗ КРУГА!

Аристарх Хромов, опешив от такой наглости, воззрился на пятнадцатилетнего подростка, Эфир вокруг которого вдруг взбурлил совершенно чудовищной по своей концентрации яростью и так же внезапно опал, словно ничего и не было. А в следующую секунду близняшки рухнули на песок в облаках каменного крошева, которым в момент осыпались их валуны. Ничего подобного Ольга еще никогда не видела... А уж того, что последовало за этим «шоу», и подавно.

– Прощу простить, мастер, – неожиданно для присутствующих, с явным ехидством в голосе прогудел Хромов и, поклонившись, исчез, словно его и не было. Ольга в неверии помотала головой. Что это было?!

Глава 4. Если гора не идет... значит, было мало травы

Что это было? Или я чего-то не понимаю, или этот ярый в чем-то ошибся... В смысле, да, по здешней классификации я действительно мастер Эфира, и соответствующий документ у меня имеется, но... Хромов сказал это как-то не так. Тьфу ты! У меня точно мозги со страху заплелись. Идиот! Это же надо было ТАК спалиться с уровнем контроля... То-то он ерничал! Удивительно, как сюда вообще вся бестужевская дружина не сбежалась!

Правда, у меня имеется оправдание. Я действительно испугался, что могу не удержать этот чертов комок энергии. Хорошо еще догадался сбросить возмущения в камни... а то ведь и окружающих приложило бы... Чертова Мила! Трудно ей было уклониться от заряда, что ли?!

Покосившись на озирающих сотворенный мною бардак абсолютно невредимых близняшек, я тяжело вздохнул и, отбросив Эфиром каменные осколки в сторону, хлопнул в ладоши. Сестры вздрогнули и, отвлекшись от созерцания груды щебня, перевели на меня взгляды, в которых явно читалось недоумение.

– А вы думали, я просто так вас на контроль натаскиваю? Эфир – это вам не стихийные техники. Не удержите концентрацию – сгорите на хрен. Что встали? Бегом в душ – и на обед!

Глянув вслед тут же испарившимся кузинам, я тяжело вздохнул. Если бы не «радостная новость» Ольги, черта с два я бы так сорвался. М-да уж... И дело даже не в том, что объясненный ею финт с помолвкой полностью меняет весь расклад, что я уже состряпал у себя в голове. Лучше так, чем ошибиться в выводах и наделать глупостей только из-за того, что не знаешь и соответственно не учел чего-то важного. Но вот намек на неких молодых людей, что ищут внимания Ольги и могут возжелать освободить место ее нареченного, дабы не мешал самим туда забраться, мягко говоря, совсем не обрадовал, как бы я ни хорохорился. Ревность? Если бы. Банальное желание жить, и жить спокойно... хотя, конечно, отрицать действие некоего собственнического инстинкта я тоже не стану. Девушка хороша. Но это уже лирика...

Короче, еще одной головной болью стало больше. Кстати...

– Оля, ты долго собралась в засаде сидеть? – повернувшись в сторону единственного растущего на краю площадки клена, спросил я.

– Я просто мимо проходила, – выходя из-за дерева, пожала плечами девушка.

– Ну да, с полчаса назад, – хмыкнул я.

В ответ Ольга только руками развела и улыбнулась. Но поболтать нам не дали. Примчался из дома Леонид и, даже не поздоровавшись, поволок нас на обед.

До вечера я занимался накопившейся за прошедшие дни домашней работой, задания которой мой заместитель с ехидной улыбкой притаскивал ежедневно из гимназии. Вот ни на секунду не сомневаюсь, что идея «загрузить больного, чтобы не скучал» принадлежит именно его хорячьей светлости. А после ужина меня зазвал в свой кабинет вернувшийся из Приказа Бестужев-старший. Хмурый и сосредоточенный...

– Кирилл... присаживайся. – Боярин указал мне на кресло в углу кабинета, устраиваясь в соседнем с ним. Пожав плечами, я воспользовался предложением и, усевшись в кресле, воззрился на сосредоточенно потирающего кончик носа Бестужева. А тот молчал.

– Кхм. Валентин Эдуардович...

Услышав меня, боярин вынырнул из своих мыслей. Вскинул голову и, наткнувшись на мой выжидающий взгляд, кивнул. На журнальный столик между нами упала небольшая кожаная папка с засургученным замком.

– Вот. Именно из-за этого я тебя и позвал, – протянул Бестужев. – Не стесняйся, бери. Открывай и читай.

Я с опаской покосился на папку. Неужто еще какие-то новости сейчас свалятся мне на голову? Я еще и от уже имеющихся-то не отошел толком...

– Что это? – не торопясь брать в руки этот «подарок», поинтересовался я.

– Хм... документы твоего отца, кое-какие записи о школе. Пара личных дневников... в общем, всякое-разное... Почитаешь – поймешь, – тихо проговорил хозяин дома. – Ну а если в чем-то не разберешься, обращайся. Помогу.

– Понятно, – протянул я и, опомнившись, сказал: – Спасибо, Валентин Эдуардович. Дома у меня не было почти ничего от родителей. Разве что отцовы досвадебные фотографии и семейный альбом.

– Ну да, а архивы рода – место чересчур скучное, – хохотнул боярин. Стоп! Какие такие архивы?! Почему я не знаю? Точнее, почему Кирилл о них ничего не знал?!

– Ну-у да... – изобразив виноватую улыбку, ответил я, мысленно проклиная инерцию мышления. Все-таки иногда память Кирилла подбрасывает подлянки. Точнее, мое к ней отношение. Вот как сейчас, например. Кирилл знать не знал ни о каких родовых архивах, но я-то должен был понять, что семьи обязаны сохранять и беречь важную информацию, документы и свидетельства о своем прошлом. В конце концов, традиционность здешнего высшего сословия просто требует такого отношения к предкам и их деяниям! А вот поди ж ты... Не сообразил. В очередной раз положился на память четырнадцатилетнего паренька, не подумав, что он был совсем не всезнающим, и... дьявольщина!

Услышав легкое покашливание рядом, я понял, что теперь сам слишком глубоко ушел в себя.

– Простите, задумался. Это все? – вскинув голову, спросил я боярина.

– Хм... Полагаю, пока да, – кивнул тот в ответ. – Если ты не собираешься читать документы прямо сейчас, конечно.

– Не хочу вас стеснять, Валентин Эдуардович, – я отрицательно покачал головой.

– Ну что ты, Кирилл! Мы же, как-никак, потенциальные родственники, а? – добродушно усмехнувшись, пророкотал боярин. – Какое тут стеснение! Ладно, иди читай. Будут вопросы – сразу обращайся. Обязательно отвечу и поясню, если что-то будет непонятно.

Слиняв из кабинета Бестужева, я добрался до выделенной мне комнаты и уже хотел было сломать сургуч на замке папки, как почувствовал вибрацию «громовского» браслета, надетого мною сразу по возвращении из «разведки».

– Кирилл, здравствуй, – изображение Гдовицкого странно дернулось. Это куда же он закопался, что эфир так искажается?!

– Добрый вечер, Владимир Александрович, – кивнул я.

– Как сказать, – явно о чем-то своем буркнул мой собеседник, но тут же спохватился. – Добрый, добрый, Кирилл. У меня не так много времени, поэтому просто слушай и не перебивай. Боярина Бестужева Федор Георгиевич уже предупредил, теперь на всякий случай предупреждаем и тебя. Томилины. После смерти Ирины Михайловны у нас возникли серьезные трения с их родом. Близнецы не в курсе, но все очень-очень серьезно, понимаешь?

– Война родов?

– Умный мальчик. Я не прошу тебя быть их телохранителем, в сложившихся обстоятельствах это идиотизм, но... пожалуйста, присмотри, чтобы у них не было контактов с Томилиными. Особенно с одним из них. Романом Вышневецким. Ты его должен был видеть на похоронах, он стоял рядом с Линой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.